

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (59) 2025

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (59) 2025

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (59) 2025

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 4 (59) 2025

Anna V. Dybo, Ninel V. Malysheva, Aitalina V. Timofeeva, Uliana N. Legusina.

Dialect names of trees and shrubs in the Yakut language:

linguistic and geographical features (based on “LingvoDoc” linguistic platform) 7

Anastasiia I. Kriukova, Tatiana I. Davidyuk, Anna A. Danilova. Creating a database of connectives

for an understudied language: the case of Tatyshly Udmurt..... 30

Irina P. Novak. Verbal morphology of the earliest printed piece

of Tver Karelian written language heritage..... 47

Enye Lav (Vyacheslav A. Stepanov). Komi-Permyak translation of the

Gospel of Matthew 1823: features of graphics and spelling 57

Irina A. Khomchenkova. Causal and purpose adverbial clauses in Hill Mari speech..... 79

Author guidelines 98

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (59) 2025

А. В. Дыбо, Н. В. Малышева, А. В. Тимофеева, У. Н. Легусина. Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке: лингвогеографический аспект (на основе лингвистической платформы «ЛингвоДок»).....	7
А. И. Крюкова, Т. И. Давидюк, А. А. Данилова. Создание базы данных коннекторов малоизученного идиома: опыт татышлинского удмуртского	30
И. П. Новак. Глагольная морфология первого печатного памятника тверской карельской письменности	47
Öньö Лав (В. А. Степанов). Коми-пермяцкий перевод Евангелия от Матфея 1823 г.: особенности графики и орфографии	57
И. А. Хомченкова. Причинные и целевые адвербальные клаузы в горномарийской речи	79
Информация для авторов	98

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкоznания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкоznания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь
М. П. Безенова
(к.ф.н., Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкоznания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкоznания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мышников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкоznания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкоznания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкоznания РАН), А. Б. Шлюинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкоznания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкоznания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаковски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary
Maria Bezenova
(Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board
Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigorij Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board
Rinat Ahmet'yanov (Birsk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexander Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

**Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке:
лингвогеографический аспект
(на основе лингвистической платформы «ЛингвоДок»)**

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкоznания РАН (Москва); adybo@mail.ru

Малышева Нинель Васильевна, Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова (Якутск); ninel_malysheva@mail.ru

Тимофеева Айталина Владимировна, Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова (Якутск); aitalina0895@gmail.com

Легусина Ульяна Николаевна, Институт системного программирования
им. В. П. Иванникова РАН (Москва); ulegusina@mail.ru

Диалектная фитонимическая лексика представляет собой репрезентативный материал для лингвогеографического исследования. Денотатами ботанической номенклатуры являются конкретные объекты (растения), привязанные к определенной территории, что позволяет нам проследить связь между лингвогеографической картиной распространения названий и картиной распространения растений. Настоящая работа продолжает этимологико-ономасиологическое исследование якутских фитонимов, начатое в статье «Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке» (Урало-алтайские исследования. 2025, 1 (56)). В ней проводится комплексный лингвистический и историко-этнографический анализ этих лексем и устанавливается их географическое распределение с помощью функции картографирования на платформе «ЛингвоДок» (загружено более 30 диалектных мини-словарей, построены лингвистические карты). Исследование подтвердило, что фитонимы содержат в себе обширную информацию, соответствующую биологическим (ареалам произрастания), историческим и этнографическим (местам проживания этносов) реалиям. Полученная нами информация о протекавших на территории Якутии языковых процессах коррелирует, в частности, с этапами образования диалектной системы якутского языка: исконная тюркская лексика — монгольские заимствования (период до прихода на Среднюю Лену) — эвенкийские заимствования (примерно начиная с этапа освоения Средней Лены и последующего расселения) — заимствования из других тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков (видимо, в ходе более поздних региональных контактов) и русские заимствования.

Ключевые слова: якутский язык, фитонимы, ботаническая номенклатура, лингвогеография, диалектная система, этимология, географическая локализация

**DIALECT NAMES OF TREES AND SHRUBS IN THE YAKUT LANGUAGE:
LINGUISTIC AND GEOGRAPHICAL FEATURES (BASED ON “LINGVODOC” LINGUISTIC PLATFORM)**

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics RAS (Moscow); adybo@mail.ru

Ninel V. Malysheva, North-Eastern Federal University in Yakutsk; ninel_malysheva@mail.ru

Aitalina V. Timofeeva, North-Eastern Federal University in Yakutsk; aitalina0895@gmail.com

Uliana N. Legusina, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); ulegusina@mail.ru

Dialectal phytonymic (plant-related) vocabulary typically serves as valuable material for linguo-geographic research. The referents of botanical nomenclature are concrete objects (plants) tied to specific territories, allowing us to establish connections between the linguo-geographic distribution of plant names and the actual distribution of the plants themselves. Based on prior etymological and onomasiological research of dialectal names for trees and shrubs in the Yakut language — published in the article *Dialectal Names of Trees and Shrubs in the Yakut Language* in Issue No. 1 (56) of the journal *Ural-Altaic Studies* — this paper conducts a comprehensive linguistic and historical-ethnographic analysis of these terms and maps their geographical distribution using the cartography function on the *LingvоДок* platform (over 30 dialectal mini-dictionaries were uploaded, and linguistic maps were constructed). The study reveals that phytonyms contain extensive information corresponding to biological (growth ranges), historical, and ethnographic (ethnic settlement areas) realities. The data we obtained on linguistic processes in Yakutia correlates, in particular, with the stages of formation of the Yakut dialectal system: Native Turkic vocabulary — Mongolian borrowings (before migration to the Middle Lena region) — Evenki borrowings (approximately from the time of settlement along the Middle Lena and subsequent expansion into other areas) — borrowings from other Tungusic and Paleo-Asiatic languages (likely during later regional contacts) — borrowings from Russian.

Keywords: Yakut language, phytonyms, botanical nomenclature, linguo-geography, dialectal system, etymology, geographical localization

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-78-30006 «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)».

I. Введение

Диалектная лексика якутского языка образует уникальный пласт, включающий слова народной номенклатуры, отражающие когнитивные особенности, культурное освоение территорий и мировоззрение носителей. Особую значимость она приобретает как источник историко-лингвистической информации о якутском языке и соседних этнических сообществах, поскольку диалектизмы часто сохраняются в локальных ареалах языкового взаимодействия, фиксируя формы, остающиеся за пределами внимания этимологов и словарных норм. В этом контексте наиболее уязвимой оказывается фитонимическая лексика, подверженная двойной угрозе: со стороны климатических изменений, трансформирующих растительный покров Якутии, и со стороны глобализационных процессов, ускоряющих вытеснение диалектных форм литературными аналогами.

Настоящая статья является логическим продолжением предыдущей публикации [Дыбо и др. 2025], где были представлены результаты этимологического и ономасиологического анализа диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке. В данной работе с помощью функции картографирования на платформе «ЛингвоДок», на которую загружено более 30 диалектных мини-словарей и построены лингвистические карты, устанавливается географическое распределение диалектных фитонимов.

Кроме того, как справедливо отмечает Ю. В. Норманская, принципиальное отличие изучения фитонимов заключается в том, что «денотат ботанической номенклатуры достаточно хорошо изучен биологами и существует в действительности как набор конкретных объектов, привязанных к определенным территориям» [Норманская 2006: 387]. Благодаря этой географической привязке представляется возможным определить по наименованиям растений географическую локализацию прародины якутов.

Цель настоящего исследования — установить и объяснить соответствия между географическими, ботаническими реалиями и лингвистическим, этимологическим аспектами некоторых диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке, используя различные лингвистические методы и цифровые возможности платформы «ЛингвоДок».

Путем построения лингвистических карт мы ставим перед собой следующие задачи:

- 1) проанализировать географическое распределение этимологических пластов в фитонимах для отражения истории развития диалектной системы якутского языка;
- 2) рассмотреть географическое распределение типов мотивации в названиях деревьев и кустарников якутского языка.

Следует оговорить, что решение первой задачи носит предварительный характер, поскольку те диалектные названия растений, которые мы берем из опубликованных диалектологических источников, обычно не имеют четких ботанических определений, и установить их можно было бы только в результате совместной работы ботаников и диалектологов, подобной той, которая легла в основу труда [Ачимова 2007] и которая для якутского языка остается делом будущего.

II. Источники и методы исследования

Настоящая работа основана на комплексном анализе 185 фитонимов якутского языка, обозначающих 18 видов древесно-кустарниковой растительности Якутии. Исследование охватывает как широко распространенные виды (*Larix gmelinii*, *Betula platyphylla*, *Pinus sylvestris*), так и менее распространенные, но значимые в традиционной культуре растения (*Rosa acicularis*, *Padus avium*, *Juniperus sibirica*), а также один неидентифицированный таксон, требующий дополнительного изучения. Географическая стратификация материала позволила установить ареальное распределение фитонимов: 112 единиц с четкой территориальной привязкой (15 улусов Якутии и сопредельные регионы) и 73 единицы с недифференцированным ареалом (маркированы как «диал.» без конкретизации; их фонетические особенности не позволяют установить диалектную принадлежность).

Источниковая база включает: 1) лексикографические источники (15-томный толковый словарь якутского языка под редакцией П. А. Слепцова, словарь Э. К. Пекарского, диалектологические словари); 2) биологические справочники (флористические сводки, определители лекарственных растений); 3) этнографические материалы (труды А. Е. Кулаковского, современные этнолингвистические исследования); 4) полевые данные экспедиций 2017—2023 гг., в том числе собранные в рамках проекта по документированию языкового разнообразия Арктики.

Отбор материала проводился методом сплошной выборки с применением строгих критерий: включены только собственные названия конкретных растений; исключены родовые понятия и заимствованные ботанические термины.

Для анализа использован комплекс методов: 1) семантико-мотивационный анализ (выявление моделей номинации, классификация по лексико-семантическим группам); 2) структурный анализ (морфемная сегментация, словообразовательные типы); 3) ареальные исследования (картографирование изоглосс, выявление контактных зон); 4) квантитативные методы (частотный анализ, статистическая обработка); 5) сравнительно-исторический анализ (этимологические реконструкции, выявление хронологических пластов). Такой подход позволяет создать целостную картину, сочетающую системное описание фитонимической лексики, реконструкцию номинационных процессов и документирование исчезающих диалектных форм, что представляет ценность как для лингвистики, так и для смежных дисциплин — этнографии, ботаники и исследований традиционного природопользования.

Для сопоставления ареала фитонима с географией произрастания соответствующего растения основным источником послужила работа П. А. Тимофеева «Деревья и кустарники Якутии» [Тимофеев 2003], содержащая четко структурированную и исчерпывающую информацию о деревьях и кустарниках Якутии. В ходе анализа было установлено, что квазисинонимичные (характеризующие один и тот же род растения) народные наименования практически не соотносятся с научной ботанической классификацией видов, произрастающих на территории Якутии и прилегающих территориях. Отчасти это может быть связано с отсутствием совместных работ ботаников и лингвистов по сбору народных названий растений; обычно в диалектологических словарях даются довольно общие значения фитонимов. Несмотря на это, для наглядности выявленного несоответствия и для последующего анализа семантических переходов в работе приводятся современные научные названия соответствующих видов. Ботаническая классификация также необходима для характеристики типов семантических сдвигов.

Диалектологической основой исследования послужили фундаментальные труды ведущих специалистов в области якутской диалектологии. Ключевыми для нас стали исследования М. С. Воронкина [Воронкин 1983; 1999], С. А. Иванова [Иванов 1993; 2004], Е. И. Коркиной [Коркина 1987; 1990; 1992] и Е. И. Убяятовой [Убяятова 1960], в которых представлен систематизированный анализ диалектного материала, собранного в ходе многочисленных экспедиций и полевых работ. В них обобщены данные, полученные как указанными авторами, так и другими исследователями якутских говоров.

В своей работе «Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика» М. С. Воронкин пишет о двухэтапном процессе формирования диалектов в якутском языке. Этап I (до второй половины XVII в.) — дорусский — связан с первоначальным расселением носителей якутского языка на территории Средней Лены. Этап II (вторая половина XVII в. — 1920-е гг.), начавшийся после вхождения Якутии в состав России и продолжавшийся до Великой Октябрьской революции, характеризуется миграцией групп якутов из Средней Лены в разные стороны из-за различных факторов [Воронкин 1999]. Основной причиной переселения, как считает исследователь, стал социально-экономический фактор: «непосильные ясачные поборы, грубый произвол царского самодержавия и не менее тяжкие притеснения местных тойонов» [там же: 24]. Группы якутов, переселившиеся в другие районы Якутии и соседние регионы России, вступали в тесные контакты с коренными народами Севера (преимущественно тунгусскими родами), что привело к активным процессам культурного и языкового смешения и в конечном итоге к образованию четырех диалектных групп.

Для географической привязки фитонимов мы используем диалектное членение, принятое в [ДСЯС 1995] и детализированное в работах М. С. Воронкина и Е. И. Коркиной:

- 1) северо-западная группа говоров: долганский таймырский диалект и есейский говор якутского языка — за пределами республики; анабарский говор (с юрюнг-хаинским подговором), оленекский (с эйикским подговором), булунский и жиганский говоры, из которых два последних переходные;
- 2) вилуйская группа говоров: вилуйский (с заречным подговором), нюрбинский, сунтарский (с садынским подговором) говоры; территории Олекминского, Ленского и Кобяйского периферийных районов, относящиеся по всем признакам к данной языковой группе;
- 3) центральная группа говоров: территории Намского, Горного, Орджоникидзевского, Амгинского, Мегино-Кангаласского, Усть-Алданского, Алексеевского, Чурапчинского и Усть-Майского районов, которые пока не расчленены на говоры [Воронкин 1983: 79—80];
- 4) северо-восточная группа говоров: верхоянский говор с саккырырским подговором; колымский говор, объединяющий подговоры Нижнеколымского, Среднеколымского и Верхнеколымского районов; оймяконский говор, распространенный на территории Оймяконского района, а также якутоязычных районов Магаданской области; усть-янский говор населения Усть-Янского и Аллаиховского районов; индигирский говор населения Момского и Абыйского районов [Коркина 1992: 12—14].

Приведем результаты проведенных ранее этимологического и ономасиологического анализа (по данным предшествующей публикации).

Наиболее распространенные виды деревьев и кустарников обладают наибольшим количеством диалектных вариантов названий, например: семейство ивовые — 37 фитонимов, сосновые — 31 фитоним.

Большинство рассмотренных фитонимов (59%) образовано по мотивационным признакам. Установить связь между таким способом образования и географическим распределением не представляется эффективным, поскольку данный способ номинации растений универсален для всех диалектных групп (и, по-видимому, для всех языков мира).

Некоторые проанализированные исконные лексемы, являясь диалектизмами, отражают характерные фонетические особенности соответствующих говоров.

На основе анализа 127 наименований деревьев и кустарников якутского языка были выделены три группы: 1) синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму; 2) синхронно мотивированные (с опознаваемой внутри якутского языка внутренней формой) фитонимы (в том числе такие, внутренняя форма которых включает заимствованные слова) и 3) синхронно немотивированные фитонимы — заимствования.

Синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму, — 15 л. е. (12%).

Заимствования (29%) распределены по этимологическим пластам: монгольские — 3 л. е. (2%), тунгусо-маньчжурские — 20 л. е. (16%) и русские — 11 л. е. (9%); возможно, также юкагирские — 3 л. е. (2%).

Синхронно мотивированные названия (59%):

— собственно якутские — 56 л. е. (44%);

— на основе заимствований из:

тюркского языка саянской группы — 1 л. е. (1%);

юкагирского языка — 1 л. е. (1%);

монгольских языков — 8 л. е. (6%);

русского языка — 5 л. е. (4%);

тунгусо-маньчжурских языков — 3 л. е. (3%, включая одно негидальское).

Далее географическое распределение исконной и заимствованной лексики будет рассмотрено подробнее с помощью карт, построенных в системе «ЛингвоДок» на материале ее мини-словарей. Мы отдельно исследуем географию распространения собственно заимствованных (немотивированных с точки зрения якутского языка) названий деревьев и географию использования заимствованных слов в составе названий растений. Как упоминалось выше, диалектная привязка известна для 112 слов. Карты носят несколько условный характер, поскольку для большинства фитонимов из диалектологических источников неизвестен точный населенный пункт записи, указан только административный район. В связи с этим локализация производилась по координатам административного центра ныне существующего или ранее существовавшего района. Фитонимы из общеякутских источников без диалектных помет были условно привязаны к Якутску. В то же время общеякутские фитонимы, засвидетельствованные в составе сложных диалектных названий и иных диалектных композитов с очевидной внутренней формой, считаются употребительными в соответствующих диалектах и локализованы также в этих точках.

III. Географическое распределение этимологических пластов

1. Собственно якутские названия растений, восходящие к общетюркским

Примечание. В данный раздел внесены три уточнения к этимологизациям, предложенным в предыдущей статье.

а) Этимология *тимирик* ‘лиственница, молодая лиственница’ (Центральная диалектная зона); *тимирик арбай* Бод. ‘лиственничная заросль’ [ДСЯС 1995: 187]; долг. *titirik* ‘лиственница, хвойное дерево, саженец’ [Stachowski 1998: 239]. В настоящее время мы считаем эту лексему внутриякутским производным от глагола *titirā-* ‘дрожать, трепетать’, долг. *titirā-* ‘zittern’, восходящего к ОТю. **titire-* [Stachowski 1993: 223].

б) Этимология *тэмин* лит. ‘осина’, Вил. ‘осина (*Populus tremula L.*)’ [Кулаковский 1979: 435]¹; Кол. ‘молодой тополь’ [ДСЯС 1995: 201]. Мы склоняемся теперь к точке зрения С. Калужинского, согласно

¹ Источник А. Е. Кулаковского здесь — работа о Вилюйском округе [Маак 1886: 297]. По данным на 1896 г. в состав этого округа входили Верхневилюйский, Мархинский, Средневилюйский, Сунтарский улусы; включал территорию Нюорбинского района. Олекминский округ был тогда самостоятельной административной единицей, а земли современного Ленского района (с. Мухтуя на месте Ленска) входили в Иркутскую губернию.

которой это мотивированное название, основанное на заимствовании из монг. (ср. письм.-монг. *tetegei* ‘дрожащий, дребезжащий от стужи’, халха *тэтгий*, бур. *тэты*, калм. *tet³gē*) [Калужинский 1995: 332].

Мотивация фитонима в обоих случаях одна и та же.

в) Этимология общеякутского *отон* ‘ягода’. По устному сообщению Ю. Янхунена, данное слово предпочтительнее считать заимствованием в протоякутский из южносамодийского до выхода на Среднюю Лену, во время пребывания в Южной Сибири (см. [VEWT 1969: 367; Janhunen 1977: 177]).

Исконные общетюркские фитонимы, несмотря на относительную малочисленность (12%), демонстрируют общеякутское распространение (см. рис. 6).

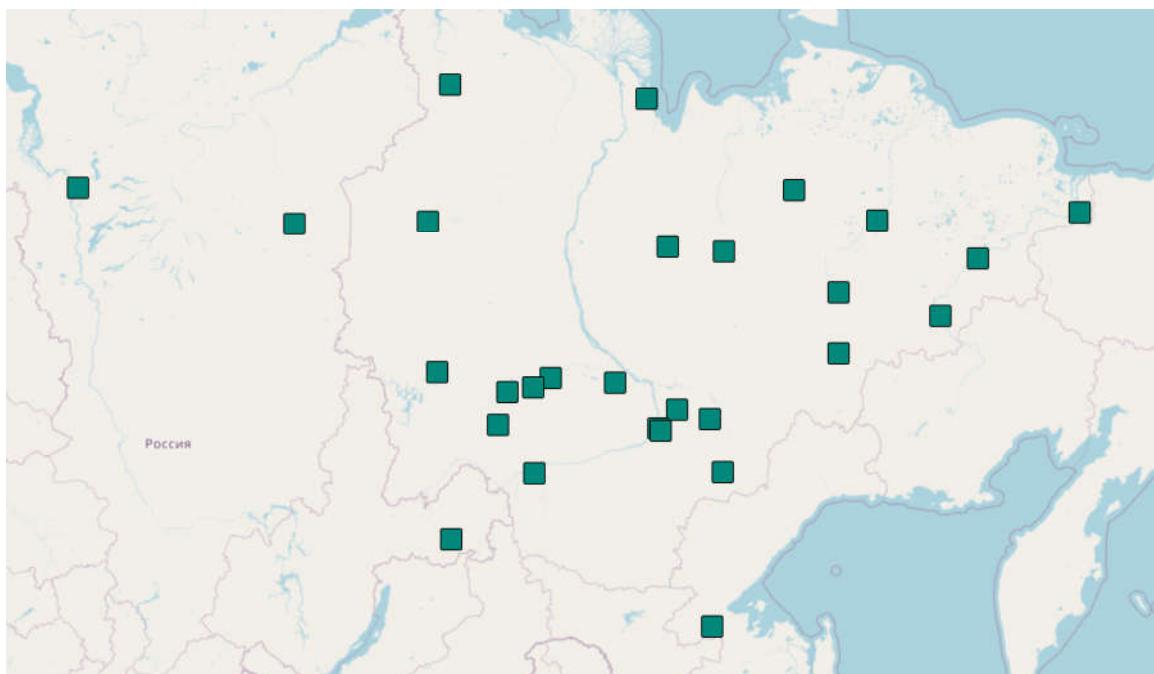

Рис. 1. Якутские названия деревьев и кустарников, восходящие к общетюркскому состоянию
(https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/csaQv)

На карте отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Тиит лит. ‘лиственница’; Долг. *tīt* ‘лиственница; большое дерево; шест’ (‘Lärche; grosser Baum; Pfahl’ [Stachowski 1993: 224]; Инд. *арык тиит* ‘священная лиственница с густыми ветвями, к которой никто не прикасается’ [ДСЯС 1995: 42]; Ойм. *чаыллах тиит* ‘крупное ветвистое дерево с толстым основанием’ [там же: 230]; Верх. *үнүн дыылыгырас тиит* ‘высокая стройная лиственница’ [ДСЯЯ 1976: 102], *суюн тиит* ‘старая толстая лиственница’ (инф. КВЗ), *баараңай тиит* ‘старая, крупная лиственница’ (инф. КВЗ); Сакк., С.-Кол. *уолах тиит* ‘большая толстая лиственница’ [там же: 260]; Уд. *тиитчээн* ‘молодая лиственница’ [ДСЯС 1995: 186] < як. *тиит* ‘лиственница’ + Dimin. -чээн).

Бэс лит. ‘сосна’; Сунт. *бэстээх балык* ‘похлебка из соснового луба и гольяна’ [ДСЯС 1995: 85], *туорум бэс* ‘сложенная рядами содранная с сосен кора’ [там же: 195]; Бод. **Бэс** топоним (букв. ‘Сосновое озеро?’) [там же: 55].

Харыйа лит. ‘ель’; Долг. *karyja* ‘пихта, сосна (Fichte, Kiefer)’ [Stachowski 1998: 142]; Сунт. *харыйа* ‘ель’ в сочет. *хонуу харыйата* ‘полынь замещающая, Artemisia commutata’ (букв. ‘полевая елочка’) [ДСЯЯ 1976: 383], *харыйа от* ‘подорожник’ [там же: 382]; Татт. *харыйа* ‘ель’ в сочет. *харыйа эрбээн* ‘полынь замещающая, Artemisia commutata’ (букв. ‘еловая полынь’) [там же: 383]; Нюрб., В.-Вил. *харыйа от* ‘щавель морской’, Вил. *харыйа от* ‘пижма’ [там же: 382]; Бод. *харыйа* ‘ель’, в сочет. *харыйа оттуу* ‘шалаш из еловых веток’ [ДСЯС 1995: 219]; Уд. *танса харыйа* ‘пихта’ [ДСЯЯ 1976: 235].

Үом лит. ‘ива’; Долг. *йöt* ‘ива (Weide)’ [Stachowski 1993: 252]; Ан., Верх., Ес. *үом* ‘ива-сушняк’ [ДСЯЯ 1976: 269], С.-Кол. ‘высохшее ивовое дерево’ (инф. КИМ).

Талах лит. ‘ива, кустарник’; Долг. *talak* ‘куст; ивовый куст’ [Stachowski 1993: 216]; Инд. *хорон талах* ‘заросли тальника, растущие в тенистых местах’ (букв. ‘жесткий, грубый тальник’) [ДСЯС 1995: 226], *быа талах* ‘тальник, пригодный для связки чего-либо’ (букв. ‘веревка-тальник’) [там же: 57]; Кол. *талах* ‘ольха Iox.’ [Пекарский I: 2536]; В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *дъахтар талаба* ‘ольха’ (букв. ‘жен-

ский тальник’); В.-Кол. *бэчэрик талах* ‘тонкий, гибкий тальник’ [ДСЯЯ 1976: 82], *ыман талах* ‘вид тальника’ (букв. ‘тонкий тальник’) [там же: 312]; Верх. *сааха талаца* ‘ива сухолюбивая’ [там же: 205], *наахса талаца* ‘вид ивы’ [там же: 226]; В.-Кол. *саха талаца, саахса талаца* ‘ива сухолюбивая’, С.-Кол. *саахса талаца* ‘вид ивы’ [там же: 205] (букв. ‘якутская ива’). Вил., М.-Канг., С.-Кол., В.-Вил., В.-Кол. *миньник талаца* ‘береза тощая’ (букв. ‘веничный тальник’) [там же: 159]; М.-Канг. *сиппинир талаца* ‘береза тощая’ (букв. ‘веничный тальник’) [там же: 207]; Олекм. *ыылаах талах* ‘похожий на рябину тальник с мелкими ягодами, пахучий тальник’ (букв. ‘пахучий тальник’) [ДСЯС 1995: 245].

Тирэх лит. ‘тополь’, Инд. *тирэх* ‘речная ива’ [ДСЯС 1995: 186]; Сунт. *тирэх* ‘дерево’? (в составе *тирэх мас* ‘козлы для пилки’ (букв. ‘деревяшка для дерева’) [там же: 187]; Бул. *тирэх аха* ‘красная смородина’ [там же: 186], Верх. *тирэх отоно* ‘черная смородина’ (инф. ЮВИ) (букв. ‘кустовая ягода’?).

Былах лит. ‘белая ива’; *былах* Верх. ‘один из видов ивы, белая ива’ [ДСЯЯ 1976: 77].

Хатын лит. ‘береза’, Долг. *катуу* ‘береза (дерево)’ [Stachowski 1993: 141]; Ес. *катын* ‘береза’ [Чор-ду 2011: 147]; Олекм. *хатын* ‘березовая роща’; Сунт. *хатын нарынта* ‘березовый луб’, *хатын ымынаца* ‘чага’; Сад. *хатын үөнэ* ‘чага’; Бод. *хатын төкөнөтө* ‘чага’ [ДСЯС 1995: 221]; У.-А. *хатын* ‘береза’ (в примере под *ыт мунна*) [ДСЯЯ 1976: 316]; Кол. *хатын силиргээ* ‘корневое утолщение бересы’ [ДСЯС 1995: 221].

Силик лит. ‘ольха’; Долг. *sisik-täk* ‘ольховый (Erlen-)’ [Stachowski 1993: 210]; Аллаих. *силик аха* ‘красная смородина’, Татт. *силик аха* ‘черьемуха’, Усть-Ян. *силик анылыга* ‘красная смородина’ [ДСЯЯ 1976: 209] (букв. ‘ольховая (кустовая?) ягода’).

Кытыан лит. ‘можжевельник’, Уд. *китиэн* тж. [ДСЯС 1995: 85], Ес. *кытыан* тж. [Воронкин 1966: 129].

Сымырыт ‘черьемуха (*Prunus padus*)’ [Пекарский II: 2461]; У.-М. *сымырыт* ‘черьемуха’ [ДСЯЯ 1976: 221]; Уд. *сымиршит* ‘черьемуха’ [ДСЯС 1995: 170], Т.-Ч. *симириит* ‘черьемуха’ [Васильев 1987: 19], *сэмэриит* ‘черьемуха’ [Васильев 1987: 25; ДСЯС 1995: 172].

Сугун ‘голубика’ — лит. *сугун абацата* (букв. ‘голубичный дядя’), *тураах сугуна* (букв. ‘журавлиная голубика’) ‘жимолость’ [БТСЯЯ XI: 158]; Долг. *hugun* ‘голубика (Blaubeere); ягода вообще’ [Stachowski 1993: 111]; Сунт., У.-М. *сугун* ‘ягода жимолости’ [ДСЯЯ 1976: 249], У.-А. *сугун* ‘арктоус красноплодный’; Вил., Олен. *ыт сугуна* ‘жимолость’ (букв. ‘собачья голубика’) [ДМВ 1966: 71]; инф. КЕН, Оленекский р-н. Этимология: по-видимому, восходит к ОТю. **jilgun* ‘вид кустарника: гребенщик?’ [ЭСТЯ 1989: 277; ТМН 4: 266]; фонетические трудности (ПТю. **lg* в якутском обычно переходит в -*л*-,ср. **jälga*- ‘лизать’ > як. *салаа-*, **bulga*- ‘перемешивать’ > як. *bilā-*) разрешимы, если привлечь в этимологии абак. *нугун-ук* ‘черника (*die Schwarzebeere*)’ [Вербицкий 1884: 212 (абаканское); Радлов 1905: 704 (сагайское)]. Эта хакасская форма может восходить к **juŋgip*. Следовательно, допустимо предположить, что якутское слово восходит к той же праформе, т. е. со спорадической ассимиляцией срединного [l^g] конечному носовому, и фонетическое развитие в якутском — такое же, как в слове *soyot-ox* < **ja(l)ŋgiz* ‘одинокий’ (хак. *nayis*) [VEWT 1969: 187; ДТС 1969: 235; ЭСТЯ 2000: 98]. Развитие семантики в якутском (как и в хакасском), вероятно, объясняется тем, что оба растения являются ягодными кустарниками (см. [Малышева 2024: 327]).

Приведем фрагмент карты «Дерево» из готовящегося лексикологического тома Электронного атласа диалектов тюркских языков (рис. 2). Карта отражает выражение концепта «90. Tree. Дерево как живой организм, растущее дерево» (приблизительные контексты: *Вон растет высокое дерево. Он срубил дерево. В лесу много разных деревьев*). Анализ карты позволяет сделать следующие наблюдения: во-первых, «акающая» диалектная зона якутского (см. карту 1, [Иванов 2004: 41]) проводит в выражении этого концепта замену общеякут. *мас* на *тиит* ‘лиственница’ (*мас* остается как название материала ‘дерево’ (*wood*) и предметов из дерева — ‘деревяшка’, ‘древа’)²; во-вторых, в северных регионах фиксируется еще одна замена для *мас* (*мас* остается в тех же функциях) — *талах* ~ *талац* ‘ива, кустарник’.

2. Монгольские заимствования в якутских диалектных названиях растений

На карте (рис. 3) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Заимствованные монгольские фитонимы:

як. лит. *долохоно* ‘боярышник’; Томп. *долохуна* ‘боярышник’ [Жиркова, Кривошапкина 1970: 26]; Бод. *долобоно* ‘боярышник’ [ДСЯС 1995: 64];

² Эта же замена неуверенно отмечена в усть-авамском долганском (на карте — Дудинка) [Stachowski 1993: 224]. Однако наши информанты ее не подтверждают, а М. Стаковский приводит сочетание из фольклорных текстов *timir tit* ‘железное дерево’, которое не обязательно может быть истолковано как сочетание с общим названием для дерева.

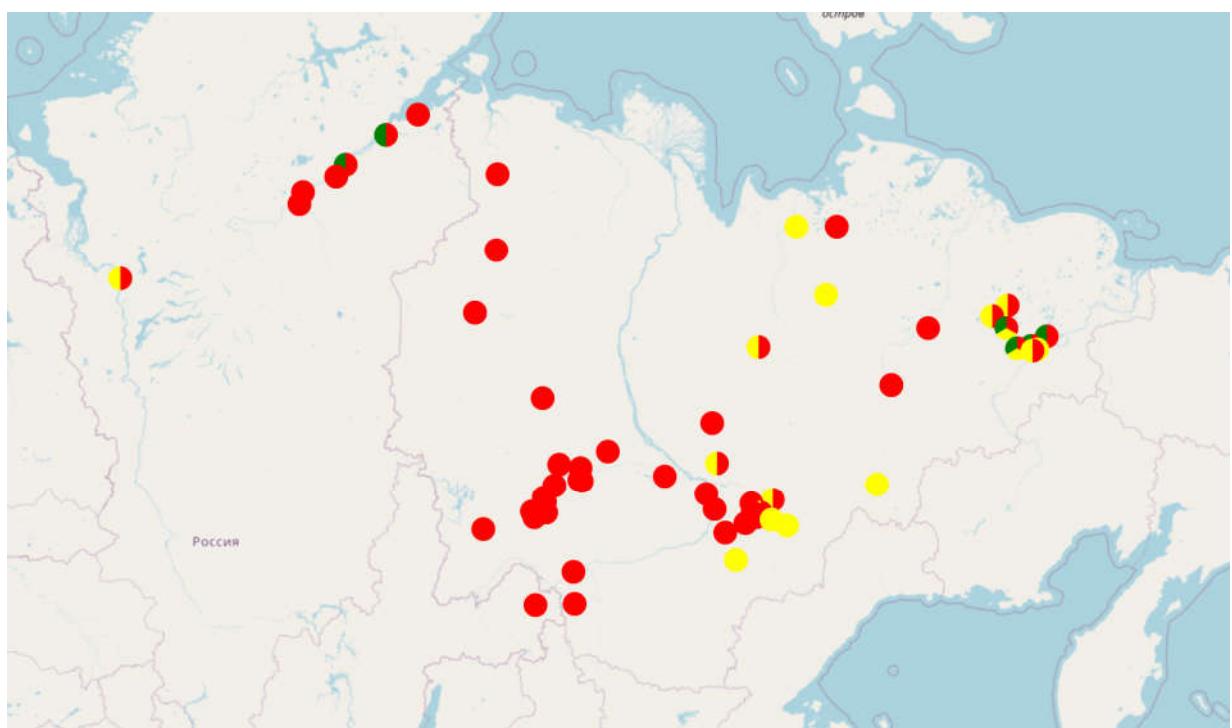

Рис. 2. Выражение в якутском концепта «дерево» (как растительный организм) по результатам опроса 110-словников Сводеша — Яхонтова с контекстами (<https://www.turkmaps.org/yakut/tree.html>).

Красный — общеякут. *mas*³, желтый — общеякут. *tiuit* (*‘лиственница’),
зеленый — общеякут. *talaq* ~ *talaq* (*‘кустарник’)

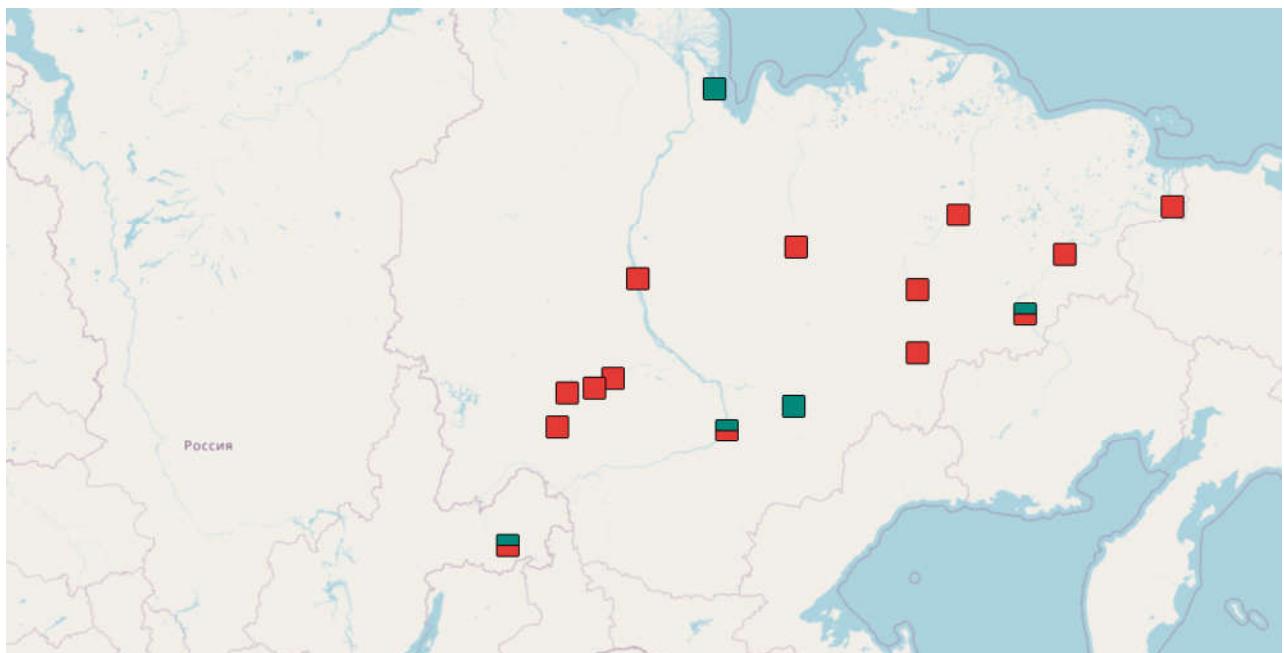

Рис. 3. Монгольские заимствования якутского языка в диалектных наименованиях деревьев и кустарников (https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/0bs1V). Зеленый — названия растений монгольского происхождения, красный — использование монголизмов в мотивированных названиях

³ Мы полагаем, что общеякут. *mas* следует трактовать как контаминацию рефлекса ПТю. **hqan-GOč* > раннеякут. **ijas* > **jas* (с недопустимым для якутского аллаутом на *j*-) и реэтиологизации, согласно гипотезе М. Стаковского, эвенкийского коллективного имени *tob-sa* от эвк. *tob* ‘дерево’ как формы принадлежности 3-го л. (ср. [Stachowski 1995]).

В.-Кол. *уулайы* ‘ольха; чозения крупночешуйчатая’; як. лит. *ыарба* ‘карликовая береза’; Бул. *сытыган ыарба* ‘багульник’ (букв. ‘вонючий ерник’) [ДСЯС 1995: 172].

Якутские фитонимы, восходящие к монгольским заимствованиям из других семантических областей: *тэтиг* лит. ‘осина’, Вил., В.-Вил., Нюрб., Сунт. ‘осина (*Populus tremula L.*)’ [Кулаковский 1979: 435]; Кол. ‘молодой тополь’ [ДСЯС 1995: 201];

дьондол Жиг. ‘ива, белая ива’;

арбай Ойм., Аб., Верх., В.-Кол. ‘ива’ [ДСЯЯ 1976: 50]; Бод. *титирик арбай* ‘лиственничная заросль’ [ДСЯС 1995: 187];

абырбал Верх. ‘густой кустарник, ерник’ [Коркина 1990: 107];

дывлынын Верх. ‘высокая стройная лиственница в долине реки’ [ДСЯЯ 1976: 102];

сапсырба Вил. ‘тальник с густыми ветками, употребляемый для тушения пала’ [ДСЯЯ 1976: 203];

баараңай тиим Верх. (букв. ‘крупная лиственница’) ‘старая, крупная лиственница’ (инф. КВ3);

бэхэрэйк лит. ‘молодая лиственница’; Верх. *бэхэрэйк, бэчик* ‘молодая лиственница’; Аб. *бээтэрэйк* ‘лесная чаща’; В.-Кол. *бэчэрэйк талах* ‘ива, тальник’ [ДСЯЯ 1976: 82];

анаалык (без помет) ‘крупное засохшее лиственничное дерево’ [ДСЯЯ 1976: 47];

арык тиим Инд., Аб., Мом. ‘священная лиственница с густыми ветвями, к которой никто не прикасается’ [ДСЯС 1995: 42];

бөчүгүрэс аха Бод. ‘боярышник’ [ДСЯС 1995: 53], букв. ‘рябчикова ягода’; як. *бочугурас, бөчүгүрэс* ‘рябчик’ в [Попов 2003: 53] производится от *бочугураа-* ‘щебетать’, но сам этот звукоизобразительный глагол, скорее всего, восходит к монг. *bojurga* ‘жаворонок’ [ЭСМЯ 2015: 96]⁴.

Судя по карте, как прямые монгольские заимствования фитонимов, так и мотивированные названия, использующие монголизмы, распространены преимущественно в зонах наиболее древнего расселения якутов (ср. ниже о русизмах). Любопытно, что, хотя в долганских материалах М. Стаковского зафиксировано огромное количество общекамчатских монгольских заимствований, их практически нет среди фитонимов. В случаях, когда обозначение соответствующего растения все же имеется, оно замещено либо тунгусо-маньчжурским, либо русским заимствованием.

3. Тунгусо-маньчжурский и палеосибирский пласти

Заимствования из тунгусо-маньчжурских языков составляют самый многочисленный пласт иноязычной лексики (16% от общего числа) в диалектных наименованиях деревьев и кустарников якутского языка и действительно отражают исторические и социальные процессы, происходившие на территории Якутии.

В якутском языке под этим пластом прежде всего подразумевается взаимодействие якутского с эвенкийским и эвенским. Вопрос о времени начала этих контактов остается дискуссионным: исследователи относят его к XVII в. [Долгих 1960], XIV—XV вв. [Щербак 1994] или даже к XIII в. [Убрытова 1960; Рассадин 1980]. Н. Н. Широбокова поддерживает идеи Е. И. Убрытовой и В. И. Рассадина о ранней датировке языковых контактов между якутами и эвенками, отмечая наличие архаичных форм якутского языка в эвенкийской лексике [Широбокова 2001]. Таким образом, с XIII—XVII вв. по настоящее время народы находились в тесном взаимодействии, что обусловило взаимное заимствование лексики, включая фитонимы, характерные для природы северных широт и связанные с оленеводством. Географическое распространение заимствованных из эвенкийского названий деревьев и кустарников практически повсеместно. Однако использование эвенканизмов в мотивированных названиях сосредоточено по большей части в центральных районах — зонах более раннего расселения. Эта закономерность, вероятно, отражает более глубокое освоение и, следовательно, более раннее заимствование данной лексики в этих ареалах.

На карте (рис. 4) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Заимствованные эвенкийские фитонимы:

Уд. *таангса* ‘пихта’ [ДСЯС 1995: 179];

Сад. (Мирн.) *чалаан* ‘молодой березняк’ [ДСЯС 1995: 230], ‘карликовая березка’ [Чорду 2011: 19];

Жиг. *дъанта* ‘кедровый стланик’ [ДСЯС 1995: 69; ДСЯЯ 1976: 95];

Долг. (Таймыр) *bolgikta* ‘морошка (*Sumpfbrombeere*)’ [Stachowski 1993: 62]; Кол. *бабылыкта* ‘кедровый стланик’ [ДСЯС 1995: 46]; Уд. *болбижкта* ‘кедровый стланик’ [там же: 51];

⁴ Хотя этимологизация якутских изобразительных глаголов не входит в задачи настоящей статьи, стоит отметить, что некоторые возможности этимологизации, основанные на монгольских контактах, рассмотрены, например, в [Дыбо 2004].

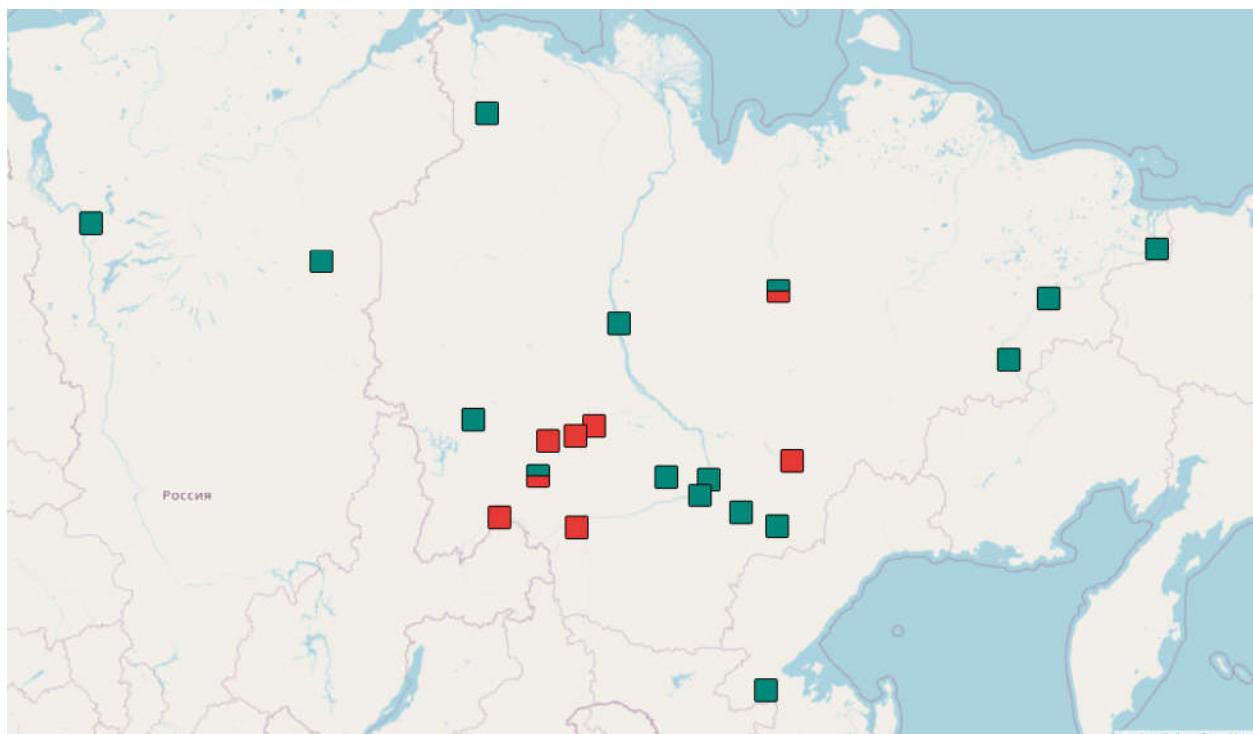

Рис. 4. Заимствованные эвенкийские наименования деревьев и кустарников (зеленый) и мотивированные названия, использующие эвенкийские заимствования (красный)
[\(\[https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/Ypdrd\]\(https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/Ypdrd\)\)](https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/Ypdrd)

Долг. (Таймыр) *uoxtala* ‘кустарник, растущий в тундре’ [Stachowski 1993: 245]; Ан., долг. *уохтала* ‘кустарник, растущий в тундре’ [ДСЯЯ 1976: 261], ‘тундровая, карликовая береза’ (инф. ЕМП);

Верх., С.-Кол., В.-Кол. *њаамыкта* ‘мягкий тальник’ [ДСЯЯ 1976: 176];

Долг. (Таймыр) *amdurarā*, *hamdurkūrā* ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [Stachowski 1993: 33, 94]; Ан. долг. *hamdurkūraa*, *homdurkūraa*, *hэндикирэ* ‘багульник стелющийся’; Ес. *hamdurku*, *hандуккуура* ‘багульник’ [ДСЯЯ 1976: 226, 227; Иванова 1990: 95; ИОЛРЯ 2018: 338, 345];

Долг. (Таймыр) *häykirä* ‘можжевельник (Wacholder)’ [Stachowski 1993: 224]; Ес. *hэнтэрэ* ‘багульник’ [Чорду 2011: 19], *hэнгэрэ* ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [ДСЯЯ 1976: 226]; Уд. *сэмкэрэ* ‘багульник’ [ДСЯС 1995: 172];

Амг. *түүбүктэ* ‘жимолость’ (инф. ЧНК).

У.-М. *ачаахта* ‘рябина’ [ДСЯЯ 1976: 54];

Уд. *кампай*, *компай*, *кымпый* ‘низкорослая рябина с крупной ягодой’ [ДСЯС 1995: 83, 86, 102];

У.-М. *дъалыкта* ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 94];

њаалыкта ‘боярышник’ (без помет) [Кулаковский 1979: 435]; Горн., Ханг. Сунт. *налыкта отоно* ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 173];

У.-М. *утүгэндэ* ‘ягода жимолости’ [ДСЯЯ 1976: 271];

Долг. (Таймыр) *igilikta* ‘красная смородина (rote Johannisbeere)’ [Stachowski 1993: 123], из эвенк. *ig̡likta* ‘смородина’ [ССТМЯ 1975: 297].

Якутские фитонимы, восходящие к эвенкийским заимствованиям из других семантических областей:

Вил., В.-Вил., Олекм., Нюрб., Лен., Сунт. *чээрэ* ‘сосна’ [ДСЯС 1995: 239];

Томп. *лабаа* ‘тальник’ [ДСЯЯ 1976: 149];

Верх. *амынныар* ‘шиповник’ (инф. КВЗ).

Основные ареалы концентрации заимствований из тунгусо-маньчжурских языков — северо-восток и северо-запад Якутии, Амурская область, Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края, а также Долгано-ненецкий и Эвенкийский районы Красноярского края — совпадают с современными районами проживания эвенков и/или эвенов. Рассмотрим кратко историю миграции якутов в данные регионы.

Амурская область. Уже к моменту первых русских экспедиций в XVII в. тунгусы составляли здесь одну из наиболее многочисленных этнических групп [Забияко и др. 2012]. При этом якуты также проживали на территории современной Амурской области, а конец XVII в. отмечен их активными миграциями и переселениями в Приамурье [Парникова 1957].

Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края. Удская часть этого района до 1880 г. входила в состав Якутской области. Согласно О. А. Парниковой, в районе Удского острожка якуты стали появляться в конце XVII в., что зафиксировано в ясачных книгах [Парникова 1957]. Параллельно здесь проживали и платили ясак тунгусы — об этом упоминает русский путешественник и исследователь С. П. Крашенинников, давший первое описание Уды в известной работе «Описание земли Камчатки» (1755): «тунгусов, которые платят ясак в помянутый (Удской. — Примеч. авторов) острог, считается шесть родов: Лалигирский, Гойганский, Оддианский, Огинкагирский, Бутальский и Китигирский, а ясаку собирается с них по 85 соболей и по 12 лисиц в год» [Крашенинников 1755: 97].

Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район Красноярского края. Согласно ранним русским источникам, уже в 1632 г. долганы были известны как тунгусский род, и их происхождение от рода *Дулган* (*Долган*) сохраняется в устной традиции по сей день (инф. ТЛД, Анабарский р-н). В 1660-х гг. из-за того, что некоторым группам тунгусов и якутов пришлось платить ясак по несколько раз различным группам казаков [Миддендорф 1878: 690], они двинулись с территории Жиганского зимовья и бассейна р. Вилой в бассейны рек Оленек и Анабар [Парникова 1957], а затем — до верховья рек Хатанга и Пясины, вплоть до Норильских озер, где происходили контакты уже с местным населением. Именно в ходе этих процессов, как утверждает Б. О. Долгих, и сформировался долганский этнос — в результате тесного взаимодействия затундренных крестьян (русских), якутов и эвенков [Долгих 1963]. Якутский язык был языком общения между этими народами и вобрал в себя различные элементы эвенкийской и русской лексики. Сегодня долганы проживают в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края (в населенных пунктах вдоль рек Хатанга и Хета и в городе Дудинка), а также в Анабарском национальном (долгано-эвенкийском) улусе Республики Саха (Якутия) в селах Юрюнг-Хая и Сасылах.

Село Ессей Эвенкийского района Красноярского края. Хотя наиболее раннее упоминание Есейского ясачного зимовья датируется у Б. О. Долгих приблизительно 1634 г. (см. [Долгих 1960: 222]), данные именно о «ессейских якутах» надежно зафиксированы в документах конца XVIII в. [Парникова 1957: 77]. Вероятно, переселенцы из Центральной Якутии начали активно заселять район озера Ессей с конца XVII в., что также было связано с тяжестью ясачной повинности. Несмотря на отдаленность, изолированность от основной массы якутов и тесные контакты с тунгусским населением, ессеинские якуты (*Дъэниэй сахалара*) смогли адаптироваться к новым условиям жизни, сохраняя при этом свой язык и уникальные черты своего этнического наследия. Семь основных родовых фамилий — Бети, Ботулу, Маймага, Осогосток, Уодай, Чорду и Эспек — носят названия наслегов и сел Якутии, откуда происходили их предки: например, Оспехский наслег (Усть-Алданский улус), с. Маймага (Намский улус), Ботулунский наслег (Верхневилюйский улус) и т. д. [Васильева 2015].

Достаточно показательно распространение заимствований из других тунгусо-маньчжурских языков, а также из двух палеосибирских — юкагирского и нивхского — языков.

На карте (рис. 5) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Эвенские заимствования:

Долг. (Таймыр) *häktä*, Ан. *һэнтэ* ‘молодая лиственница’ [Stachowski 1998: 100; ДСЯЯ 1976: 230];

Долг. (Таймыр) *dölihön* ‘шиповник (Heckenrose)’ [Stachowski 1998: 81]; Алл. *долоконө*, У.-А. *долоку* ‘шиповник’ [ДСЯЯ 1976: 88; Васильев 1984: 93].

Негидальское заимствование: Уд. *дэвэгдэ* ‘дерево с липкими листьями, похожее на иву’; Ам. *дэбигдэ* ‘березка с тонкой, как бумага, берестой’ [ДСЯЯ 1976: 91].

Нанайское заимствование: Уд. *упикта* ‘плод шиповника’ [ДСЯС 1995: 204].

Нивхское заимствование: (скорее через местный эвенкийский): Уд. *кампай*, *компой*, *кымпый* ‘низкорослая рябина с крупной ягодой’ [ДСЯС 1995: 83, 86, 102].

Юкагирское заимствование: В.-Кол. *нолут* ‘разновидность дерева’ [ДСЯЯ 1976: 175], С.-Кол. *нолут* ‘ива’ (инф. ЧМО); Кол. *нолур* ‘высокое толстое дерево, похожее на тополь’ [ДСЯС 1995: 134].

Ср. также возможное юкагирское заимствование в общеякутском (точка в Якутске) *иирэ* ‘ива, тальник, белотал’.

Данные заимствования встречаются в регионах современного распространения этих языков и, очевидно, являются довольно поздними — они проникли в якутский язык после его разделения на диалекты.

4. Русский пласт

Как отмечал А. Е. Кулаковский: «слова, перенятые якутами у русских, интересны и важны в том отношении, что по ним и по их количеству можно судить о степени влияния русских на якутскую нацию и, с другой стороны, о степени усвоения последними культурных понятий» [Кулаковский 1979: 316].

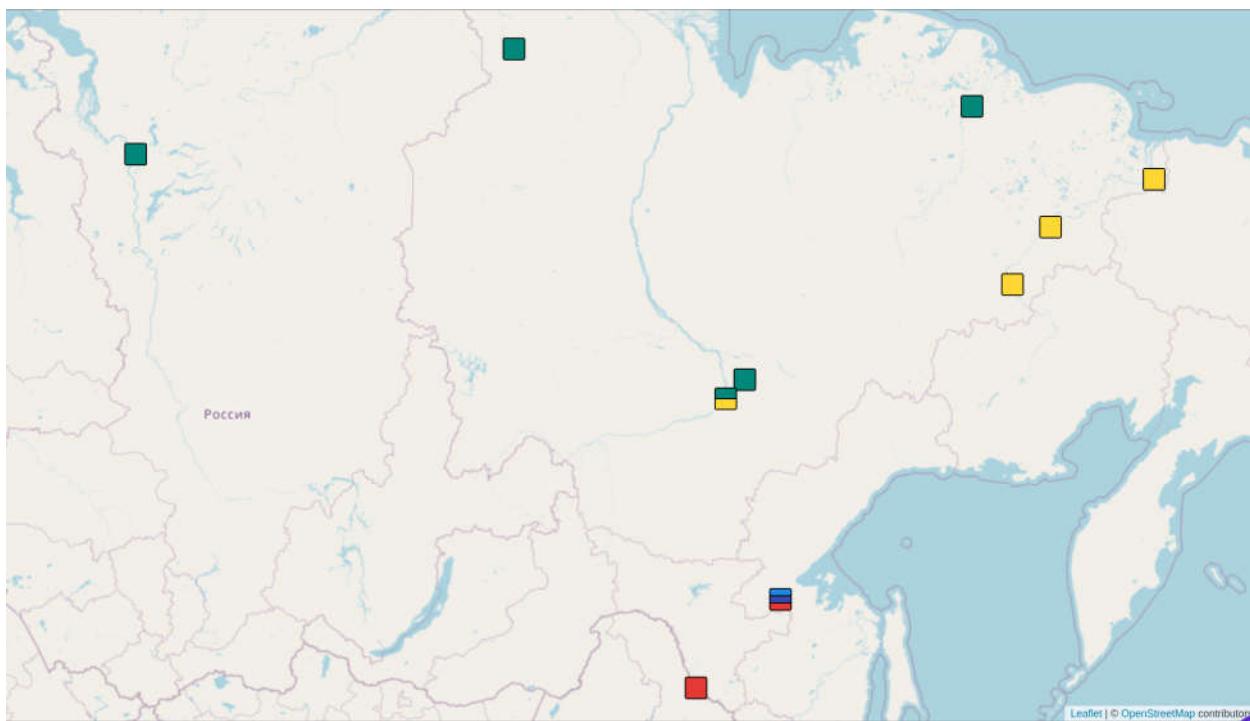

Рис. 5. Заимствования названий растений из эвенского (зеленый), негидальского (красный), нанайского (фиолетовый), нивхского через локальный эвенкийский (синий), юкагирского (желтый) (https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/D6HRA)

В сфере фитонимической лексики это влияние наиболее существенно отразилось в названиях посевных культур — ржи, ячменя и др., которые появились в якутском языке с развитием земледелия, привнесенного русскими и адаптированного под суровые климатические условия. Что касается названий деревьев и кустарников, то количество заимствований из русского языка составляет 9% от общего числа фитонимов, однако их анализ оказывается довольно информативными (см. ниже).

Русизмы в якутском языке представляют собой сравнительно поздние заимствования. Их фонетический облик хотя и трансформирован согласно основным законам якутского вокализма и консонантизма, относительно близок к исконной форме, поэтому большинство русизмов легко определить билингвам, знающим якутский и русский языки. Лингвистическое картографирование русизмов в фитонимах деревьев и кустарников наглядно демонстрирует места тесных русско-якутских языковых контактов (см. рис. 6).

Адаптированные русизмы, восходящие к русской диалектной лексике, обнаружены в районах Якутии, где с ранних времен проживает большое количество русскоязычного населения, — Ленском, Вилюйском, Олекминском, Верхоянском и колымских улусах. Эта картина отражает прямую связь с историей освоения края: русизмы концентрируются в местах расположения главных опорных пунктов русского воеводства XVII в. — острогах в Вилюйске (основан в 1634 г.), Олекминске (1635 г.) и на Колыме (1643 г.). Как пишет Е. И. Коркина, изучившая говоры северо-восточных диалектов: «на Колыме русских было больше, чем во всех других северных районах Якутии вместе взятых, и диалектизмы русского происхождения в языке колымских якутов, как правило, местного усвоения и употребления, большинство из них неизвестно в якутском литературном языке и других говорах якутского языка» [Коркина 1992: 92]. В северо-западных говорах диалектных русизмов ожидаемо нет.

На карте (рис. 6) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Заимствованные русские фитонимы:

Томп. *чириэмпэ*; (без указания) *чөрүөмхэ, чэриэмхэ* ‘черьемуха’ (рус. диал. *черьемха*).

Усть-Ян., Аллаих. *марха* ‘мелкий кустарник’ [ДСЯС 1995: 120]. К этимологии: ср. эвенк. *мар* ‘мартник, поросль низкорослой бересы на торфяниках’, *марикта* З, Алд ‘марниковая береса, марник’ [Васильевич 1958: 248], *маркар* Баунт. ‘ерник’ [ССТМЯ 1975: 531] (и эвен. *мар* с тем же значением [Роббек, Роббек 2005]). Русское *марь* А. Е. Аникин считает эвенкийским заимствованием, оспаривая его славянскую этимологию [Аникин 2000: 378—379], как, видимо, и якут. лит. *маар* ‘моховое болото, поросшее кустарником, лесная болотистая тундра’. Однако эта гипотеза представляется сомнительной: в [ССТМЯ 1975] слово отмечено только для эвенкийского, а эвенкское *мар*, скорее всего, является якутизмом. Таким

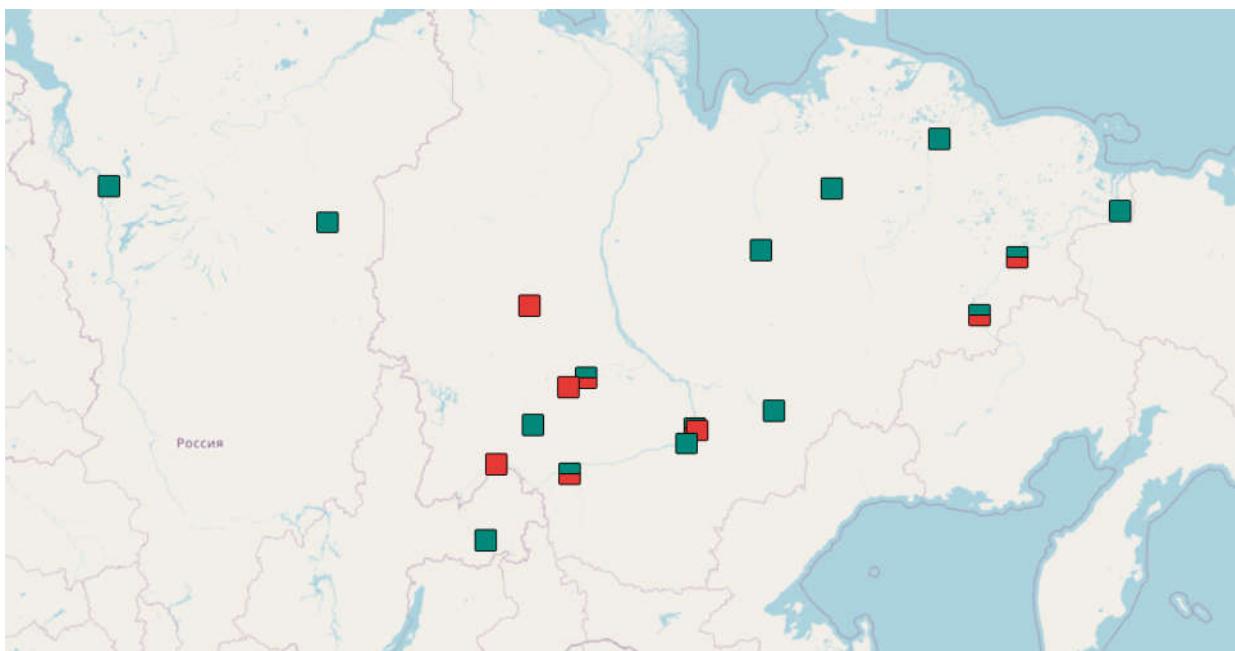

Рис. 6. Заимствованные из русского фитонимы (зеленый) и мотивированные якутские названия растений с использованием русских заимствований (красный) (https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/981nA)

образом, тунгусо-маньчжурское происхождение маловероятно. Более правдоподобно, что якут. лит. *маар* — это русизм, а усть-янское *марха* восходит к незасвидетельствованному диалектному русскому образованию с продуктивным уменьшительным суффиксом *маръ-ка.

Олен. *һэнпэрээк* ‘багульник’ (инф. КЕН, Оленекский р-н); Вил. *чэмпэрээк, чэнпэрээк, сэнпэрээк, сэнпэрээх, сэкпэрээк* тж. [Воронкин 1999: 93]; сев.-вост. *сэнпэрээк* ‘ива, кустарник’ [Коркина 1990: 250]; Ес. *һэнкэрээк* ‘карликовая березка’ [Чорду 2011: 19].

Верх. *бабыалынныык* [ДСЯЯ 1976: 56], Кол. *баҕылынныык* [ДСЯС 1995: 46], С.-Кол., В.-Кол. *баблынныык, бабылынныык* ‘багульник’ [ДСЯЯ 1976: 56].

Верх. *ирбиннээх* ‘рябина’ (инф. СЕМ, Верхоянский р-н).

Олекм. *байсаарысынныык*, Сунт. *байсаынныык* ‘боярышник’, В.-Кол. *бэрэһиннээк* ‘вид ягодного кустарника’ [ДСЯЯ 1976: 58, 81].

Олекм. *байааккы, байаарка*, Сунт. *байаарка*, Ханг. *байаарка* ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 57].

Без помет: *сарбаннэах отоно, сарбаннэах эрэбинэ* ‘рябина’ (букв. ‘сербинная ягода, сербинная рябина’) [Кулаковский 1979: 435, 438]; отметим, что Долг. (Таймыр) утратил фитоним и сохраняет только переносное *harbanjak* ‘бисерный узор (Glasperlenornament)’ [Stachowski 1998: 97].

Без помет: *сэмэлэс* ‘жимолость’ [Кулаковский 1979: 437].

Олек. *бииктэ* ‘пихта’ [ДСЯС 1995: 179].

Долг. (Таймыр) *kedr* ‘кедр (Zeder)’ [Stachowski 1993: 147].

Долг. (Таймыр) *jel'* ‘ель (Fichte)’ [Stachowski 1993: 131].

Долг. (Таймыр) *sosna* ‘сосна (Kiefer)’ [Stachowski 1993: 211].

Долг. (Таймыр) *osina* ‘осина (Espe)’ [Stachowski 1993: 196].

Ес. *дууп* ‘дуб’ [Воронкин 1966: 129] (в фольклорном произведении).

Бод. *чёрная мородина* ‘черная смородина’ [ДСЯС 1995: 232].

Якутские фитонимы, восходящие к русским заимствованиям из других семантических областей:

Олен. *тэннинэ* ‘низкорослая ветвистая лиственница’ [ДСЯС 1995: 201].

Вил., М.-Канг., С.-Кол., В.-Вил., В.-Кол. *миньник талађа* ‘береза тощая’ [ДСЯЯ 1976: 159].

Олек. *эриххээх* ‘кедр’ [ДСЯС 1995: 251].

Лен. *бадыайаан* ‘дерево с продолговатыми листьями, похожее на осину’ [ДСЯЯ 1976: 57].

Без помет: *сарбаннэах отоно, сарбаннэах эрэбинэ* ‘рябина’ (букв. ‘сербинная ягода, сербинная рябина’) [Кулаковский 1979: 435, 438].

Ареал мотивированных якутских названий растений, имеющих в своем составе русские компоненты, уже, чем ареал прямых заимствований; они концентрируются в районах первичного расселения.

Итак, анализ географического распределения фитонимов позволяет сделать следующие выводы.

а) Исконная тюркская лексика, представленная в основном названиями с унаследованными, нейтральными к типу биоценоза значениями, имеет общеякутское распространение, что закономерно отражает древнейший пласт языка.

б) Среди фитонимов монгольского происхождения непосредственно заимствованных названий растений крайне мало (3 ед.). Значительно преобладают (11 ед.) мотивированные наименования, содержащие монголизмы, первоначально усвоенные якутским языком в иных значениях. Такие названия, очевидно, не связаны с необходимостью именовать новую флору при столкновении с неизвестным биоценозом. При этом монгольские заимствования обоих типов локализуются в ареалах наиболее старого расселения якутов на современной территории. Это позволяет считать их лексикой, унаследованной из прежних мест обитания, а не заимствованной в ходе знакомства с новой флорой. Показательно, что в таймырском долганском фитонимы монгольского происхождения полностью вытеснены более поздними заимствованиями.

в) Эвенкийские заимствования, напротив, многочисленны (15 ед.) и имеют широкое, но географически обусловленное распространение: они практически отсутствуют на крайнем юге, будучи ограничены северной границей среднетаежных лесов (см. рис. 7), за исключением пунктов на Дальнем Востоке. Вероятно, такие заимствования связаны с освоением новых территорий и биоценозов. Эвенкизмы в составе мотивированных названий немногочисленны (3 ед.) и приурочены к зонам старого расселения, что свидетельствует о более раннем усвоении этих лексем в неботанических значениях и их последующем вторичном использовании в фитонимике.

г) Заимствования из прочих тунгусо-маньчжурских и палеосибирских языков носят исключительно региональный характер.

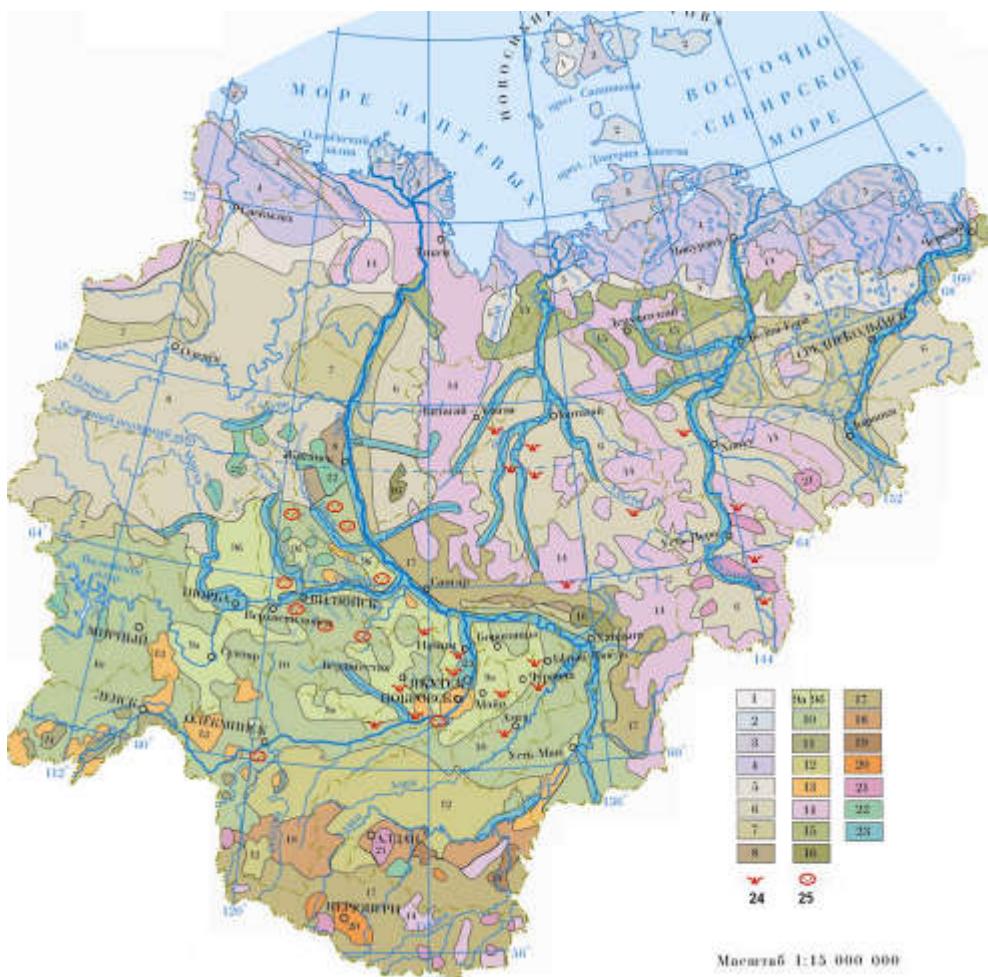

Рис. 7. Растительность Якутии

(по: Атлас Якутской АССР. Якутск, 1981; <http://www.briefgeography.ru/wagls-334-1.html>).

Среднетаежные леса: зоны 11—13, 17—20, остальные зоны относятся к тундровой растительности и притундровым редколесьям

д) Русский пласт (прямые заимствования фитонимов из диалектного русского и мотивированные названия с русскими компонентами) также связан с регионами давнего расселения и очагами ранней колонизации. Показательно, что в таймырском долганском сохранившийся рефлекс одного из таких диалектных русизмов вышел из употребления именно в фитонимической группе. Прочие русизмы в долганской фитонимике не демонстрируют русского диалектного происхождения и слабо фонетически адаптированы.

IV. Географическое распределение типов мотивации

Мотивированные названия классифицированы по основным мотивационным признакам, среди которых: форма — 20⁵ л. е., размер — 10 л. е., цвет — 11 л. е., место произрастания — 4 л. е., пищевое качество — 10 л. е., хозяйственная функция — 7 л. е., запах — 3 л. е. Первые четыре признака отражают объективные характеристики растения, тогда как три последних — его восприятие через антропоценетическую призму. В данной работе не картографируются специфические признаки, используемые исключительно для наименования ивы: пол (поскольку только ива среди рассмотренных растений является двудомной), качество древесины и время цветения.

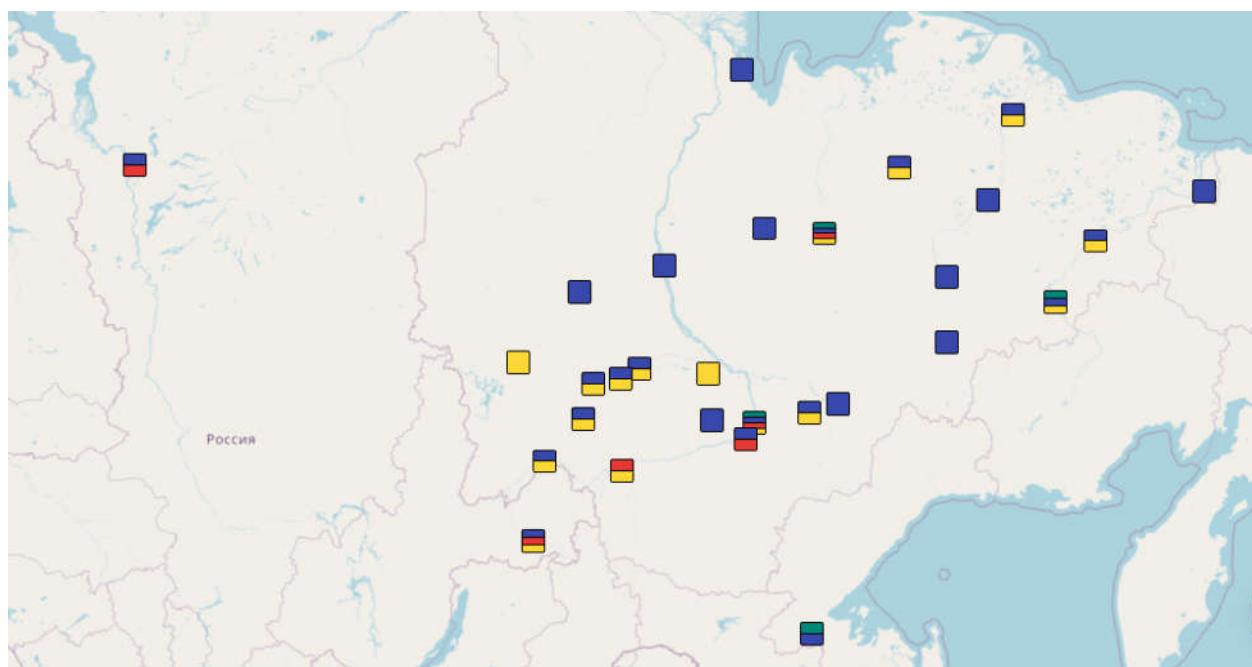

Рис. 8. Объективные мотивационные признаки
(зеленый — размер, красный — цвет, фиолетовый — форма, желтый — место произрастания)
(https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/rxc8t)

На карте (рис. 8) отображены следующие вхождения.

Размер:

Верх. *бэхэрик, бэчик* ‘мелкая лиственница’, В.-Кол. *бэчэрик талах* ‘тонкий, гибкий тальник’, без помет *бэгэл* ‘малорослая сосна’ (букв. ‘недоросток’);

Верх. *баарацай тиит* ‘старая, крупная лиственница’ (букв. ‘крупная лиственница’);

Верх. *кытык, кычык*, В.-Кол. *кычык* ‘заросли мелкой лиственницы’ (букв. ‘мелочь’);

Верх. *суюн тиит* ‘старая толстая лиственница’ (букв. ‘толстая лиственница’);

Уд. *тиитчээн* ‘молодая лиственница’ (Dimin от ‘лиственница’);

без помет *кэйгэл титирик* ‘молодая лиственница, лиственничная поросль’ (*кэйгэл* ‘пространный’);

без помет *ыман талах* ‘тонкий тальник’ (*ыман* ‘тонкий’);

без помет *анаалык* ‘крупное лиственничное дерево, засохшее на корню’ (*анаалык* ‘крупный (о лосе)’).

Форма:

Томп. *лабаа* ‘тальник, багульник, кустарник’ (букв. ‘ветка’);

⁵ Здесь объединены форма всего растения, наличие шипов, наличие и форма ягод.

Усть-Ян. *сүнек анылыга*, Алл., Татт. *сүнек аха* ‘красная смородина’ (букв. ‘ольховая = кустовая еда = ягода’);
 Булун. *тирэх аха* ‘красная смородина’ (букв. ‘тополевая = кустовая еда = ягода’);
 Верх. *тирэх отоно* ‘черная смородина’ (букв. ‘тополевая = кустовая ягода’);
 Горн., Ордж., Сунт. *налыкта отоно* ‘боярышник’ (букв. ‘багульниковая = кустовая ягода’);
 Олен. *тэппинэ* ‘низкорослая ветвистая лиственница’ (букв. ‘медведь’);
 Жиг. *дьондол* ‘белая ива’ (букв. ‘долговязая’);
 Сакк., Верх. *хатыы аха* ‘шиповник’ (букв. ‘колючая еда = ягода’);
 Ойм., Аб., Верх., В.-Кол. *арбай* ‘ива’ (букв. ‘взъерошенная’);
 Верх. *абырбал* ‘густой кустарник, ерник’ (букв. ‘заросли’);
 Верх. *амынныыар* ‘шиповник’ (букв. ‘хворост, ветки’);
 Верх. *дывлынын* ‘высокая стройная лиственница’ (букв. ‘тощая’);
 Инд. *арык тиит* ‘священная лиственница с густыми ветвями, к которой никто не прикасается’ (букв. ‘лиственница с омелой’);
 В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *дъахтар талаңа* ‘ольха’ (букв. ‘женский тальник’, см. обоснование в предыдущей статье);
 В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *обус талаңа* ‘ягоды шиповника’, Бод. *обус сымыыта* ‘жимолость’ (букв. ‘быгчы яйца’);
 Вил., В.-Вил., Нюрб., Сунт. *тэтиң* ‘осина’, Кол. ‘молодой тополь’ (букв. ‘трепещущий’).

Место произрастания:

Усть-Ян., Аллаих. *куобах отоно* ‘красная смородина’ (букв. ‘заячья ягода’) (см. [Малышева 2024: 113], название растения через зайца характеризует его как дикорастущее съедобное);
 Коб., Олек., Нюрб., Вил., В.-Вил., Мирн., Лен., Сунт. *тонус угуниьата* ‘кедровый стланик’ (букв. ‘тунгусская стелька’);
 Верх., В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *сахха талаңа, нахха талаңа* ‘ива сухолюбивая’ (букв. ‘якутский тальник’);
 Бод. *саха моонньоюно* ‘черная смородина’ (букв. ‘якутская смородина’);
 Татт. *иңик бидилгэх* ‘карликовая ива в тундре’ (букв. ‘зарослевая топь’);
 Усть-Ян. *марха* ‘мелкий кустарник’ (букв. ‘болотце’).

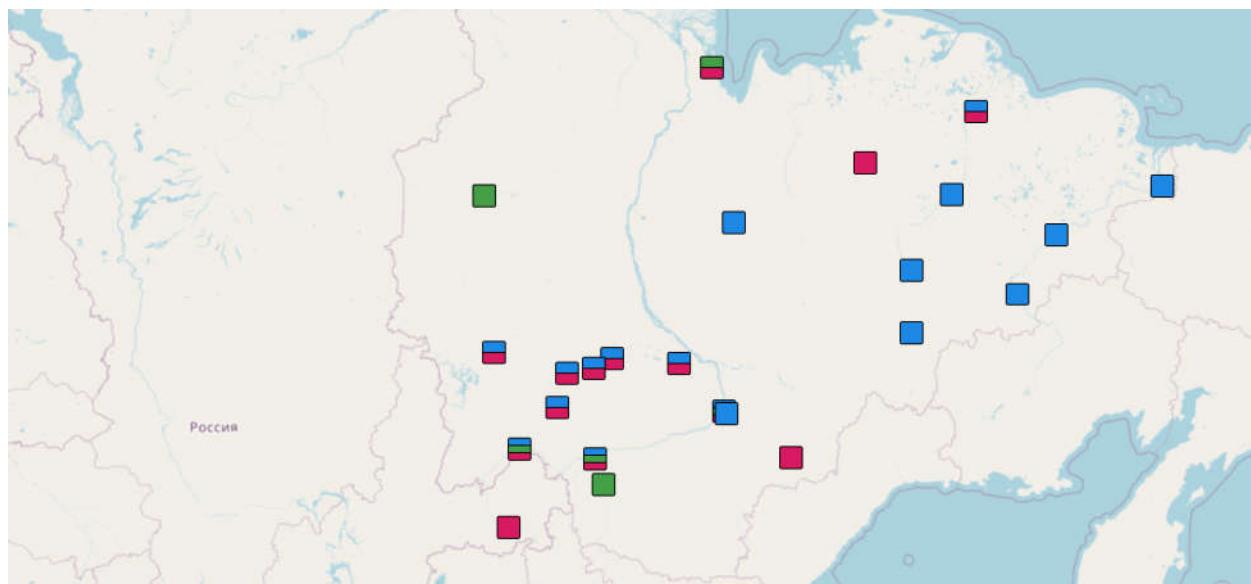

Рис. 9. Антропоцентрические мотивационные признаки (зеленый — запах, красный — пищевые качества, синий — функция) (https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/2rN9n)

На карте (рис. 9) отображены следующие вхождения.

Запах:

Бул. *сытыган ыарба* ‘багульник’ (букв. ‘пахучий кустарник’);
 Олен. *ыылаах талах* ‘похожий на рябину кустарник с мелкими красными ягодами’ (букв. ‘пахучий тальник’);

Лен. *ыылаах мас* ‘пихта’ (букв. ‘пахучее дерево’);
без помет *сытыган харыйа* ‘пихта’ (букв. ‘пахучая ель’).

Пищевые качества:

Усть-Ян., Аллаих. *куобах отоно* ‘красная смородина’ (букв. ‘заячья ягода’) (см. [Малышева 2024: 113], название растения через зайца характеризует его как дикорастущее съедобное);
Олен., Коб. *ыт сугуна* ‘жимолость’ (букв. ‘собачья голубика’, см. [Малышева 2024: 114], название растения через собаку и большинство диких животных указывает на сниженное пищевое качество);
Бул., Олен. *ыт отоно* ‘можжевельник’ (букв. ‘собачья ягода’);
Сунт., У.-М. *тураах сугуна* ‘жимолость’ (букв. ‘журавлинная голубика’);
Бод. *бочгүрэс аха* ‘боярышник’ (букв. ‘рябчикова еда = ягода’);
Олекм., Вил., Нюрб., В.-Вил., Мирн., Лен., Сунт. *чээрэ* ‘сосна’ (букв. ‘чага’, основание для эвфемизации — использование в традиционной якутской кухне сосновой заболони для заварки, так же как и чаги);
без помет *чай талах* ‘полярная ива’ (букв. ‘чайный кустарник’);
без помет *кыыл сиир талаца* ‘ива черничная’ (букв. ‘тальник, поедаемый зверем / диким оленем’);
без помет *сутугах талах* ‘ива грушанолистная’, *сутуга талах* ‘ива круглолистная’ (букв. ‘ива со съедобным лыком’);
Олекм. *эриэхэлээх* ‘кедр’ (букв. ‘с орехами’);
без помет *сыа мас*, *сыалаах мас* ‘кедр’ (букв. ‘жирное дерево’).

Функция:

Сакк., С.-Кол. *уолах тиит* ‘средняя лиственница, большая толстая лесина’ (букв. ‘высохшая лиственница’, мотивация по пригодности к использованию для построек);
Вил., Инд. *чабылах*, Кол. *чабылла*, Ойм. Инд. *чабыллах тиит, чанылах* ‘толстое развесистое дерево/лиственница’ (букв. ‘столб в юрте’, мотивация по возможности служить укрытием);
Инд., Аб., *быа талах*, без помет *сигэ талаца* ‘тальник, пригодный для связки чего-либо’ (букв. ‘веревка-тальник’);
Вил., М.-Канг., С.-Кол., В.-Вил., В.-Кол. *минынник талаца*, М.-Канг. *сипшир талаца* ‘береза тощая’ (букв. ‘венниковый тальник’);
Вил. *сапсырба* ‘тальник с густыми ветками, употребляемый для тушения пала’ (букв. ‘плетка’).

Картографический анализ показывает, что ареалы распространения мотивированных названий, основанных на объективных и антропоцентрических признаках, существенно не различаются; в обоих случаях наибольшая концентрация лексики с различной мотивацией наблюдается в вилюйских говорах.

V. Выводы

Комплексный этимологический и лингвогеографический анализ диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке, проведенный с помощью картографирования на платформе «Лингво-Док», подтвердил ценность фитонимов как источника информации, не противоречащей биологическим, историческим и культурным реалиям, как о самих денотатах, так и о протекавших языковых процессах.

Географическое распределение фитонимов в целом соответствует их этимологии: так, заимствования из тунгусо-маньчжурских языков концентрируются в местах совместного проживания якутов и тунгусо-маньчжурских народов, а заимствования из русского языка — в регионах длительного русско-якутского взаимодействия.

Распределение диалектных наименований отражает экологические и исторические реалии. Оно коррелирует: а) с естественными ареалами произрастания деревьев и кустарников на территории Якутии и б) с историческими и этносоциологическими данными о расселении якутов и соседних народов. Количество преобладающие виды имеют большее число диалектных вариантов. Номинация по мотивационным признакам оказалась более продуктивным способом образования диалектных фитонимов, чем прямое заимствование (свыше 50% случаев). Наблюдаются четкая временная стратификация различных пластов заимствований: монгольских — *до* прихода якутов на Среднюю Лену, эвенкийских — приблизительно начиная с этапа освоения Средней Лены и последующего расселения. Заимствования из других тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков, судя по локальному характеру, являются результатом более поздних региональных контактов. Картографирование мотивационных признаков в рамках данного исследования не выявило выраженных пространственных закономерностей. Более репрезентативные результаты, вероятно, могут быть получены при более широком типологическом обследовании региона.

Сокращения

Общее

букв. — буквальный перевод

Языки и говоры

Алд. — алданские говоры эвенкийского
алт. — алтайский
Баунт. — баунтовский говор эвенкийского
бур. — бурятский
долг. — долганский
З — зейские говоры эвенкийского
калм. — калмыцкий
лит. — литературный
монг. — монгольский
общеякут. — общеякутский
ОТю. — общетюркский
письм.-монг. — письменно-монгольский

ПМонг. — прамонгольский язык
ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
ПТунг. — пратунгусский
ПТю. — пратюркский
рус. — русский
сад. — садынские говоры якутского
Сх. — сахалинские говоры эвенкийского
хак. — хакасский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
эйик. — эйикский подговор оленекского говора якутского
як. — якутский

Районы Республики Саха (Якутия) и иные регионы России

Аб. — Абыйский район
Аллаих. — Аллаиховский район
Амур. — Амурская область
Ан. — Анабарский район
Бод. — Бодайбинский район Иркутской области
Ботур. — Ботурусский улус (ныне — большая часть
Таттинского района)
Бул. — Булунский район
В.-Вил. — Верхневилюйский район
В.-Кол. — Верхнеколымский район
Верх. — Верхоянский район
Вил. — Вилюйский район
Горн. — Горный район
Ес. — с. Ессея Хабаровского края
Жиг. — Жиганский район
Инд. — Индигирский район (ныне — Абыйский
и Момский районы Якутии)
Кол. — Колымский район (ныне три колымских района
Якутии)
Лен. — Ленский район
М.-Канг. — Мегино-Кангаласский район

Мирн. — Мирнинский район
Н.-Кол. — Нижнеколымский район
Нюрб. — Нюрбинский район
Оим. — Оймяконский район
Олекм. — Олекминский район
Олен. — Оленекский район
Ордж. — Орджоникидзевский район (ныне — Ханга-
ласский район)
Сакк. — Саккырырский район (ныне поделен между
Кобяйским и Верхоянским)
С.-Кол. — Среднеколымский район
Сунт. — Сунтарский район
Татт. — Таттинский район
Томп. — Томпонский район
Т.-Ч. — Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края
У.-А. — Усть-Алданский район
У.-М. — Усть-Майский район
Уд. — Удской край Тугуро-Чумиканского района Хаба-
ровского края
Усть-Ян. — Усть-Янский район
Ханг. — Хангаласский район

Информанты

ЕМП — Ефимова М. П., Анабарский р-н
КВЗ — Кириллина В. З., Верхоянский р-н
КЕН — Кривошапкина Е. Н., Оленекский р-н
КИМ — Колесов И. М., Среднеколымский р-н

СЕМ — Слепцов Е. М., Верхоянский р-н
ТЛД — Туприна Л. Д., Анабарский р-н
ЧМЮ — Чепрасов М. Ю., Среднеколымский р-н
ЧНК — Чирикова Н. К., Амгинский р-н
ЮВИ — Юмшанов В. И., Верхоянский р-н

Словари

Аникин 2000 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
БТСЯЯ Т. V — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарыылаах улахан тылдыята: В 15 т. Т. V: (Буква К: қүөләнис гын — кээчэрэ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008.

- БТСЯЯ Т. VI — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009.
- БТСЯЯ Т. VII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. VII: (Буквы Нь, О, Θ, П) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010.
- БТСЯЯ Т. VIII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. VIII: (Буква С — сөллөбөр) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011.
- БТСЯЯ Т. IX — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. IX: (Буква С: сөллөй — сээн, буква Н) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012.
- БТСЯЯ Т. X — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. X: (Буква Т: т — төһүүлээ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013.
- БТСЯЯ XI — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх — тээтэннээ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014.
- БТСЯЯ Т. XII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. XII: (Буквы У, Й) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015.
- БТСЯЯ Т. XIII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016.
- БТСЯЯ Т. XIV — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Й) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017.
- Василевич 1958 — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958.
- Вербицкий 1884 — В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- ДСЯС 1995 — Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995.
- ДСЯЯ 1976 — Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969.
- Пекарский I — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. I. Л.: Изд. АН СССР, 1958.
- Пекарский II — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. II. Л.: Изд. АН СССР, 1959.
- Пекарский III — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. III. Л.: Изд. АН СССР, 1959.
- Попов 2003 — Г. В. Попов. Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологической тылдытыа. Ч. 1. А—Дь. Новосибирск, Наука, 2003.
- Радлов 1905 — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1905.
- Роббек, Роббек 2005 — В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Эвенско-русский словарь = Эвэды-нючиды төрэрук: (свыше 14 000 слов). Новосибирск: Наука, 2005.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: В 2 т. Т. I: А—К / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975.
- ТСЯЯ Т. I — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. I: Буква А / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004.
- ТСЯЯ Т. II — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. II: Буква Б / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005.
- ТСЯЯ Т. III — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын бынаарылаах улахан тылдытыа: В 15 т. Т. III: Буква Г—И / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006.
- Чорду 2011 — П. Х. Чорду. Краткий тематический словарь ессеевского говора. Якутск: Ситим, 2011.
- ЭСМЯ 2015 — Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. Т. I: А—Е. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.
- ЭСТЯ 1989 — Э. В. Севорян, Л. С. Левитская. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000.
- Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Stachowski 1993 — Stachowski M. Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.
- Stachowski 1998 — Stachowski M. Dolganischer Wortschatz. Supplementband. Kraków, 1998.
- TMN 4 — G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen. 4. Wiesbaden: Harrassowitz, 1975.
- VEWT 1969 — M. Räsänen. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969.

Л и т е р а т у р а

- Ачимова 2007 — *А. А. Ачимова*. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира горного Алтая. Ч. I. Растения. Новосибирск: Наука, 2007.
- Васильев 1984 — *Ю. И. Васильев*. Анкетные данные по говору Аллаиховского района, 1984.
- Васильев 1987 — *Ю. И. Васильев*. Материалы диалектологической экспедиции в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края, 1987.
- Васильева 2015 — *Р. И. Васильева*. Впечатления от поездки к ессеям якутам // Северо-Восточный гуманистический вестник. 2015, 2 (11). С. 103—105.
- Воронкин 1966 — *М. С. Воронкин*. Есейский говор якутского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966.
- Воронкин 1983 — *М. С. Воронкин*. О диалектном членении якутского языка // Советская тюркология. 1983, 5. С. 77—83.
- Воронкин 1999 — *М. С. Воронкин*. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука, 1999.
- ДМВ 1966 — Диалектологические материалы, собранные в группе Вилюйских районов, 1966 // ИГИиПМНС СО РАН (рукопись в архиве).
- Долгих 1960 — *Б. О. Долгих*. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд. АН СССР, 1960.
- Долгих 1963 — *Б. О. Долгих*. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. V. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 92—141.
- Дыбо 2004 — *А. В. Дыбо*. К проблеме происхождения имитативных слов // Тюркская и смежная лексикология и лексикография. Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева. М.: Ияз РАН, 2004. С. 68—76.
- Дыбо и др. 2025 — *А. В. Дыбо, Н. В. Малышева, А. В. Тимофеева, М. А. Осорова*. Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке: этимологические материалы // Урало-алтайские исследования. 2025, 56 (1). С. 21—59.
- Жиркова, Кривошапкина 1970 — *М. Т. Жиркова, В. Д. Кривошапкина*. Материалы экспедиции в Томпонский р-н. Анкеты, 1970.
- Забияко и др. 2012 — *А. П. Забияко, С. Э. Аниховский, Е. А. Воронкова, А. А. Забияко, Р. А. Кобызов*. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск: РИО, 2012.
- Иванов 1993 — *С. А. Иванов*. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993.
- Иванов 2004 — *С. А. Иванов*. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Якутск: Изд. ЯФ СО РАН, 2004. Ч. 1: Фонетика. 2004.
- Иванова 1990 — *В. И. Иванова*. Двудольные растения окрестностей г. Якутска. Якутск: ЯГУ, 1990.
- ИОЛРЯ 2018 — *Л. Г. Кривошапкина, В. С. Кривошапкина, И. М. Кривошапкин*. Иллюстрированный определитель лекарственных растений Якутии. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2018.
- Калужинский 1995 — *С. Калужинский*. Этимологические исследования по якутскому языку // *Philologia orientalis 2. Jacutica. Prace jakutoznawcze*. Warszawa: Wydawnictwo akademickie DIALOG, 1995.
- Коркина 1987 — *Е. И. Коркина*. Диалектологический вопросник якутского языка, собранный Е. И. Коркиной в Верхоянском районе, 1987.
- Коркина 1990 — *Е. И. Коркина*. Отчет о научно-исследовательской работе «Северо-Восточная диалектная зона якутского языка», 1990.
- Коркина 1992 — *Е. И. Коркина*. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992.
- Крашенинников 1755 — *С. П. Крашенинников*. Описание земли Камчатки: Т. I. СПб.: При Императорской академии наук, 1755.
- Кулаковский 1979 — *А. Е. Кулаковский*. Научные труды. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1979.
- Маак 1886 — *Р. К. Маак*. Вилюйский округ Якутской области. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля [Стремянная, N 12], 1883—1887. Ч. 2. 1-е изд. 1886.
- Малышева 2024 — *Н. В. Малышева*. Происхождение лексики живой природы: ономасиология и этимология (якутский язык и его диалекты). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2024.
- Норманская 2006 — *Ю. В. Норманская*. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрок по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюрка / *И. В. Кормушин, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо и др.* Т. VII. М.: Наука, 2006. С. 387—436.
- Парникова 1957 — *А. С. Парникова*. Расселение якутов в XVII — начале XX вв. Якутск: Якут. кн. изд., 1957.
- Рассадин 1980 — *В. И. Рассадин*. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980.
- Тимофеев 2003 — *П. А. Тимофеев*. Деревья и кустарники Якутии. Якутск: Бичик, 2003.
- Убяярова 1960 — *Е. И. Убяярова*. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: Изд. АН СССР, 1960.

Широбокова 2001 — *H. H. Широбокова*. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001.

Щербак 1994 — *A. M. Щербак*. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994.

Stachowski 1995 — *M. Stachowski*. Jakutisch und dolganisch *mas* ‘Баум’ // CAJ, 39/2. 1995. P. 271—274.

References

Achimova 2007 — A. A. Achimova. Altaisko-russkii slovar' zhivotnogo i rastitel'nogo mira gornogo Altaya. Ch. I. Rasteniya. Novosibirsk: Nauka, 2007. {A. A. Achimova. Altai-Russian dictionary of flora and fauna of the Altai Mountains. Part I. Plants. Novosibirsk: Nauka, 2007.}

Anikin 2000 — A. E. Anikin. Ehtimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva; Novosibirsk: Nauka, 2000. {A. E. Anikin. Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altai and Paleo-Asiatic languages. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2000.}

BTSYaYa IX — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. IX: (Bukva S: söllöi — sehehn, bukva H) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2012. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. IX: (Letter S: ssöllöi — sehehn, letter H) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2012.}

BTSYaYa V — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. V: (Bukva K: küölehhis gyn — kehehchehreh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2008. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulahan tyldyta: In 15 vol. Vol. V: (Letter K: kuölehis gyn — keechere) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2008.}

BTSYaYa VI — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. VI: (Bukvy L, M, N) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2009. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. VI: (Letters L, M, N) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2009.}

BTSYaYa VII — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. VII: (Bukvy N', O, Ö, P) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2010. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. VII: (Letters Н', О, Ö, П) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2010.}

BTSYaYa VIII — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: v 15 t. T. VIII: (Bukva S — söllöghör). Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2011. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. VIII: (Letter S — söllöghör). P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2011.}

BTSYaYa X — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. X: (Bukva T: t — töhüüleheh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. X: (Letter T: t — tohyylee) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2013.}

BTSYaYa XI — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: v 15 t. T. X: (Bukva T: töttölöx — täätängnää) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2014. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. XI: (Letter T: töttölöx — täätängnää). P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2014.}

BTSYaYa XII — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. XII: (Bukvy U, Ü) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2015. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. XII: (Letters U, Y) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2015.}

BTSYaYa XIII — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. XIII: (Bukva Kh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2016. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. XIII: (Letter X) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2016.}

BTSYaYa XIV — Bol'shoi tolkovi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. XIV: (Bukvy Ch, Y) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2017. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. XIV: (Letters CH, Y) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2017.}

Chordu 2011 — P. Kh. Chordu. Kratkiy tematicheskii slovar' esseiskogo govora. Yakutsk: Sitim, 2011. {P. Kh. Chordu. Brief thematic dictionary of the Essey Dialect. Yakutsk: Sitim, 2011.}

- DMV 1966 — Dialektologicheskie materialy, sobrannye v gruppe Vilyuiskikh raionov, 1966. In: IGIiPMNS SO RAN (rukopis'). {Dialectological materials collected in the group of Vilyuisky districts, 1966, a manuscript in the IGI SO RAN archive.}
- Dolgikh 1960 — B. O. Dolgikh. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke. Moskva: Izd. AN SSSR, 1960. {B. O. Dolgikh. Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. Moscow: Publishing house. USSR Academy of Sciences, 1960.}
- Dolgikh 1963 — B. O. Dolgikh. Proiskhozhdenie dolgan. In: Sibirskii ehtnograficheskii sbornik. T. V. Moskva: Izdanie AN SSSR, 1963. S. 92—141. {B. O. Dolgikh. Origin of the Dolgans. In: Siberian ethnographic collection. T. V. Moscow: Izdanie AN SSSR, 1963. P. 92—141.}
- DSYaS 1995 — Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha: Dopolnitel'nyi tom. Sost. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasil'ev. Novosibirsk: Nauka, 1995. {Dialectological dictionary of the Sakha language: Supplementary volume. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasiliev. Novosibirsk: Nauka, 1995.}
- DSYaYa 1976 — Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka / Sost. P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moskva: Nauka, 1976. {Dialectological dictionary of the Yakut language. P. S. Afanasyev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moscow: Nauka, 1976.}
- DTS 1969 — Drevnetyurkskij slovar' / Pod red. V. M. Nadelyaeva, D. M. Nasilova, E. R. Tenisheva, A. M. Shherbaka. Leningrad: Nauka, 1969. {V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shherbak (eds.). Old Turkic dictionary. Leningrad: Nauka, 1969.}
- Dybo 2004 — A. V. Dybo. K probleme proiskhozhdeniya imitativnykh slov. In: T'urkskaya i smezhnaya leksikologiya i leksikografiya. Moskva: IYaz RAN, 2004. P. 68—76. {A. V. Dybo. To the question of origins of imitatives. In: Turkic and related lexicology and lexicography. Moscow: IYaz RAN, 2004. P. 68—76.}
- Dybo et al. 2025 — A. V. Dybo, N. V. Malyshева, A. V. Timofeeva, M. A. Osorova. Dialektnye naimenovaniya der'ev i kustarnikov v yakutskom yazyke: etimologicheskie materialy. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2025, 56 (1). S. 21—59. {A. V. Dybo, N. V. Malysheva, A. V. Timofeeva, M. A. Osorova. Dialect names of trees and shrubs in the Sakha language: etymological materials. In: Ural-Altaic Studies. 2025, 56 (1). P. 21—59.}
- EhSMYa 2015 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Sheverina. Ehtimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t. T. I: A—E. Moskva: IV RAN, 2015. {G. D. Sanjeev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Sheverina. Etymological dictionary of the Mongolian languages: In 3 vol. Vol. I: A—E. Moscow: IV RAN, 2015.}
- EhSTYa 1989 — Eh. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “Ж”, “Ж”, “Т”. Moskva: Nauka, 1989. {E. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letters “Ж”, “Ж”, “Й”. Moscow: Nauka, 1989.}
- ESTYa 2000 — L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu “К”. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. {L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “К”. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.}
- IOLRYa 2018 — L. G. Krivoshapkina, V. S. Krivoshapkina, I. M. Krivoshapkin. Illyustrirovannyi opredelitel' lekarstvennykh rastenii Yakutii. Tver': IPK Pareto-Print, 2018. {L. G. Krivoshapkina, V. S. Krivoshapkina, I. M. Krivoshapkin. Illustrated guide to medicinal plants of Yakutia. Tver: IPK Pareto-Print, 2018.}
- Ivanov 1993 — S. A. Ivanov. Tsentral'naya gruppa govorov yakutskogo yazyka. Fonetika. Novosibirsk: Nauka, 1993. {S. A. Ivanov. The central group of dialects of the Yakut language. Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993.}
- Ivanov 2004 — S. A. Ivanov. Dialektologicheskii atlas yakutskogo yazyka: (svodnye karty). Yakutsk: Izd. YaF SO RAN, 2004. Ch. 1: Fonetika. 2004. {S. A. Ivanov. Dialectological atlas of the Yakut language: (summary maps). Yakutsk: Izd. YaF SO RAN, 2004. Part 1: Phonetics. 2004.}
- Ivanova 1990 — V. I. Ivanova. Dvudol'nye rasteniya okrestnosti g. Yakutska. Yakutsk: YaGU, 1990. {V. I. Ivanova. Dicotyledonous plants in the vicinity of Yakutsk. Yakutsk: YSU, 1990.}
- Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedishe Etymologien. Helsinki, 1977.
- Kaluzhinskij 1995 — S. Kaluzhinskij. Etimologicheskie issledovaniya po yakutskomu yazyku. In: Philologia orientalis 2. Jacutica. Prace jakutoznawcze. Warszawa: Wydawnictwo akademickie DIALOG, 1995.
- Korkina 1987 — E. I. Korkina. Dialektologicheskii voprosnik yakutskogo yazyka, sobrannyi E. I. Korkinoi v Verkhoyanskem raione, 1987. {E. I. Korkina. Dialectological questionnaire of the Yakut language, collected by E. I. Korkina in the Verkhoyansk region, 1987.}
- Korkina 1990 — E. I. Korkina. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote “Severo-Vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka”, 1990. {E. I. Korkina. Report on the research work “North-Eastern dialect zone of the Yakut language”, 1990.}
- Korkina 1992 — E. I. Korkina. Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 1992. {E. I. Korkina. Northeastern dialect zone of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 1992.}

Krasheninnikov 1755 — S. P. Krasheninnikov. Opisanie zemli Kamchatki: T. I. Sankt-Peterburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1755. {S. P. Krasheninnikov. Description of the land of Kamchatka: Vol. I. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1755.}

Kulakovskii 1979 — A. E. Kulakovskii. Nauchnye trudy. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. {A. E. Kulakovskii. Scientific works. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979.}

Maak 1886 — R. K. Maak. Vilyujskij okrug Yakutskoj oblasti. Sankt-Peterburg: Tipografiya i hromolitografiya A. Transhelya [Stremyannaya, N 12], 1883—1887. Ch. 2. 1-e izd. 1886. {R. K. Maak. Vilyujsky district of the Yakut region. St. Petersburg: Tipografiya i hromolitografiya A. Transhelya [Stremyannaya, N 12], 1883—1887. Part 2. Publ. 1. 1886.}

Malysheva 2024 — N. V. Malysheva. Proiskhozhdenie leksiki zhivoi prirody: onomasiologiya i ehtimologiya (yakutskii yazyk i ego dialekty). Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2024. {N. V. Malysheva. The origin of the vocabulary of living nature: onomasiology and etymology (Yakut language and its dialects). ThD thesis. Moscow, 2024.}

Normanskaya 2006 — Yu. V. Normanskaya. Rastitel'nyi mir. Derev'ya i kustarniki. Geograficheskaya lokalizatsiya prarodiny tyurok po dannym floristicheskoi leksiki. In: Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk. Kartina mira pratyurka / I. V. Kormushin, G. F. Blagova, A. V. Dybo i dr. T. VII. Moskva: Nauka, 2006. S. 387—436. {Yu. V. Normanskaya. Flora. Trees and shrubs. Geographical localization of the ancestral homeland of the Turks according to floristic vocabulary. In: Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language. Proto-Turkic worldview / I. V. Kormushin, G. F. Blagova, A. V. Dybo, et al. Vol. VII. Moscow: Nauka, 2006. P. 387—436.}

Parnikova 1957 — A. S. Parnikova. Rasselenie yakutov v XVII — nachale XX vv. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. {A. S. Parnikova. Settlement of the Yakuts in the 17th — early 20th centuries. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957.}

Pekarskii I — Eh. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka. T. I. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1958. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. I. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1958.}

Pekarskii II — Eh. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka. T. II. L Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. II. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959.}

Pekarskii III — Eh. K. Pekarskii. Slovar' yakutskogo yazyka. T. III. L Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. III. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959.}

Popov 2003 — G. V. Popov. Etimologicheskii slovar' yakutskogo yazyka. Chast' 1. Novosibirsk: Nauka, 2003. {G. V. Popov. Etymological dictionary of Sakha. Part 1. Novosibirsk: Nauka, 2003.}

Radlov 1905 — V. V. Radlov. Opyt slovarya tyurkskikh narechii. T. III. Chast' 2. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1905. {V. V. Radlov. Experience of a dictionary of Turkic dialects. Vol. III. Part 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1905.}

Rassadin 1980 — V. I. Rassadin. Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh. Moskva: Nauka, 1980. {V. I. Rassadin. Mongol-Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages. Moscow: Nauka, 1980.}

Robbek, Robbek 2005 — V. A. Robbek, M. E. Robbek. Ehvensko-russkii slovar' = Ehvehdny-nyuchid törehruk: (svyshi 14 000 slov). Novosibirsk: Nauka, 2005. {V. A. Robbek, M. E. Robbek. Even-Russian dictionary = Evedy-nyuchid töreeruk: (over 14 000 words). Novosibirsk: Nauka, 2005.}

Shcherbak 1994 — A. M. Shcherbak. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov. Sankt-Peterburg: Nauka, 1994. {A. M. Shcherbak. Introduction to the comparative study of Turkic languages. St. Petersburg: Nauka, 1994.}

Shirobokova 2001 — N. N. Shirobokova. Istoricheskoe razvitiye yakutskogo konsonantizma. Novosibirsk: Nauka, 2001. {N. N. Shirobokova. Historical development of Yakut consonantism. Novosibirsk: Nauka, 2001.}

SSTMYa 1975 — Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k ehtimol. slovaryu: V 2 t. T. I: A—K / Otv. red. V. I. Tsintsius. Leningrad: Nauka, 1975. {Comparative dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Ethimological Dictionary: In 2 vol. Vol. I: A—K / V. I. Tsintsius (ed.). Leningrad: Nauka, 1975.}

Stachowski 1993 — M. Stachowski. Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.

Stachowski 1995 — M. Stachowski. Jakutisch und dolganisch *mas* ‘Baum’. In: CAJ, 39/2. 1995. P. 271—274.

Stachowski 1998 — M. Stachowski. Dolganischer Wortschatz. Supplementband. Kraków, 1998.

Timofeev 2003 — P. A. Timofeev. Derev'ya i kustarniki Yakutii. Yakutsk: Bichik, 2003. {P. A. Timofeev. Trees and shrubs of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2003.}

TMN 4 — G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. 4. Wiesbaden: Harrassowitz, 1975.

TSYaYa I — Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. I: Bukva A / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2004. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. I: Letter A / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2004.}

TSYaYa II — Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. II: Bukva B / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2005. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. II: Letter B / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2005.}

TSYaYa III — Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaarylaakh ulakhan tyld'ya: V 15 t. T. III: Bukva G—I / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2006. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaarylaah ulakhan tyldyta: In 15 vol. Vol. III: Letter G—I / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2006.}

Ubryatova 1960 — E. I. Ubryatova. Opty sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostei yazyka naseleniya nekotorykh raionov Yakutskoi ASSR. Moskva: Izdanie AN SSSR, 1960. {E. I. Ubryatova. Experience in a comparative study of the phonetic features of the language of the population of some regions of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Moscow: Izdanie AN SSSR, 1960.}

Vasil'ev 1984 — Yu. I. Vasil'ev. Anketnye dannye po govoru Allaikhovskogo raiona, 1984. {Yu. I. Vasiliev. Questionnaire data on conversation in the Allaikhovsky district, 1984.}

Vasil'ev 1987 — Yu. I. Vasil'ev. Materialy dialektologicheskoi ekspeditsii v Tuguro-Chumikanskii raion Khabarovskogo kraya, 1987. {Yu. I. Vasiliev. Materials of the dialectological expedition in the Tuguro-Chumikansky district of the Khabarovsk Territory, 1987.}

Vasil'eva 2015 — R. I. Vasil'eva. Vpechatleniya ot poezdki k esseiskim yakutam. In: Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2015, 2 (11). S. 103—105. {R. I. Vasilyeva. Impressions from a trip to the Essey Yakuts. In: North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2015, 2 (11). P. 103—105.}

Vasilevich 1958 — Ehvenkiisko-russkii slovar' / Sost. G. M. Vasilevich. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958. {Evenki-Russian dictionary / G. M. Vasilevich. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958.}

Verbiczkiij 1884 — V. I. Verbiczkiij. Slovar' altajskogo i aladagskogo narechij tyurkskogo yazyka. Kazan', 1884. {V. I. Verbiczkiij. Dictionary of Altai and Aladag dialects of the Turkic language. Kazan, 1884.}

Voronkin 1966 — M. S. Voronkin. Yeseyskiy govor yakutskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Baku, 1966. {M. S. Voronkin. Yeseyi dialect of Yakut. Doctoral thesis. Baku, 1966.}

Voronkin 1983 — M. S. Voronkin. O dialektnom chlenenii yakutskogo yazyka. In: Sovetskaya tyrkologiya. 1983, 5. S. 77—83. {M. S. Voronkin. On the dialect division of the Yakut language. In: Soviet Turkology. 1983, 5. P. 77—83.}

Voronkin 1999 — M. S. Voronkin. Dialektnaya sistema yazyka Sakha: Obrazovanie, vzaimodeistvie s literaturnym yazykom i kharakteristika. Novosibirsk: Nauka, 1999. {M. S. Voronkin. Dialect system of the Sakha language: Education, interaction with literary language and characteristics. Novosibirsk: Nauka, 1999.}

Zabiyako i dr. 2012 — A. P. Zabiyako, S. Eh. Anikhovskii, E. A. Voronkova, A. A. Zabiyako, R. A. Kobyzov. Ehvenki Priam'ya: olennaya tropa istorii i kul'tury. Blagoveshchensk: RIO, 2012. {A. P. Zabiyako, S. E. Anikhovsky, E. A. Voronkova, A. A. Zabiyako, R. A. Kobyzov. Evenki of the Amur region: deer trail of history and culture. Blagoveshchensk: RIO, 2012.}

Zhirkova, Krivoshapkina 1970 — M. T. Zhirkova, V. D. Krivoshapkina. Materialy ekspeditsii v Tomponskii r-n. Ankety, 1970. {M. T. Zhirkova, V. D. Krivoshapkina. Materials of the expedition to the Tomponsky district. Questionnaires, 1970.}

Создание базы данных коннекторов малоизученного идиомы: опыт татышлинского удмуртского

Крюкова Анастасия Игоревна, Институт языкоznания РАН,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); nastyakryukova0077@gmail.com

Давидюк Татьяна Игоревна, Институт языкоznания РАН,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва); davyuk@iling-ran.ru
Данилова Анна Алексеевна, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания); anndanilova1870@gmail.com

В статье представлена база данных коннекторов татышлинского говора удмуртского языка (Республика Башкортостан). В нее вошли элементы, которые в грамматиках и исследовательских работах часто рассматриваются отдельно или в рамках разных подходов. Их единообразное описание в базе позволяет быстро получить типологически интерпретируемое представление об этих единицах. База состоит из четырех модулей: справочного, семантического, диахронического и синтаксического.

В базе зафиксировано большое количество коннекторов, заимствованных из ареально близких русского и татарского языков, а также так называемые коннекторы с рамочной позицией, представляющие собой пары из удмуртского и русского коннекторов-синонимов. Такое дублирование, с одной стороны, способствует более четкому маркированию границы между клаузами, когда коннектор оказывается на левом или правом крае предложения, и, с другой стороны, эксплицирует семантику клаузы, облегчая ее восприятие, — например, когда удмуртский коннектор в препозитивной клаузе располагается в ее конце.

Значительное для языка с левым ветвлением количество коннекторов, занимающих начальную позицию в клаузе, объясняется, во-первых, влиянием русских заимствований, сохраняющих свойства языка-источника, во-вторых, использованием в роли коннекторов соотносительных и фокусных конструкций, для которых начальное расположение является регулярным.

Ключевые слова: удмуртский язык, база данных, коннекторы, (квази)корреляты, рамочные союзы, заимствования, языковые контакты

CREATING A DATABASE OF CONNECTIVES FOR AN UNDERSTUDIED LANGUAGE: THE CASE OF TATYSHLY UDMURT

Anastasiia I. Kriukova, Institute of Linguistics RAS,
Vinogradov Russian Language Institute RAS (Moscow); nastyakryukova0077@gmail.com
Tatiana I. Davidyuk, Institute of Linguistics RAS, Lomonosov Moscow State University (Moscow); davyuk@iling-ran.ru
Anna A. Danilova, University of Cambridge (Cambridge, UK); anndanilova1870@gmail.com

The article describes the process of creating a database of connectives for the Tatyshly dialect of Udmurt (Bashkortostan, Russia). Elements that are typically treated separately in different theoretical frameworks and grammatical descriptions are here systematically collected and uniformly annotated, allowing for a typologically interpretable overview of these units.

The database includes four modules: reference, semantic, diachronic and syntactic. Together, they provide a comprehensive description of each connective. Within the semantic module, each connective is classified as belonging to a specific semantic field.

A significant number of connectives are borrowings from Russian and Tatar, languages in close areal contact with Tatyshly Udmurt, as well as so-called framing connectives, which are pairs of synonymous Udmurt and Russian forms. Such duplication may, on the one hand, help mark the clausal boundaries more clearly when the connective appears at the left or right edge of the sentence, and on the other hand, make clause semantics more explicit, facilitating when the Udmurt connective occurs at the end of a preposed clause.

The syntactic module describes several parameters: the position of the connective within its clause, the position of its clause within the sentence, the presence and characteristics of a (quasi-)correlate in the associated clause, the possibility of use in an independent sentence, the number of components in the main part, and the type of clause introduced by the connective. The high proportion of clause-initial connectives, unusual for a head-final language, can be explained by two factors: numerous Russian borrowings which preserve the syntactic behaviour of the donor language, and the use of correlative and focus constructions as connectives, which are themselves typically clause-initial.

Keywords: Udmurt, database, connective, (quasi-)correlate, framing connectives, borrowings, language contact

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00528п «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

1. Введение

В статье представлен опыт создания базы данных (далее — БД) коннекторов татышлинского говора удмуртского языка: выбор релевантных параметров для описания, составление предварительной экспедиционной анкеты, а также сложности и результаты полевого анкетирования носителей. На основании собранного материала формулируются ключевые выводы.

Татышлинский говор относится к периферийно-южному диалекту южного наречия удмуртского языка [Кельмаков 1993: 239] и находится в длительном и тесном контакте, с одной стороны, с местным тюркским идиомом (по разным оценкам татарским или башкирским; подробнее см. [Миржанова 2006; Булатова 2021]), а с другой — с русским языком; носители зачастую дву- и трёхъязычны [Кашкин, Винклер 2024: 29—37]. Многие отличия татышлинского удмуртского от литературного обусловлены именно тюркским влиянием.

Под коннекторами в данной работе понимаются средства связи пропозиций, выражающие логико-семантические отношения между ними (такие как конъюнкция, причина и пр.) [Инькова-Манзотти 2001: 17]. Термин «коннектор» используется как объединяющий для различных языковых единиц, выполняющих эту функцию: союзов (*если*), частиц (*вообще*), союзных слов и конструкций (*выходит ... если*), вводных слов и конструкций (*главным образом*), комбинаций союзов и прочих единиц, не имеющих в литературе четко определенного статуса (см. помету «в знач. союза» в [УРС]). Понятие «коннектор» позволяет охватить также комбинации служебных слов, не получающих в словарях однозначного частеречного статуса и описываемых только как сочетания. В удмуртском языке к таким элементам относятся, например, конструкции с дублированием удмуртского союза его русским эквивалентом (*jesl'i ... ke*, досл. ‘если ... если’).

Наша база данных¹ является частью более крупного проекта по документации коннекторов в различных языках. В рамках этого проекта уже описаны средства связи пропозиций в русском [Кобозева и др. 2023], осетинском [Осипова 2024] и бежтинском [Халилова 2024]; доступен также каталог темпоральных конструкций в уральских языках на материале хантыйского, горномарийского, мокшанского, коми-зырянского, удмуртского, финского, эстонского и ненецкого языков [Муравьев 2022]. БД коннекторов татышлинского удмуртского разрабатывалась в соответствии с теми же методологическими и организационными принципами, что и перечисленные БД.

Единый стандарт описания означает, что материал БД коннекторов может использоваться как при изучении отдельных языков, так и в рамках сопоставительных исследований. Это особенно актуально, поскольку в грамматиках разные части речи (например, союзы и вводные слова) рассматриваются изолированно и потому не всегда единообразно. Кроме того, разные синтаксические конструкции тоже исследуются отдельно, с опорой на различные критерии и теоретические подходы (ср., например, работы А. Ф. Уткиной об изъяснительных придаточных в литературном удмуртском [Уткина 2022; 2024; 2025], Н. В. Сердобольской о конструкциях с сентенциальными актантами в бесермянском и в других финно-угорских идиомах [Сердобольская и др. 2012], Т. Ризе об условных придаточных в уральских языках [Riese 1984]). Таким образом, многостороннее и при этом унифицированное описание каждого коннектора дает пользователю, не знакомому с конкретным языком, типологически интерпретируемую информацию о нем, а также открывает возможность для выявления обобщений более высокого уровня, охватывающих синтаксические конструкции разных типов.

В статье также обсуждается одна из важных особенностей составления БД малых языков — отсутствие крупного, сопоставимого с русским, корпуса, на материал которого можно было бы опереться. Данные, положенные в основу БД коннекторов татышлинского удмуртского, носят преимущественно полевой характер и были собраны в 2025 г. методом анкетирования носителей в селах Нижнебалтачево, Новые Татышлы, деревнях Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Бигинеево Татышлинского района Республики Башкортостан. Часть примеров взята из корпуса устных текстов татышлинского удмуртского [КТУ]; в таких случаях в БД рядом с переводом указан текст-источник.

В разделе 2 рассматриваются процесс создания базы и четыре модуля, из которых она состоит: справочный, семантический, диахронический и синтаксический. В разделе 3 представлены обобщения о коннекторах в татышлинском удмуртском: в подразделе 3.1 анализируется ареальное влияние русского языка и тюркских языков, а в подразделе 3.2 описываются синтаксические особенности исследуемых единиц. Раздел 4 содержит выводы.

В примерах используется фонологическая транскрипция, в основном следующая системе [Baidoullina 2003]. Примеры, слова и словосочетания из литературного удмуртского даются в соответствии со стандартной орографией.

¹ В настоящее время БД доступна по запросу, впоследствии будет размещена в свободном доступе.

2. Создание базы данных

В качестве образца для нашей базы была использована наиболее подробно разработанная БД коннекторов русского языка — «Рускон». Она состоит из четырех модулей:

- 1) справочного, где собрана информация из словарей и различных описаний коннекторов русского языка;
- 2) семантического, где коннекторы классифицируются по семантическим полям (например, Причина, Конъюнкция, Дизъюнкция) и подполям (например, Реальное условие, Ирреальное условие в поле УСЛОВИЕ);
- 3) синтаксического, где представлены сведения о синтаксических свойствах коннекторов, их составных частей и коррелятов;
- 4) диахронического, где можно найти информацию об истории появления коннектора, изменениях в его облике и употреблении.

БД коннекторов татышлинского удмуртского сохраняет эту четырехмодульную структуру, однако представлена в сокращенном варианте.

2.1. Справочный модуль и отбор коннекторов

Работа над БД началась с составления справочного модуля, который должен был стать основой для полевых исследований. Его задача состояла в формировании первичного списка коннекторов с предварительным описанием их свойств, подлежащего уточнению в ходе экспедиции. Источниками для извлечения коннекторов и информации о них послужили описания литературного удмуртского [ГСУЯ I; III; Шутов 2002; Уткина 2022], дополненные данными из «Удмуртско-русского словаря» [УРС], словаря татышлинского удмуртского [Baidoullina, рукопись] и Корпуса татышлинского удмуртского [КТУ]. Деепричастные, причастные и падежные аффиксы, которые в уральских языках активно используются в той же функции, было решено не включать в БД на этом этапе, поскольку их описание потребовало бы значительной адаптации многих параметров и классификаций, заложенных в основу БД.

В ходе полевой работы первоначальный список коннекторов был уточнен: некоторые единицы, не опознанные носителями татышлинского удмуртского в указанных в литературе значениях, были удалены. Например, слово *dak* ‘так’ встречается в [КТУ] трижды, но не в качестве условного союза, эквивалентного русскому ‘раз’, описываемого в [Шутов 2002: 163], ср.:

- (1) *Я, йырсазы-ыз берым-ск-и-з dak, йонал-о-з ик ай, оло.*
ну сознание-POSS.3SG вернуться-DETR-PST-3SG раз выздороветь-FUT-3SG ЕМРН РТСЛ наверное
'Ну, раз сознание вернулось, может быть, еще выздоровеет' ([там же]: Г. Переvoщиков. Тулкымлы пумит. Ижевск, 1981: 148).
- (2) *tatən mil'am vož dak vož inde so.*
здесь мы.GEN зеленый так зеленый РТСЛ тот
'...у нас здесь зеленый — так зеленый' [КТУ: ShIA-12082022_NK_diff-slony3].
- (3) **gurt-ən kəl'l'-em dak kətč'ə kar-is'ko-d na.*
деревня-LOC лежать-NMLZ так куда делать-PRS-2SG ещё
Ожид.: 'Раз в деревне живешь, куда денешься'.

К элементам, не зафиксированным в татышлинском удмуртском в том значении, которое описано в литературе, относятся также *бен* ‘но’, *бык* ‘же, да’, *выллем* ‘как будто’, *вылысь* ‘чтобы; хотя’, *соин серен* ‘поэтому’, *соин ... что* ‘поэтому’, *сокем ... эсьма(са)* ‘настолько ... что’, *такем ... макем* ‘настолько ... насколько’, *уго(съ)* ‘ведь’.

В то же время татышлинский материал выявил ряд коннекторов, отсутствующих в описаниях литературного удмуртского [ГСУЯ I, III; Шутов 2002; Уткина 2022]. Среди таких единиц — *kōn'a ... son'a (ik)* ‘сколько ... столько’², *soin ponna (ik)* ‘поэтому’, *soin ... šūsa* ‘потому ... что’, *sokə gine* ‘как только’, *igoj* ‘ведь’³.

В БД также включались соотносительные конструкции (*kudmənda ... so mənda* ‘сколько ... столько’) и различные сочетания коннекторов — как удмуртские с удмуртскими (*noš ... kot'* ‘но ... хотя’), так и

² Отметим, что в Корпусе литературного удмуртского (КЛУ) этот коннектор встречается.

³ Возможно, *igoj* является диалектным вариантом описанной для литературного удмуртского частицы *уг* (ук, угось) ‘потому что’.

удмуртские с русскими (*poka ... dərja*, букв. ‘пока ... пока’). Зачастую такие сочетания демонстрируют некомпозициональность значения или обладают иными морфосинтаксическими свойствами по сравнению с их компонентами. Так, в базу вошли коннекторы *ke* ‘если’ и заимствованный из русского языка *jesl'i* ‘если’, а также их комбинация *jesl'i ... ke*, поскольку эти коннекторы обладают разными свойствами. Исконный *ke* в предложении располагается после той составляющей, которая находится в фокусе (4), тогда как заимствованный *jesl'i* типично сохраняет начальную позицию, как в языке-доноре (5). Компоненты *jesl'i ... ke* располагаются так же, как и одиночные союзы (6). При этом *ke* и *jesl'i ... ke*, с одной стороны, и *jesl'i* — с другой, различаются сочетаемостью с глагольными формами в протазисе (подробнее см. [Подгорная 2025]).

- (4) *vī-ez danak ke lü-i-z, bas't-is'ko-Ø öžät.*
 вода-POSS.3SG много если стать-PST-3SG взять-PRS-1SG мало
 ‘Если воды много, то немного убираю’ [КТУ: ALV-30072022_TD_kystybyj].
- (5) *uža-kâ, jesl'i udmurt-en, udmurt s'ain vere-s'k-is'ko-d.*
 работать-CVB.SIM если удмурт-INS удмурт по говорить-DETR-PRS-2SG
 ‘На работе, если с удмуртом, то говоришь на удмуртском’ [КТУ: BHM-05082021_TD_o_sebe2].
- (6) *jesl'i kâk n'en' pales ke les't-i-d, voz'ma-Ø kuno-os-tj.*
 если два хлеб часть если делать-PST-2SG ждать-IMP гость-PL-ACC
 ‘Если оставить недоеденные два куска хлеба, жди гостей’ [КТУ: AZA-15072024_DB_primety].
- Коннекторы сравнения *kad' ik* и *kad'ges*, представляющие собой модифицированные формы союза *kad'* ‘как’, включены в базу как отдельные единицы, поскольку отличаются от него по значению, ср.:
- (7) *demen räden košk-o-m val t'u't'u-gaga kad'.*
 вместе ряд уйти-FUT-1PL быть.PST гусенок-гусь как
 ‘Много нас было, по порядку шли, как гусята за мамой’ [КТУ: GMK-03082021_VI_7_senokos].
- (8) *papka-jez kad'=ik, со всеми дружит so.*
 папка-POSS.3SG как=EMPH тот
 ‘Прямо как папка, со всеми дружит он’ [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].
- (9) *kâše ke banan-len kad'-ges k̄ar, sâše-ges turâm lu-o-z so.*
 какой INDEF банан-GEN как-CMPR лист такой-CMPR трава стать-FUT-3SG тот
 ‘...какие-то листья, похожие на банановые, какая-то такая трава будет’ [КТУ: BHM-13082022_NK_diff-dinozavr2].

На текущий момент БД коннекторов татышлинского удмуртского содержит сведения о 99 единицах. Для каждой из них указаны: доступные фонетические и морфологические варианты, кириллическое написание в литературном удмуртском, а также данные для описаний — часть речи и толкование. Пример такой записи для коннектора *a* ‘а’ представлен в таблице 1.

За справочной информацией следуют сведения об этимологии и семантике союза. Далее описываются его синтаксические свойства: союз располагается в начале клаузы, которая находится на втором месте в предложении. Коннектор *a* присоединяет финитные клаузы, является однокомпонентным и не требует коррелята в ассоциированной клаузе. Также допустимо его употребление в независимом предложении, не представляющем собой случая парцелляции.

2.2. Семантический модуль

Семантический модуль содержит информацию о значении коннектора, определяя, к какому семантическому полю он принадлежит.

При полисемии каждое значение коннектора рассматривается в БД как самостоятельная единица, поскольку его синтаксические свойства могут различаться в зависимости от семантики. Например, коннектор *bere* ‘после, раз’: клаузы, где он выражает значение ‘после’, всегда нефинитные (10), тогда как клаузы с причинным значением могут быть как финитными (11), так и (реже) нефинитными (12) [Давидюк, Крюкова 2024]:

- (10) *mon lâkt-em / #lâkt-i-Ø ber-e zorâ-nâ kutsk-i-z.*
 я прийти-NMLZ прийти-PST-1SG зад-ILL дождить-INF начаться-PST-3SG
 ‘Дождь пошел после того, как я пришла / #из-за того, что я пришла’ [там же: 41].

Таблица 1. Описание коннектора *a* ‘а’ в базе данных

Параметр	Значение
Форма коннектора	<i>a</i>
Представление коннектора в литературном удмуртском	<i>a</i>
Фонетические, морфологические варианты, если есть	НА
Перевод на русский	а
Происхождение	займствован из русского [Серебренников 1963: 375; Майтинская 1982: 103]
Семантическое поле 1	АДВЕРСАТИВ
Подполе семантического поля 1	ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ
Семантическое поле 2	Конъюнкция
Подполе семантического поля 2	СОПОСТАВЛЕНИЕ
Пример	« <i>Oj, jen uč'kâ, mon tuž č'eber vil' kenak nusa bertis'ko aslâm</i> », — <i>pe šüe. A pič'i nôl č'idadte, uč'kem no.</i> «“Ой, не смотри, я себе очень красивую невесту домой везу”, — говорит. А маленькая девочка не сдержалась, посмотрела» [МИК_040822_MW_7-bratjev_skazka].
Позиция коннектора в клаузе	начальная
Порядок клауз	постпозиция
Тип составляющей, присоединяемой коннектором	финитная
Компоненты в клаузе с коннектором	однокомпонентный
Квазикоррелят в ассоциированной клаузе (при наличии)	НА
Употребление в независимом предложении	да
Пример на употребление в независимом предложении	« <i>I vot, ogen pi gurteti pe berte, vozaz, polnâj voz č'abejez. A az'az s'erem karâsa s'iz'âm pijos pe pote: 'oj, kâtč'â vetlid ej, odigen pi</i> », — <i>pe šuo</i> ». «И вот, одинокий парень по деревне возвращается с полным возом зерна. А навстречу ему семеро парней вышли, смеясь: “Ой, куда ходил-то, одинокий парень?”, — спрашивают» [МИК_040822_MW_7-bratjev_skazka].

(11) *gurt peres'-m-e ber-e, skal vord-is'-jos* óžët.
деревня стареть-INCH-PRS.3SG зад-ILL корова разводить-PTCP.ACT-PL мало
'Из-за того, что деревня стареет, мало тех, кто держит коров' [КТУ: ShKI_GRG_03072019_VI_MW_dialog].

(12) *gurt-âñ kâl'l'-em ber-e kâtč'â kar-is'ko-d na*.
деревня-LOC лежать-NMLZ зад-ILL куда делать-PRS-2SG еще
'Раз в деревне живешь, куда денешься' [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].

Инвентарь семантических полей совпадает с используемым в БД «Рускон» и включает следующие позиции (поля перечислены в порядке убывания количества коннекторов; в скобках указано число коннекторов в каждом поле⁴):

1. ТАКСИС (19)
2. АДВЕРСАТИВНОСТЬ (16)
3. ПРИЧИНА (15)

⁴ Многие коннекторы относятся одновременно к двум полям, т. к. их значение невозможно свести к одному семантическому примитиву.

4. СРАВНЕНИЕ (14)
5. УСЛОВИЕ (10)
6. ДИЗЮНКЦИЯ (8)
7. ЦЕЛЬ (7)
8. СЛЕДСТВИЕ (7)
9. ПУ (ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ УСТАНОВКА) — типичное значение в конструкциях с сентенциальными актантами (6)
10. КОНЬЮНКЦИЯ (5)
11. СТЕПЕНЬ (3)
12. МЕРЕОЛОГИЯ (3)
13. КОМПОЗИЦИЯ ТЕКСТА (1)
15. ЗАМЕСТИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (0)
16. ПЕРЕФОРМУЛИРОВАНИЕ (0)
17. ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ (0)
18. СРЕДСТВО (0)
19. ВЕРИФИКАЦИЯ (0)

Проведенное распределение коннекторов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, выбранный способ составления БД — на основе существующих описаний — во многом определил и состав коннекторов: приоритетно описываются и каталогизируются наиболее частотные коннекторы широких семантических полей, тогда как более узкие семантические поля реже привлекают внимание исследователей. Чтобы наиболее полно определить свойства базовых коннекторов, мы работали с уже зафиксированными на материале литературного и татышлинского удмуртского коннекторами вне зависимости от их значения («от существующих описаний и корпуса»), а не через составление анкеты с несколькими репрезентативными контекстами для каждого семантического поля («от семантических полей»). Во-вторых, следующим этапом исследования станет опрос носителей по анкете, содержащей примеры на семантические поля 12—19 из приведенного выше списка, поскольку контексты для этих полей практически не представлены в корпусе и недостаточно описаны в литературе.

Кроме того, отсутствие коннекторов в некоторых семантических полях объясняется тем, что соответствующие значения могут выражаться иными грамматическими средствами. Например, указание на источник информации может передаваться деепричастием (13) или оформлением номинализации показателем адвербиалиса (14):

- (13) *il'i ta pal-jos-len vera-m s'ain bədes udmurt-ž'os*
 или этот сторона-PL-GEN говорить-NMLZ по целый удмурт-PL
vera-sa tugan-mj dor-jn= ul-i-m.
 говорить-CVB родственник-POSS.1PL сторона-LOC жить-PST-1PL
 ‘Или, как [на местном языке] говорят здесь все удмурты, мы жили *tuganmj dorjn'* [КТУ: ВНМ-05082021_TD_o_sebe2].
- (14) *ž'is'-jos-len vera-m-zə̄-ja, ni za kakiye kovrijzki menja v gorod uže ne zamaniš.*
 русский-PL-GEN говор-NMLZ-POSS.3PL-ADV
 ‘Как говорят русские, ни за какие коврижки меня в город уже не заманишь’ [КТУ: ATN-09082022_TD_o-prirode-i-derevne].

Наконец, такие семантические поля, как КОМПОЗИЦИЯ ТЕКСТА и ПЕРЕФОРМУЛИРОВАНИЕ, характерны для коннекторов письменной речи, используемых преимущественно в художественных и публицистических жанрах. Отсутствие большого количества коннекторов в этих полях закономерно для языка, не обладающего длительной письменной традицией.

2.3. Диахронический модуль

Диахронический модуль базы опирается на материалы исследований [Серебренников 1963; Майтингская 1982; Тараканов 1974; Насибуллин 1999]. Кроме того, в него включены данные о заимствованных коннекторах, отмеченные в грамматическом описании [Baidoullina 2003].

Анализ показал, что в систему коннекторов татышлинского удмуртского вошли как русские (19), так и тюркские (8) заимствования (без учета сочетаний с исконными удмуртскими элементами). Коннектор считался заимствованным, а не случаем переключения кодов, если остальная часть клаузы представлена на удмуртском языке. Помимо отдельных заимствованных единиц — таких как русские *a*, *ved'* и тюрк-

ские *barâ* ‘все равно’ < тат. *бары*, баш. *бары* ‘только’ [Байдуллина, рукопись: 10], *gine* ‘только’ < тат. *гына*, баш. *гына* ‘только’ [Серебренников 1963: 377; Майтанская 1982: 104], — встречаются и более сложные конструкции: сочетания русских заимствований с исконными элементами (например, условный коннектор *jesl'i ... ke*), сочетания тюркских заимствований с исконными элементами (например, коннектор предшествования *gine ... no* ‘только ... как’), а также смешанные комбинации, объединяющие исконные, тюркские и русские элементы (в частности, коннектор *gine jevâl ... eššo* ‘не только ... но и’). Таким образом, влияние контактных идиомов проявляется не только в прямом заимствовании, но и в создании коннекторов «смешанного» типа.

Многие исконно удмуртские коннекторы являются застывшими падежными (*bere* ‘раз’ образован от существительного *ber* ‘задняя часть’ в иллативе) или глагольными (*šusa* ‘что, чтобы’ — деепричастие от глагола *šižn̩* ‘говорить’) формами. Коннектор *šusa* также можно считать калькой: стратегия образования комплементайзеров от глаголов речи широко представлена в тюркских языках, в частности в ареально близких татарском и башкирском [Bartens 2000: 311].

2.4. Синтаксический модуль

Каждый коннектор в базе охарактеризован по семи синтаксическим параметрам. Ввиду небольшого количества вхождений некоторых коннекторов в корпусе, при заполнении синтаксического модуля мы опирались преимущественно на данные элицитации. Первый параметр — **линейная позиция коннектора внутри клаузы**. Так, коннекторы начальной позиции (42 единицы) занимают первую позицию в оформленной ими клаузе (15), ср.:

- (15) *vü ž'ü-em-ez pot-em so-len, so-in otč'â vas'k-em.*
 вода пить-NMLZ-POSS.3SG выходить-NMLZ тот-GEN тот-INS там спуститься-PST2
 ‘Пить ей захотелось, поэтому она туда спустилась’ [КТУ: GGT-09082023_DB_kukushka].

19 коннекторов занимают последнее место в своей клаузе — это коннекторы конечной позиции, ср.:

- (16) *motoblok-en (#no) gârâ-sa pot-e (OK no), so-je bič'â-s'ko-m.*
 мотоблок-INS ADD пахать-CVB выйти-PRS.3SG ADD тот-ACC собирать-PRS-1PL
 OK ‘Проходит мотоблоком, и мы ее собираем’ [КТУ: ShKG-03082021_VI_o-sebe5].
 #‘Потом еще и мотоблоком проходит, и мы ее собираем’.

Коннекторы свободной позиции (11 единиц) не привязаны к какой-либо позиции в клаузе, ср.:

- (17) *kijar-ez šobârt-i-m ke no, (barâ) so-os*
 огурец-ACC укрывать-PST-1PL если ADD все.равно тот-PL
 (*barâ*) *ij-ën (barâ) kâmm-o-zâ (barâ)*.
 все.равно ночь-LOC все.равно замерзать-FUT-3PL все.равно
 ‘Даже если мы укроем огурцы, они все равно замерзнут’ [Подгорная 2024: 9].

10 коннекторов могут занимать в клаузе разные позиции, кроме начальной (так называемая неначальная позиция), ср.:

- (18) *(*gine) dor-e (gine) bertâ-sa (gine) vü-i-Ø (gine) t'el'efon zvonit' kar-i-z.*
 только дом-ILL только прийти.домой-CVB только прийти-PST-1SG только телефон звонить делать-PST-3SG
 ‘Только я пришла домой, зазвонил телефон’.

Коннекторы неконечной позиции (8 единиц) располагаются в любой позиции, кроме финальной, ср.:

- (19) *nâl-ez kes'a-s'k-e, (noš) anaj-ez (noš) ug vaz'â (*noš).*
 девочка-POSS.3SG кричать-DETR-PRS.3SG но мать-POSS.3SG но NEG.PRS.3 отзываться но
 ‘Дочка кричит, но мать не отзывается’.

Один коннектор характеризуется обязательной препозицией к глаголу:

- (20) *so-in pôz'-t-o-m val, alma pon-o-m*
 тот-INS вариться-CAUS-FUT-1PL быть.PST картошка положить-FUT-1PL
val, pudo-lâ ž'ü-ñ-nö nap med li-o-z braga-jez
 быть.PST животное-DAT пить-INF густой ОРТ становиться-FUT-3SG брага-POSS.3SG
 ‘С ней варили самогон, добавляли картошку, чтобы после перегонки браги пойло для животных было густое’ [КТУ: GMK-03082021_VI_6_gosti].

В базе также зафиксированы 7 коннекторов, занимающих рамочную позицию. Это такие комбинации, в которых заимствованный из русского языка элемент занимает первую позицию, а удмуртский — позицию в конце клаузы. В примере (21) союз русского происхождения *jesl'i* сочетается с исконно удмуртским *ke*, образуя рамочную конструкцию *jesl'i... ke*:

- (21) *jesl'i ton so-je a²ž'-i-d ke, s'emja-ja-d pe kâškât pe lâkt-e,*
 если ты тот-ACC видеть-PST-2SG если семья-LOC/ILL-POSS.2SG СИТ страшный СИТ прийти-PRS.3SG
ni, s'ekât ivor, kâškât ivor, i kura²ž'-on, s'ekât a²ž'-on pe lâkt-e
 ну тяжелый новость страшный новость и страдать-VN тяжелый видеть-VN СИТ прийти-PRS.3SG
 ‘Если ты ее [русалку] увидишь, в твою семью придет страшная, ну, плохая новость, страшная новость, и страдания, трудности, мол, придут’ [КТУ: SIM_05072019_EK_rusalka].

Второй описанный в нашей БД параметр — **взаиморасположение клауз**. Клауза с коннектором может предшествовать ассоциированной клаузе (препозиция (22)) или следовать после нее (постпозиция (23)).

- (22) *tâli-jen c'üž-Ø no⁵, l'uka-s'k-o-z.*
 крыло-INS мести-IMP ADD собирать-DETR-FUT-3SG
 ‘Крылышком помети, и наберется’ [КТУ: GOM_072019_VI_kolobok].

- (23) *n än' drožzi-jen, potomu što li-e pišnij-ges.*
 хлеб дрожжи-INS потому что стать-PRS.3SG пышный-CMPR
 ‘Хлеб на дрожжах, потому что получается пышнее’ [КТУ: ANF-072019_VI_pxran].

Также возможен свободный порядок клауз: клауза с коннектором может занимать препозицию (24a), постпозицию (24b) и интерпозицию, т. е. находиться внутри ассоциированной клаузы (24c):

- (24) a. *[štobâ mon utoj-ges med das'a-s'k-o-Ø ekzamen-e] pet'a košk-i-z.*
 чтобы я хороший-CMPR ОРТ готовить-DETR-FUT-1SG экзамен-ILL Петя уйти-PST-3SG
 b. *pet'a košk-i-z [štobâ mon utoj-ges med das'a-s'k-o-Ø ekzamen-e].*
 Петя уйти-PST-3SG чтобы я хороший-CMPR ОРТ готовить-DETR-FUT-1SG экзамен-ILL
 c. *pet'a [štobâ mon utoj-ges med das'a-s'k-o-Ø ekzamen-e] košk-i-z.*
 Петя чтобы я хороший-CMPR ОРТ готовить-DETR-FUT-1SG экзамен-ILL уйти-PST-3SG
 ‘Чтобы я смог хорошо подготовиться к экзамену, Петя уехал’.

Третий и четвертый параметры — **количество компонентов основной части и её тип** (разрывный/неразрывный) — описывают морфологические свойства коннектора. Коннекторы делятся на однокомпонентные (состоящие из одного слова, например *soin* ‘поэтому’) и многокомпонентные (состоящие из двух и более слов, например *malâ ke šuono*, букв. ‘если сказать почему’, ‘потому что, так как’). Для многокомпонентных коннекторов отмечается возможность разрыва их частей другим языковым материалом. Например, в (25)–(26) представлен неразрывный коннектор *malâ ke šuono*, а в (27) — разрывный *gine... no* ‘как только’:

- (25) *obš'ij og kâl šed'-tâ-nâ bugat-il'l'a-m baškir-jos-ân, ma-lâ ke šu-onô*
 общий один язык найти-CAUS-INF смочь-2/3PL-PST2 башкир-PL-INS что-DAT если сказать-DEB
t'urkskij kâl-ez so-os no tod-o.
 тюркский язык-ACC тот-PL ADD знать-PRS.3PL
 ‘Общий язык смогли найти с башкирами, потому что тюркский язык они тоже знают’ [КТУ: BHM-31072021_DB_istorija-udm].

- (26) a. *podarok bas't-i-Ø ma-lâ ke šu-onô mon ton-e jarat-is'ko-Ø.*
 подарок взять-PST-1SG что-DAT если сказать-DEB я ты-ACC любить-PRS-1SG
 b. **podarok bas't-i-Ø ma-lâ ke mon ton-e jarat-is'ko-Ø šu-onô.*
 подарок взять-PST-1SG что-DAT если я ты-ACC любить-PRS-1SG сказать-DEB
 c. **podarok bas't-i-Ø ma-lâ mon ton-e jarat-is'ko-Ø ke šu-onô.*
 подарок взять-PST-1SG что-DAT я ты-ACC любить-PRS-1SG если сказать-DEB
 ‘Я купил подарок, потому что люблю тебя’.

- (27) *dor-e gine bertâ-sa vü-i-Ø no t'el'efon zvonit' kar-i-z.*
 дом-ILL только прийти.домой-CVB прийти-PST-1SG ADD телефон звонить делать-PST-3SG
 ‘Только я пришла домой, зазвонил телефон’.

⁵ В удмуртском языке соединительный *no* занимает финальную позицию в клаузе, к которой присоединяется интонационно (см. [ГСУЯ III: 31]).

Следующие два параметра описывают **(квази)корреляты** — единицы в ассоциированной клаузе, употребляющиеся в сочетании с коннектором и являющиеся менее семантически нагруженными (подробнее см. [Данилова, в печати]). Квазикоррелятом является, например, *тем* в предложении *Чем выше они поднимались, тем лучше ловил телефон*. При наличии коррелята отмечаются его **обязательность/необязательность и позиция в клаузе**. Например, коннектор *ke ... sokâ* ‘когда ... тогда’ содержит коррелят *sokâ*. Он является необязательным и может свободно перемещаться в ассоциированной клаузе (28). Коррелят *so mânda* ‘столько’ коннектора *so mânda ... kudmânda* ‘столько ... сколько’ также не имеет фиксированной позиции, но является обязательным (29).

- (28) *kat'a ke lâkt-i-z (sokâ) gîbi-ja-nâ (sokâ) mân-o-m (sokâ)*.

Катя если прийти-PST-3SG тогда гриб-VBLZ-INF тогда идти-FUT-1PL тогда
'Когда Катя придет, тогда пойдем по грибы'.

- (29) a. **(so mânda) tînne ûzâ bîc'a-j-Ø kudmânda val az'lo-jez.*

тот примерно сегодня землянику собирать-PST-1SG сколько быть.PST раньше-POSS.3SG

- b. *tînne ûzâ bîc'a-j-ø *(so mânda), kudmânda val az'lo-jez.*

сегодня землянику собирать-PST-1SG тот примерно сколько быть.PST раньше-POSS.3SG

'Сегодня я собрал столько же земляники, сколько было в прошлый раз'.

Последний, седьмой синтаксический параметр — **тип оформляемой клаузы** — описывает тип или несколько типов клауз, присоединяемых коннектором. В большинстве случаев коннекторы используются только с финитными клаузами (30), сп.:

- (30) *kîke mi lâkt-i-m, so košk-em vâl-em n'i*

когда мы прийти-PST-1PL тот уйти-PST2 быть-PST2 уже

'Когда мы пришли, он уже ушёл'.

Однако некоторые коннекторы могут присоединять клаузы, возглавляемые отглагольным именем (31) или номинализацией (32), что характерно для послелогов. Кроме того, один и тот же коннектор может вводить клаузы разных типов, что демонстрирует коннектор *kad'*, который способен употребляться как с номинализацией (33), так и с деепричастием на *-sa* (34).

- (31) *č'ig-on-tem ponna bon mar kar-o-m aj, mon ta-je, naverno, kerttâ-lâ-nâ tijâš.*

сломать-VN-NEG ради да что делать-FUT-1PL вот я этот-ACC наверно вязать-ITER-INF должен

'Чтобы ветки не сломались, наверное, я должен подвязать это дерево' [КТУ: NAM-13082022_NK_foto-derevo].

- (32) *mon busâ-ñn uža-m č'ože pet'a ž'al kar-i-z.*

я поле-LOC работать-NMLZ пока Петя отдых делать-PST-3SG

'Пока я работала в поле, Петя отдыхал'.

- (33) *ataj-len pü pil'ð-l-em-ez kad' anaj pôra-Ø.*

отец-GEN дерево колоть-ITER-NMLZ-POSS.3SG как мать стряпать-PRS.3SG

'Мама стряпает [так же энергично / медленно / и т. д.], как папа рубит дрова'.

- (34) *puks'ð-sa s'i-on-ez vâdâ-sa kad' äjbât.*

сесть-CVB есть-VN-POSS.3SG лечь.спать-CVB как хороший

'Есть сидя так же хорошо, как лежа' [Синицына 2021: 38].

3. Обобщения

3.1. Заимствование коннекторов

Татышлинский удмуртский отличается от литературного языка по составу и функциям коннекторов. На фонетическом уровне выделяются коннекторы, форма которых не совпадает с литературной: например, *ž'a* 'или' соответствует литературному *я*, а комплементайзер *šiša*⁶ — литературному *ишиса*.

Значительный пласт составляют коннекторы, заимствованные из русского языка, в том числе различные комбинации заимствованных союзов с исконными элементами схожей семантики. Среди них: уже описанные для литературного удмуртского [Кельмаков 2011; Kaysina 2014] *jesl'i* ... *ke*, *ježel'i* ... *ke*,

⁶ В татышлинском удмуртском в речи некоторых носителей может встречаться в форме *šiðsa*.

raz ... bere (его наличие в идиоме признаётся не всеми носителями), *xot'a ... ke no, poka ... dərja, što ... šusa* и ранее не отмеченный *potomu što ... šusa* и пр.

Отличительной чертой является также отсутствие у некоторых коннекторов значений, представленных в литературном языке. Так, в татышлинском не встречается использование конструкции с *собере* для выражения аддитивного значения (= *к тому же*)⁷, которое характерно для литературного удмуртского (35)–(37). Кроме того, в данном идиоме у коннектора *дырья* отсутствует причинное значение, отмечаемое в литературной норме (38)–(39).

- (35) *Нырысь ик дор-а-мы, Сарапул-э,*
сперва ЕМРН край-LOC/ILL-POSS.1PL Сарапул-ILL
берты-ло-м, со-бер-е эшь-ёс но тани ёт-ё...
приходить-FUT-1PL тот-зад-ILL друг-PL ADD там звать-PRS.3PL
'Сперва домой, в Сарапул, съездим, да вот и товарищи зовут...' ([ГСУЯ III: 22]: Г. Перевощикова. Кыдазы егитъёс).
- (36) *Шим-шиим, со-бер-е ма-лы ке но окым.*
жуткий тот-зад-ILL что-DAT если ADD душный
'Жутко, да и почему-то душно' ([там же]: М. Горький. Калыкын).
- (37) **tamara-lə̄ vetlə̄-nə̄ s'ekə̄t so ber-е so zə̄k*
Тамара-DAT ходить-INF тяжелый тот зад-ILL тот беременный
Ожид.: 'Тамаре тяжело ходить, к тому же она беременная'.
- (38) *Автобус-э ѿд вуы дырья, пыд-ын мын-оно лу-о-з ини.*
автобус-ILL NEG.PST.2 прийти пока нога-INS идти-DEB становиться-FUT-3SG уже
'Раз не успел на автобус, придется уже идти пешком' [ГСУЯ 1962: 329].
- (39) *#avtobus-e vü-t-is'kə̄-m-te də̄rja, pud-en tə̄n-o-Ø in'i.*
автобус-ILL успеть-CAUS-DETR-NMLZ-NEG пока нога-INS идти-FUT-1SG уже
'Я не успевал на автобус, пойду пешком'.
Ожид.: 'Раз я не успел на автобус, пойду пешком'.

Распределение заимствованных коннекторов по семантическим зонам оказалось неравномерным. Наибольшее количество заимствований наблюдается в семантическом поле АДВЕРСАТИВНОСТЬ⁸: здесь зафиксировано шесть русских заимствований (*a, vs'o ravno, kot'*, противительное *no, no vs'o ravno, xot'a*), три сочетания с исконными элементами (*kot' ke no* 'хотя', *kot' ... noš* 'пусть ... но', *xot'a ... ke no* 'хотя') и два тюркских заимствования (*barə̄, barbə̄* 'всё равно'). Существенная доля заимствований характерна и для семантического поля ПРИЧИНА, где четыре из 15 коннекторов являются русскими (*a to, ved', potomu što, raz*), а ещё два представляют собой комбинации с русскими элементами (*potomu što ... bere, potomu što ... šusa*). Отметим, однако, что не для всех полей с большим количеством коннекторов характерна высокая доля заимствований. Для сравнения: среди 19 коннекторов ТАКСИСА заимствованными являются только два (*gine, poka*), к которым добавляются четыре их сочетания с удмуртскими единицами.

Особый интерес представляет семантическая зона ДИЗЮНКЦИИ: в собранном материале она выражена исключительно заимствованными элементами — как русскими (*to ... to, to l'i ... to l'i*), так и тюркскими (*olo (... olo), ž'a (... ž'a), ž'ake⁹ (... ž'ake)*) коннекторами.

Заимствование коннекторов из русского языка не всегда сопровождается полным копированием их свойств в татышлинском удмуртском. Так, заимствованный союз *potomu što* теряет свойство разрывности. В русском языке его компоненты могут разрываться другими словами, тогда как в татышлинском удмуртском это невозможно, ср.:

- (40) **mon potomu tatč'ə̄ lə̄kt-i-Ø što ton tatə̄n.*
я потому сюда прийти-PST-1SG что ты здесь
Ожид.: 'Я потому пришёл сюда, что ты здесь'.

⁷ В литературной орфографии пишется слитно, в принятой нами записи татышлинского удмуртского — раздельно.

⁸ В это семантическое поле включаются единицы, выражающие противопоставление (см. [Lakoff 1971; Foolen 1991]).

⁹ Так же встречается форма *ž'akeze* (... *ž'akeze*). Формант *-ze* затруднительно анализировать как тюркское заимствование. По своей форме он совпадает с показателем аккузатива посессивного склонения 3-го л. ед. ч.

Кроме того, в языке-реципиенте закрепляются не все значения полисемантических коннекторов. Например, союз *a to* в татышлинском удмуртском сохранил лишь причинное значение, в то время как его адверсативное значение не представлено, ср.:

- (41) *târmoz, a to so ber-e mâ-s'î-t-âm d'el'a-lo-zâ.*
 достаточно а то тот зад-ILL я-GEN2-POSS.1 надоесть-FUT-3PL
 ‘Хватит, а то потом от меня устанут’ [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].
- (42) **âs'-mi-jos tros-ges med lû-o-zâ, a to mi kîn' gine.*
 REFL-POSS.1PL-PL много-CMPR ОПТ становиться-FUT-3PL а то мы три только
 Ожид.: ‘Пусть нас будет больше, а то нас всего трое’.

Заимствованные элементы взаимодействуют с исконными. Так, в отличие от исконного комплémentайзера *šîsa*, клаузы с *što* не могут располагаться внутри главной клаузы (43)–(44). Однако при сочетании с исконным комплémentайзером ситуация меняется: конструкции со *što* ... *šîsa* допускают вложение в главную клаузу (45).

(43) КЛАУЗЫ С *što*

- a. *vas'a tod-e [što pet'a košk-i-z].*
 Вася знать-PRS.3SG что Петя уйти-PST-3SG
- b. *[što pet'a koškiz] vas'a tod-e.*
 что Петя уйти-PST-3SG Вася знать-PRS.3SG
- c. *?"vas'a [što pet'a košk-i-z] tod-e.*
 Вася что Петя уйти-PST-3SG знать-PRS.3SG
 ‘Вася знает, что Петя уехал’.

(44) КЛАУЗЫ С *šîsa*

- a. *vas'a tod-e [pet'a košk-i-z šû-sa].*
 Вася знать-PRS.3SG Петя уйти-PST-3SG говорить-CVB
- b. *[pet'a košk-i-z šû-sa] vas'a tod-e.*
 Петя уйти-PST-3SG говорить-CVB Вася знать-PRS.3SG
- c. *vas'a [pet'a košk-i-z šû-sa] tod-e.*
 Вася Петя уйти-PST-3SG говорить-CVB знать-PRS.3SG
 ‘Вася знает, что Петя уехал’.

(45) КЛАУЗЫ С *što* ... *šîsa*

- a. *vas'a tod-e [što pet'a košk-i-z šû-sa].*
 Вася знать-PRS.3SG что Петя уйти-PST-3SG говорить-CVB
- b. *[što pet'a košk-i-z šû-sa] vas'a tod-e.*
 что Петя уйти-PST-3SG говорить-CVB Вася знать-PRS.3SG
- c. *vas'a [što pet'a košk-i-z šû-sa] tod-e.*
 Вася что Петя уехать-PST-3SG говорить-CVB знать-PRS.3SG
 ‘Вася знает, что Петя уехал’.

3.2. Синтаксические обобщения

Поскольку удмуртский язык относится к языкам с левым ветвлением, можно было ожидать, что коннекторы будут занимать в клаузе конечную позицию. Однако полученные данные демонстрируют следующую тенденцию: из общего числа коннекторов 42 единицы располагаются в начале клаузы и лишь 19 — в её конце. Мы объясняем это тем, что значительная часть коннекторов занимает топикальную и, соответственно, начальную позицию. К таким единицам относятся вопросительные слова (например, *kî* ‘когда’), соотносительные конструкции (например, *kâz'â ke ... oz'â ik* ‘как... так и’) и фокусные выражения (например, *sokâ gine* ‘как только’). Кроме того, заметный вклад в эту статистику вносят заимствования из русского языка (14 единиц), такие как *kot'* ‘хотя’, которые сохраняют типичную для языка с правым ветвлением позицию в начале клаузы.

Еще одно явление, возникшее в условиях языкового контакта — дублирование синонимичных коннекторов и образование рамочных конструкций, — можно объяснить потребностью языка четко обозначать границу между клаузами. Это особенно важно в конструкциях, где линейная организация предложения и отсутствие эксплицитно выраженной границы между клаузами затрудняют их восприятие, т. е.

таких, где коннектор занимает начальную позицию в первой клаузе или конечную позицию во второй. Схематически это можно отобразить так:

[коннектор + клауза] [клауза] → [коннектор + клауза + коннектор] [клауза]
 [клауза] [клауза + коннектор] → [клауза] [коннектор + клауза + коннектор]

Коннектор *šūsa*, вводящий изъяснительные придаточные, располагается в конце клаузы, часто находящейся в постпозиции, что делает границу между двумя клаузами нечеткой (46). Оформление зависимой клаузы рамочным способом, как в (47), позволяет эксплицитно маркировать начало подчиненной клаузы.

- (46) *šumpotâ-l-il'l'a-m* *č'orâ? -ž'os, so-os-âz* *a?ž'â-nâ* *vas'k-il'l'a-m* **šūð-sa.**
 радоваться-ITER-2/3PL-PST2 рыба-PL тот-PL-ACC видеть-INF спуститься-2/3PL-PST2 говорить-CVB
 'Радовались рыбы, что на них спустились посмотреть' [КТУ: ShIA-12082022_NK_foto-podv-lodka].
- (47) *pervâj tâpn-em ber-e daže n'= marâm* **ðšanâs'= ðšanâ-te?**
 первый идти-NMLZ зад-ILL даже HES верить-CAR
no tâpn-i-m ej, što mi be= moskva-je tâ-s'ko-m **šūð-sa.**
 ADD идти-PST-1PL PTCL что мы Москва-ILL идти-PRS-1PL говорить-CVB
 'Первый раз мы даже не поверили, что мы в Москву едем' [КТУ: GRG-072019_VI_moscow].

Согласно [Dik 1983: 274, 296], функциональная мотивация таких явлений связана с принципом позиционирования связующего элемента: его предпочтительное положение — между двумя элементами, которые он связывает. Поскольку коннекторы служат для связи клауз, язык стремится разместить их в позиции, где их связующая функция максимально прозрачна. Однако в случаях, когда структурная организация не позволяет этого, возникает потребность в дополнительной единице, маркирующей границу между клаузами. Появление такой единицы повышает распознаваемость синтаксических границ (см. также [Hawkins 2005: 32] о минимальной области распознавания).

Учитывая, что русские коннекторы обычно располагаются в начале клаузы, их дублирование также служит цели эксплицитного маркирования семантического типа клаузы, заранее указывая на характер следующей информации, см. пример (48) с дублированием союза *ke*. Поскольку в удмуртском языке условные клаузы тяготеют к препозиции, *ke* часто оказывается между клаузами или близко к их границе. Дополнительное использование *jesl'i* в начале предложения упрощает восприятие клаузы.

- (48) *jesl'i s'ekretar-ez* *otâñ tuž gramotnâj äd'ämi liüð-m-te* **ke tros ošipka-jos**
 если секретарь-POSS.3SG там очень грамотный человек становиться-NMLZ-NEG если много ошибка-PL
kel'tâ-lâ-l-o *vâl-em.*
 оставлять-ITER-ITER-PRS.3PL быть-PST2
 'Если секретарь там был не очень грамотным человеком... допускали много ошибок' [КТУ: ATN-09082022_TD_pro-imena].

Это обобщение распространяется и на конструкции с квазикоррелятом в ассоциированной клаузе. Например, в квазикоррелятивных конструкциях типа *kâz'â ke ... oz'â ik* 'как... так (и)' и *kôn'a ... son'a (ik)* 'как... так (и)' квазикоррелят обязателен и занимает позицию между двумя клаузами. Его отсутствие приводит к нарушению приемлемости: в (49) опущение *oz'â ik* делает предложение неграмматичным:

- (49) *kâz'â ke ton ul-on šor-â* *üt'-is'k-o-d,*
 как PTCL ты жить-VN середина-ILL беречь-DETR-FUT-2SG
**(oz'â ik) ul-on ton šor-â* *üt'-is'k-o-z.*
 так ЕМРН жить-VN ты середина-ILL беречь-DETR-FUT-3SG
 'Как ты относишься к жизни, *(так и) жизнь будет относиться к тебе'.

При этом если квазикоррелят расположен не между клаузами, а в начале предложения, его опущение может быть допустимым, ср.:

- (50) *(oz'â ik) ul-on ton šor-â* *üt'-is'k-o-z,*
 так ЕМРН жить-VN ты середина-ILL беречь-DETR-FUT-3SG
kâz'â ke ton ul-on šor-â *üt'-is'k-o-d.*
 как PTCL ты жить-VN середина-ILL беречь-DETR-FUT-2SG
 '(Так) жизнь будет относиться к тебе, как ты относишься к ней'.

4. Итоги и перспективы

Создание базы данных позволило не только актуализировать список коннекторов татышлинского удмуртского, но и провести ряд наблюдений над их фонетическими, морфологическими, семантическими и синтаксическими свойствами.

Подтвердилось, что татышлинский идиом отличается от литературного языка составом используемых коннекторов, а ареально близкие русский, татарский и башкирский языки оказывают на него значительное влияние на разных уровнях. Заимствуясь, коннекторы адаптируются к языку-реципиенту, сохраняя при этом ряд свойств, характерных для языка-источника. Употребление коннекторов в топикальной позиции, заимствование единиц с иным позиционным поведением и их размещение в начале клаузы позволяют четче маркировать границы клауз, что отражает тенденцию, зафиксированную и в других языках.

В дальнейшем мы планируем расширять базу, уделив особое внимание семантическим полям, оставшимся на периферии настоящего исследования: МЕРЕОЛОГИИ, КОМПОЗИЦИИ ТЕКСТА, ЗАМЕСТИТЕЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ, ПЕРЕФОРМУЛИРОВАНИЮ, ИСТОЧНИКУ ИНФОРМАЦИИ, СРЕДСТВУ и ВЕРИФИКАЦИИ. На данном этапе можно отметить следующие наблюдения: в поле ДИЗЬЮНКЦИЯ зафиксирован самый большой процент заимствованных коннекторов, наибольшим разнообразием единиц характеризуются поля ТАКСИС, АДВЕРСАТИВНОСТЬ и ПРИЧИНА, что соотносится с результатами, полученными для осетинского языка [Осипова 2024]. По сравнению с БД коннекторов татышлинского удмуртского и осетинского, в базе [Рускон] крупнейшим по количеству единиц является поле МЕРЕОЛОГИЯ, тогда как в татышлинском удмуртском и осетинском оно представлено лишь 3 и 2 коннекторами соответственно. Общей чертой для [Рускон] и баз малых языков можно считать то, что вслед за МЕРЕОЛОГИЕЙ по размеру инвентаря идут поля АДВЕРСАТИВНОСТЬ и ТАКСИС.

Данные татышлинского удмуртского соотносятся с типологическими обобщениями и иерархиями заимствования коннекторов, сформулированными в [Stolz, Levkovych 2022] для языков постсоветского пространства. Наиболее полная из предложенных иерархий, которая находит подтверждение в нашем материале, выглядит следующим образом: если в языке присутствует заимствованный из русского сравнительный союз, то в нем также будут представлены заимствованные противительные, уступительные, целевые, соединительные союзы и комплементайзер. При этом важно отметить, что в татышлинском удмуртском зафиксировано гораздо больше заимствованных коннекторов, чем описано для языков, вошедших в выборку [ibid.].

Что касается синтаксических свойств, то противоречие типологическим ожиданиям для языка с левым ветвлением — значительное количество коннекторов в начальной позиции — объясняется как заимствованием русских союзов, так и наличием исконно удмуртских элементов в топикальной позиции. Возникновение конструкций с дублированием удмуртского союза русским можно трактовать двояко: и как контактное явление, и как стремление языка четче маркировать границы между клаузами.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	INCH — инхоатив
ACC — аккузатив	INDEF — неопределенное местоимение
ADD — аддитивная частица	INF — инфинитив
ADV — адвербиалис	INS — инструменталис
CAUS — каузатив	ITER — итератив
CAR — каритив	LOC — локатив
CIT — цитатив	NEG — отрицание
CMPR — компаратив	NMLZ — номинализация
CVB — полифункциональное деепричастие	OPT — оптатив
CVB.SIM — деепричастие одновременности	PL — множественное число
DAT — датив	POSS — посессив
DEB — дебитив	PRS — настоящее время
DETR — детранзитив	PST — прошедшее время
EMPH — выделительная частица	PST2 — второе прошедшее время
FUT — будущее время	PTCL — частица
GEN — генитив	PTCP.ACT — активное причастие
HES — маркер хезитации	SG — единственное число
ILL — иллатив	VBLZ — вербализатор
IMP — императив	VN — отлагольное имя

Л и т е р а т у р а

- Байдуллина, рукопись — *А. Т. Байдуллина. Словарь татышлинского удмуртского. Рукопись.* Булатова 2021 — *М. Р. Булатова. Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект.* Казань: ИЯЛИ, 2021.
- ГСУЯ I — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология // *П. И. Перевоцников, В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев* (ред.). Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.
- ГСУЯ III — Грамматика современного удмуртского языка: синтаксис сложного предложения // *В. И. Алатырев* (отв. ред.). Ижевск: Удмуртия, 1974.
- Давидюк, Крюкова 2024 — *Т. И. Давидюк, А. И. Крюкова. Семантические переходы ‘зад, спина — после — причина’ и ‘говорить — комплементайзер — причина’ на материале татышлинского удмуртского* // *Т. А. Михайлова* (ред.). Семантические переходы в языках мира: материалы к лингвистическому форуму. 21—23 ноября 2024 г. М.: МАКС Пресс, 2024. С. 75—85.
- Данилова, в печати — *А. А. Данилова. Синтаксис сложных предложений с коннекторами* // *И. М. Кобозева, Н. В. Сердобольская, А. И. Крюкова* (ред.). Коннекторы современного русского языка: семантика и синтаксис, прагматика и диахрония. В печати.
- Инькова-Манзотти 2001 — *О. Ю. Инькова-Манзотти. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование)*. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2001.
- Кашкин, Винклер 2024 — *Е. В. Кашкин, М. Э. А. Винклер. Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТИПЛа МГУ* // Родной язык. 2024, 1. С. 16—43.
- Кельмаков 1993 — *В. К. Кельмаков. Удмуртский язык* // *Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова* (ред.). Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 239—255.
- Кельмаков 2011 — *В. К. Кельмаков. Рамочное употребление синонимичных служебных слов в удмуртском языке (в контексте языков Урало-Поволжья)* // *S. Csícs, N. Falk, V. Tóth* (eds.). Congressus XI. Internationalis Fennougristarum Piliscsaba, 9—14. VIII. 2010. Р. 4: Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011. Р. 215—224.
- Кобозева и др. 2023 — *И. М. Кобозева, Н. В. Сердобольская, А. И. Крюкова, Д. А. Пилюгина. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты* // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023, 9 (4 (36)). С. 36—47.
- КЛУ — Корпус литературного удмуртского. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/body>
- КТУ — Корпус татышлинского удмуртского. URL: https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus/search
- Майтинская 1982 — *К. Е. Майтинская. Служебные слова в финно-угорских языках*. М.: Наука, 1982.
- Миржанова 2006 — *С. Ф. Миржанова. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)*. Уфа: Китап, 2006.
- Муравьев 2022 — *Н. А. Муравьев. Каталог темпоральных коннекторов финно-угорских языков*. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/uralic-connectors/index.html>, 2022.
- Насибуллин 1999 — *Р. Ш. Насибуллин. Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период*. Дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1999.
- Осипова 2024 — *А. А. Осипова. База данных коннекторов осетинского языка*. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/oss-connectors/index.html>, 2024.
- Подгорная 2024 — *А. Д. Подгорная. Уступительные конструкции в татышлинском удмуртском*. Экспедиционный отчет. 2024.
- Подгорная 2025 — *А. Д. Подгорная. Сложные предложения с русским союзом *если* в удмуртской речи: о роли (ин)конгруэнтности глагольных форм* // Конференция «Языки России в контакте с русским языком» (Москва, ИРЯ РАН, 19—20 сентября 2025 г.). Презентация доклада.
- Рускон — *И. М. Кобозева, Н. В. Сердобольская, Д. А. Пилюгина, А. И. Крюкова, А. А. Осипова, А. А. Данилова, Е. А. Колобродова, А. В. Птенцова. База данных русских коннекторов*. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/>
- Сердобольская и др. 2012 — *Н. В. Сердобольская, А. А. Ильевская, С. А. Минор, П. С. Митева, А. В. Файнвейц, Н. С. Матвеева. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках* // *А. И. Кузнецова* (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. М.: Studia Philologica, 2012. С. 382—469.
- Серебренников 1963 — *Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков*. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Синицына 2021 — *Ю. В. Синицына. Сравнительные конструкции в татышлинском удмуртском*. Экспедиционный отчет. 2021.
- Тараканов 1974 — *И. В. Тараканов. Служебные слова тюркского происхождения в удмуртском* // Вопросы советского финно-угроведения: Языкознание: Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посвященной 250-летию АН СССР. Петрозаводск: АН СССР. Ин-т языкоznания. Карельский филиал. Ин-т ЯЛИ. 1974. С. 93—95.
- УРС — Удмурт-зүч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2008.

Уткина 2022 — *A. Ф. Уткина*. Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022.

Уткина 2024 — *A. Ф. Уткина*. Функционирование сложноподчинённых предложений с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке (на материале публицистических текстов) // Вестник угреведения. 2024, 14 (1). С. 117—127.

Уткина 2025 — *A. Ф. Уткина*. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в современном удмуртском языке // Вестник угреведения. 2025, 15 (1). С. 110—120.

Халилова 2024 — *З. М. Халилова*. База данных коннекторов бежтинского языка. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/bezhta-connectors/index.html>, 2024.

Шутов 2002 — *A. Ф. Шутов*. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2002.

Baidoullina 2003 — *A. Baidoullina*. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Tartu, 2003.

Bartens 2000 — *R. Bartens*. *Permäläisten kielten rakenne ja kehitys* [Structure and development of Permic languages]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000.

Dik 1983 — *S. C. Dik*. *Advances in functional grammar*. Dordrecht: Foris Publications, 1983.

Foolen 1991 — *A. Foolen*. Polyfunctionality and the semantics of adversative conjunctions // *Multilingua*. 1991, 10 (1—2). P. 79—92.

Hawkins 2005 — *J. A. Hawkins*. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.

Kaysina 2014 — *I. Kaysina*. Grammatical effects of Russian-Udmurt language contact // *C. Stoltz* (ed.). *Language Empires in Comparative Perspective*. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2015. P. 219—235.

Lakoff 1971 — *R. Lakoff*. If's, and's and but's about conjunction // *Ch. J. Fillmore, D. T. Langendoen* (eds.). *Studies in linguistic semantics*. New York: Irvington, 1971. P. 114—149.

Riese 1984 — *T. Riese*. The conditional sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic languages. Wien: VWGÖ, 1984.

Stoltz, Levkovych 2022 — *T. Stoltz, N. Levkovych*. On loan conjunctions: A comparative study with special focus on the languages of the former Soviet Union // *N. Levkovych* (ed.). *Susceptibility vs. resistance: Case studies on different structural categories in language-contact situations*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. P. 259—392.

References

Baidoullina, rukopis — A. Baidoullina. Slovar tatyshlinskogo udmurtskogo. Rukopis. {A. Baidoullina. Dictionary of Tatyshly Udmurt. Draft.}

Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. Magisterskaya dissertatsya. Tartu, 2003. {A. Baidoullina. Tatyshly dialect of the Udmurt language: phonetics and morphology. MA thesis. Tartu, 2003.}

Bartens 2000 — R. Bartens. *Permäläisten kielten rakenne ja kehitys* [Structure and development of Permic languages]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000.

Bulatova 2021 — M. R. Bulatova. Tatarskie govory Bashkortostana: areal'nyi aspekt. Kazan': IYALI, 2021. {M. R. Bulatova. Tatar dialects of Bashkortostan: areal aspect. Kazan: IYALI, 2021.}

Danilova, v pechatи — A. A. Danilova. Sintaksis slozhnykh predlozheniy s konnektorami. In: I. M. Kobozeva, N. V. Serdobolskaya, A. I. Kryukova (red.). *Konnektory sovremennoj russkoj jazyka: semantika i sintaksis, pragmatika i diakroniya. V pechati*. {A. A. Danilova. Syntax of complex sentences with connectors. In: I. M. Kobozeva, N. V. Serdobolskaya, A. I. Kryukova (eds.). *Modern Russian connectors: semantics and syntax, pragmatics and diachrony*. In print.}

Davidyuk, Kriukova 2024 — T. I. Davidyuk, A. I. Kryukova. Semanticheskiye perekhody 'zad, spina — posle — prichina' i 'govorit — komplementayzer — prichina' na materiale tatyshlinskogo udmurtskogo. In: T. A. Mikhaylova (red.). *Semanticheskiye perekhody v yazykakh mira: materialy k lingvisticheskому forumu. 21—23 noyabrya 2024 g.* Moskva: MAKS Press, 2024. S. 75—85. {T. I. Davidyuk, A. I. Kriukova. Semantic shifts 'back — after — cause' and 'say — complementizer — cause': evidence from Tatyshly Udmurt. In: T. A. Mikhaylova (ed.). *Semantic shifts in World languages. Proceedings of the Linguistic forum. 21—23 November 2024*. Moscow: MAKS Press, 2024. P. 75—85.}

Dik 1983 — *S. C. Dik*. *Advances in functional grammar*. Dordrecht: Foris Publications, 1983.

GSUYa I — Grammatika sovremennoj udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. In: P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (red.). Izhevsk: Izhevskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1962. {P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (eds.). *Grammar of the Modern Udmurt language*. Izhevsk: Izhevskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1962.}

GSUYa III — Grammatika sovremennoj udmurtskogo yazyka: sintaksis slozhnogo predlozheniya. In: V. I. Alatyrev (otv. red.). Izhevsk: Udmurtiya, 1974. {V. I. Alatyrev (ed.). *Grammar of the Modern Udmurt language: Complex Sentence Syntax*. Izhevsk: Udmurtiya, 1974.}

- Foolen 1991 — A. Foolen. Polyfunctionality and the semantics of adversative conjunctions. In: *Multilingua*. 1991, 10 (1–2). P. 79—92.
- Hawkins 2005 — J. A. Hawkins. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.
- Inkova-Manzotti 2001 — O. Yu. Inkova-Manzotti. *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh (sopostavitelnoye issledovaniye)*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2001. {O. Yu. Inkova-Manzotti. Opposition connectors in French and Russian (contrastive study). ThD thesis. Moscow, 2001.}
- Kashkin, Winkler 2024 — E. Kashkin, M. E. Winkler. *Yazykovaya situatsiya u tatyshlinskikh udmurтов: nablyudeniya ekspeditsiy OTIPLa MGU*. In: *Rodnoy yazyk*. 2024, 1. S. 16—43. {E. Kashkin, M. E. Winkler. The Tatyshly Udmurt language situation: Evidence from recent fieldwork. In: *Mother Tongue*. 2024, 1. P. 16—43.}
- Kaysina 2014 — I. Kaysina. Grammatical effects of Russian-Udmurt language contact. In: C. Stolz (ed.). *Language Empires in Comparative Perspective*. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2015. P. 219—235.
- Kelmakov 1993 — V. K. Kelmakov. *Udmurtskiy yazyk*. In: Yu. S. Yeliseyev, K. Ye. Maytinskaya, O. I. Romanova (red.). *Yazyki mira. Uralskiye yazyki*. Moskva: Nauka, 1993. S. 239—255. {V. K. Kelmakov. *Udmurtskiy yazyk*. In: Yu. S. Yeliseyev, K. Ye. Maytinskaya, O. I. Romanova (eds.). *Languages of the world. Uralic languages*. Moscow: Nauka, 1993. P. 239—255.}
- Kelmakov 2011 — V. K. Kelmakov. *Ramochnoye upotrebleniye sinonimichnykh sluzhebnykh slov v udmurtskom yazyke (v kontekste yazykov Uralo-Povolzhya)*. In: S. Csúcs, N. Falk, V. Tóth (eds.). *Congressus XI. Internationalis Fennno-Ugristarum Piliscsaba, 9—14. VIII. 2010*. P. 4: *Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011*. P. 215—224. {V. K. Kelmakov. ‘Framing’ use of synonymous function words in Udmurt (in the context of the Ural-Povolzhye region). In: S. Csúcs, N. Falk, V. Tóth (eds.). *Congressus XI. Internationalis Fennno-Ugristarum Piliscsaba, 9—14. VIII. 2010*. P. 4: *Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011*. P. 215—224.}
- Khalilova 2024 — Z. M. Khalilova. *Baza dannykh konnektorov bezhtinskogo yazyka*. {Database of Bezhta connectors}. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/bezhta-connectors/index.html>, 2024.
- Kobozeva i dr. 2023 — I. M. Kobozeva, N. V. Serdobolskaya, A. I. Kriukova, D. A. Pilyugina. *Sozdaniye bazy dannykh konnektorov sovremenennogo russkogo yazyka: printsipy, problemy, rezul'taty*. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates*. 2023, 9 (4 (36)). S. 36—47. {I. M. Kobozeva, N. V. Serdobolskaya, A. I. Kriukova, D. A. Pilyugina. Creating a database of Modern Russian clause linkers: principles, problems, results. In: *Tyumen State University Herald. Humanitates Research. Humanitates*. 2023, 9 (4). P. 36—47.}
- KLU — Korpus literaturnogo udmurtskogo. {Corpus of literary Udmurt}. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/body>
- KTU — Korpus tatyshlinskogo udmurtskogo. {Corpus of Tatyshly Udmurt}. URL: https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus/search
- Lakoff 1971 — R. Lakoff. If's, and's and but's about conjunction. In: Ch. J. Fillmore, D. Terence Langendoen (eds.). *Studies in linguistic semantics*. New York: Irvington, 1971. P. 114—149.
- Maytinskaya 1982 — K. Ye. Maytinskaya. *Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh yazykakh*. Moskva: Nauka, 1982. {K. Ye. Maytinskaya. Function words in Finno-Ugric languages. Moscow: Nauka, 1982.}
- Mirzhanova 2006 — S. F. Mirzhanova. *Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka (formirovaniye i sovremennoye sostoyaniye)*. Ufa: Kitap, 2006. {S. F. Mirzhanova. Northwestern dialect of Bashkir (formation and current state). Ufa: Kitap, 2006.}
- Muravyev 2022 — N. A. Muravyev. *Katalog temporalnykh konnektorov finno-ugorskikh yazykov*. {Database of Finno-Ugric temporal connectors}. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/uralic-connectors/index.html>, 2022.
- Nasibullin 1999 — R. Sh. Nasibullin. *Russkiye zaimstvovaniya v udmurtskom yazyke: Dooktyabr'skiy period. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk*. Kazan', 1999. {R. Sh. Nasibullin. Russian loanwords in Udmurt: the period before the October revolution. Doctor habilitatatus thesis. Kazan, 1999.}
- Osipova 2024 — A. A. Osipova. *Baza dannykh konnektorov osetinskogo yazyka*. {Database of Ossetic connectors}. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/oss-connectors/index.html>, 2024.
- Podgornaya 2024 — A. D. Podgornaya. *Ustupitelnyye konstruktsii v tatyshlinskem udmurtskom. Ekspeditsionnyy otchet*. 2024. {A. D. Podgornaya. Concessive constructions in Tatyshly Udmurt. Field report. 2024.}
- Podgornaya 2025 — A. D. Podgornaya. *Slozhnyye predlozheniya s russkim soyuzom yesli v udmurtskoy rechi: o roli (in)kongruentnosti glagolnykh form*. In: *Konferentsiya “Yazyki Rossii v kontakte s russkim yazykom” (Moskva, IRYa RAN, 19—20 sentyabrya 2025 g.)*. Prezentatsiya doklada. {A. D. Podgornaya. Complex sentences with Russian ‘yesli’ in Udmurt speech: on the role of verb form (in)congruence. In: *Languages of Russia in contact with Russian (Moscow, Vino-gradov Institute of Russian Language RAS, September 19—20 2025)*. Presentation slides.}
- Riese 1984 — T. Riese. *The conditional sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic languages*. Wien: VWGÖ, 1984.
- Ruscon — I. M. Kobozeva, N. V. Serdobolskaya, D. A. Pilyugina, A. I. Kriukova, A. A. Osipova, A. A. Danilova, E. A. Kolobrodova, A. V. Ptentsova. *Baza dannykh russkikh konnektorov*. {Database of Russian connectors}. URL: <https://ruscon.iling-ran.ru/>

Serdobolskaya i dr. 2012 — N. V. Serdobolskaya, A. A. Ilyevskaya, S. A. Minor, P. S. Miteva, A. V. Faynveyts, N. S. Matveyeva. Konstruktsii s sententsialnymi aktantami v finno-ugorskikh yazykakh. In: A. I. Kuznetsova (otv. red.). Finno-ugorskiye yazyki: fragmenty grammaticeskogo opisaniya. Moskva: Studia Philologica, 2012. S. 382—469. {N. V. Serdobolskaya, A. A. Ilyevskaya, S. A. Minor, P. S. Miteva, A. V. Faynveyts, N. S. Matveyeva. Complement constructions in Finno-Ugric languages. In: A. I. Kuznetsova (ed.). Finno-Ugric languages: fragments of a grammatical description. Moscow: Studia Philologica, 2012. P. 382—469.}

Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. {B. A. Serebrennikov. Historical morphology of Permian languages. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.}

Shutov 2002 — A. F. Shutov. Puti razvitiya gipotaksicheskikh otnosheniy v udmurtskom yazyke. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk. Izhevsk, 2002. {A. F. Shutov. Paths of development of hypotaxis in Udmurt. ThD thesis. Izhevsk, 2002.}

Sinitsyna 2021 — Yu. V. Sinitsyna. Sravinitelnyye konstruktsii v tatyshlinskem udmurtskom. Ekspeditsionnyy otchet. 2021. {Yu. V. Sinitsyna. Comparative constructions in Tatyshly Udmurt. Field report. 2021.}

Stolz, Levkovich 2022 — T. Stolz, N. Levkovich. On loan conjunctions: A comparative study with special focus on the languages of the former Soviet Union. In: N. Levkovich (ed.). Susceptibility vs. resistance: Case studies on different structural categories in language-contact situations. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. P. 259—392.

Tarakanov 1974 — I. V. Tarakanov. Sluzhebnyye slova tyurkskogo proiskhozhdeniya v udmurtskom. In: Voprosy sovetskogo finno-ugrovedeniya: Yazykoznanie: Tezisy dokladov i soobshcheniy na XV konferencii po finno-ugrovedeniyu, posvyashchennoy 250-letiyu AN SSSR. Petrozavodsk, 1974. S. 93—95. {I. V. Tarakanov. Udmurt function words of Turkic origin. In: Topics in Soviet Finno-Ugric studies: Linguistics: abstracts of the XV Finno-Ugric studies conference celebrating the USSR AS's 250th Anniversary. Petrozavodsk, 1974. S. 93—95.}

Utkina 2022 — A. F. Utkina. Slozhnopodchinennyye predlozheniya s izyasnitelnymi pridatochnymi v sovremenном udmurtskom yazyke. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Izhevsk, 2022. {A. F. Utkina. Complement clauses in modern Udmurt. PhD thesis. Izhevsk, 2022.}

Utkina 2024 — A. F. Utkina. Funktsionirovaniye slozhnopodchinennyykh predlozheniy s izyasnitelnymi pridatochnymi v sovremennom udmurtskom yazyke (na materiale publitsisticheskikh tekstov). In: Vestnik ugrovedeniya. 2024, 14 (1). S. 117—127. {A. F. Utkina. The functioning of complex sentences with explanatory subordinate clauses in the modern Udmurt language (based on the material of journalistic texts). In: Bulletin of Ugric studies. 2024, 14 (1). P. 117—127.}

Utkina 2025 — A. F. Utkina. Mnogokomponentnyye slozhnopodchinennyye predlozheniya v sovremennom udmurtskom yazyke. In: Vestnik ugrovedeniya. 2025, 15 (1). S. 110—120. {A. F. Utkina. Multicomponent complex sentences in the modern Udmurt language. In: Bulletin of Ugric studies. 2025, 15 (1), S. 110—120.}

URS — Udmurt-žuch killyukam = Udmurtsko-russkiy slovar': ok. 50 000 slov. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 2008. {Udmurt-Russian dictionary. 50 000 words. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 2008.}

Глагольная морфология первого печатного памятника тверской карельской письменности

Новак Ирина Петровна, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); novak@krc.karelia.ru

В статье представлен обзор системы глагольного словоизменения брошюры «Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращен-
наго катехизиса на Корельскій языкъ» 1804 г. Для спрягаемых форм описаны лично-числовая категория, время, наклонение и
отрицательные формы, для склоняемых — схема образования инфинитивов и причастий. Их сопоставление с данными середи-
ны XX в. по говорам Тверской Карелии из диалектной базы карельского языка Murreh подтвердило возведение языка-
источника перевода к собственно карельским говорам Центральной России. К выявленным архаизмам относятся: полная форма
II причастия актива; употребление аффикса имперфекта с кратким *-и/-ы*; использование форманта 3-го лица единственного
числа презенса индикатива *-въ*; выражение значения 3-го лица единственного числа презенса индикатива формой 2-го лица
единственного числа в глаголах конкретного словоизменительного типа. Определенные инновации (отсутствие окончаний 1-го
лица множественного числа с одиночным согласным в составе, лабиализация конечного гласного *е* основы глагола в положе-
нии перед показателем III инфинитива *-ма/-ма-*) характеризуют то юго-западные, то северо-восточные группы толмачевских
говоров. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что источником перевода выступил переходный между двумя
толмачевскими группами говор. Кроме того, они могут указывать на изменения, произошедшие в диалектной системе региона
за последние два столетия.

Ключевые слова: карельский язык, тверские карелы, памятник письменности, диалектология, история языка, морфология,
глагольное словоизменение

VERBAL MORPHOLOGY OF THE EARLIEST PRINTED PIECE OF TVER KARELIAN WRITTEN LANGUAGE HERITAGE

Irina P. Novak, Institute of Linguistics, Literature and History of KarRC RAS (Petrozavodsk),
Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); novak@krc.karelia.ru

The article provides an overview of the verbal inflection system found in the pamphlet dated 1804 “Translation of some prayers and
the shorter catechism in the Korelian language”. The person-number category, tense, mood, and negative forms are described for the
conjugated forms and the infinitive and participle formation patterns for the declined forms. A comparison against data on mid-20th century
sub-dialects of the Tver Karelian region taken from the Karelian dialectal database Murreh supports the attribution of the source for the
translated text as a sample of a Karelian Proper variant of Central Russia. The identified archaisms include: full form of the active 2nd
participle, use of the imperfect affix with a short *-и (и) / -ы (ы)*, use of the formant of the 3rd person singular of the present indicative *-въ*,
use of 2nd person singular to express 3rd person singular of the present indicative in verbs of a certain inflectional type. The innovations
identified during the study (no 1st person plural endings with a single consonant, labialization of the final vowel *е* of the verb stem in the
position before the marker of the III infinitive *-ма/-ма-*) characterize either the south-western or north-eastern groups of Tolmacy sub-
dialects. The results suggest that the source for the translation was probably a variant transitional between two Tolmacy sub-dialect
groups. They also may indicate how the region’s dialectal system has been evolving during the past two centuries.

Keywords: Karelian, Tver Karelians, written language heritage, dialectology, history of language, morphology, verbal inflexion

1. Введение

Настоящая статья посвящена анализу системы глагольного словоизменения первого печатного переводного текста на говоре карельского языка Верхневолжья — брошюры «Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращеннаго катихизиса на Корельскій языкъ» 1804 г. [Перевод некоторых молитв 1804]. Аннотированный текст, конкорданс и морфологический словарь¹ памятника опубликованы на сайте лингвистической платформы ЛингвоДок [Lingvodoc 2012—2025]. Произведенные ранее графо-фонетический и фонологический анализ языка перевода [Новак 2025в], а также детальный обзор его именной морфологии [Новак 2025а] позволили отнести диалектную основу источника к юго-западной половине толмачевской группы говоров южного диалекта собственно карельского наречия карельского языка, т. е. к говорам центральных районов современной Тверской области. Об этом в первую очередь говорят такие яркие междиалектные сопоставительные явления карельской диалектной речи в области фонологии и морфонологии, как дифтонгизация долгих гласных ударного слога, отсутствие сужающихся дифтонгов на *-i в именах на *-ise, система расширяющихся дифтонгов, регressive лабиализация заударного гласного e, оппозиция согласных по глухости/звонкости, сокращение постсонорных геминат, отсутствие метатезы nh, дистрибуция переднеязычных щелевых согласных, отдельные виды радикального чередования ступеней согласных (см. [Новак 2025в]).

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием комплексных описаний глагольных словоизменительных систем старокарельского периода (XVII—XIX вв.), что является существенным препятствием для углубленного изучения исторической морфологии и диалектологии карельского языка.

Карельский глагол характеризуется наличием финитных (спрягаемых) и инфинитных (склоняемых) форм. Спрягаемые формы содержат следующий набор грамматических категорий: лицо-число, время и наклонение. К спряжению также относится образование отрицательных форм. Общее значение словоформы определяется совокупностью составляющих ее элементов, поэтому парадигматические ряды включают не только синтетические, но и аналитические формы [Адель 1995: 4], например сложные временные конструкции. Инфинитивы и причастия, представляющие разряд склоняемых форм, изменяются по падежам и числам (только причастия), а причастия содержат также грамматические признаки залога и времени. Глагольные формы образуются путем присоединения словоизменительных показателей к лексической основе глагола. Индикатив и презенс обладают нулевыми аффиксами, выделение которых в процессе глоссирования соответствующих словоформ в рамках настоящего исследования не производится.

Важно добавить, что ключевую роль в глагольном словоизменении карельского языка играет тип лексической основы глагола (части слова без словоизменительных аффиксов). Выделение типов базируется на таких аспектах, как количество слогов, конечная огласовка, изменение конечных гласных и, самое главное, наличие одной или двух основ. В процессе словоизменения одноосновных глаголов грамматический показатель присоединяется к единственной возможной гласной основе (оканчивающейся на одиночный гласный или дифтонг), тогда как при словоизменении двухосновных глаголов в одних формах выступает согласная основа (оканчивающаяся на согласный звук), остальные же формы образуются путем присоединения показателей к гласной основе. Существенное место в процессе словоизменения занимает и альтернация согласных, заключающаяся в выпадении или замене смычно-взрывных согласных компонентов основы, выступающих в интервокальном или постконсонантном положении. Таким образом, при словоизменении одноосновных глаголов показатель присоединяется к сильной или слабой гласной основе (например, *anna*-*p* ‘давать-1SG’, *anda*-*kkua* ‘давать-IMP.2PL’), а при словоизменении двухосновных глаголов в части форм выступает гласная основа (сильная или слабая), а в части — согласная (всегда слабая) (например, *rubie*-*n* ‘начинать-1SG’, *ruvek*-*kua* ‘начинать-IMP.2PL’).

Памятник содержит почти 500 глагольных лексем, что составляет пятую часть от общего объема (ок. 2,5 тыс. слов). Соотношение финитных и инфинитных форм распределяется как 55 % к 45 %.

Данные источника сопоставлены с выводами по истории развития грамматической системы карельского языка [Новак 2025б], а также с материалами по глагольной морфологии (ок. 200 вопросов) тверских карельских говоров [Программы 1957—1959]² из диалектной базы карельского языка Murreh [Murreh 2022]. Речь идет о диалектологических вопросниках, заполненных в 60 населенных пунктах Калининской (ныне Тверской) области.

¹ <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11306/17/perspective/11306/21/view>, <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11429/2/perspective/11429/3/view>, <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11430/2/perspective/11430/3/view>

² http://murreh.krc.karelia.ru/ques/anketas?search_fond_number=&search_year=&search_district=&search_place=&limit_num=212

2. Финитные формы глагола

Сложение спрягаемых форм глагола в собственно карельском наречии происходит по следующей схеме: лексическая основа + показатель времени (при наличии) или показатель наклонения (при наличии) + лично-числовое окончание (при наличии). Для выражения 3-го лица множественного числа используется форма имперсонала. Выделение категории залога для финитных форм не производится.

2.1. Лично-числовые формы глагола

Для карельской морфологии характерно наличие шести лично-числовых форм: 1, 2 и 3-е лицо в единственном и множественном числе.

В языке памятника зафиксированы все лично-числовые формы единственного числа презенса индикатива, 1-го и 3-го лица единственного числа имперфекта кондиционала, 2-го и 3-го лица единственного числа имперфекта индикатива, а также формы 1-го и 3-го лица множественного числа презенса индикатива, 1-го лица множественного числа имперфекта кондиционала и 3-го лица множественного числа имперфекта индикатива (см. таблицу 1).

Таблица 1. Образование лично-числовых форм

Фор- ма	Показа- тель	Примеры
1SG	-нъ (36) ³	PRS.IND: <i>анна-нъ</i> ‘давать-1SG’, <i>куйдале-нъ</i> ‘слушаться-1SG’, <i>кавю-нъ</i> ‘ходить-1SG’, <i>оле-нъ</i> ‘быть-1SG’, <i>ота-нъ</i> ‘брать-1SG’, <i>пие-нъ</i> ‘держать-1SG’, <i>таго-нъ</i> ‘хотеть-1SG’, <i>тойво-нъ</i> ‘желать-1SG’ (литер. <i>anna-n</i> , <i>kuundele-n</i> , <i>kävy-n</i> , <i>ole-n</i> , <i>ota-n</i> , <i>pie-n</i> , <i>taho-n</i> , <i>toivo-n</i>); PST.COND: <i>ол-изи-н</i> ‘быть-COND-1SG’ (литер. <i>ol-izi-n</i>)
2SG	-тъ (19)	PRS.IND: <i>вайга-тъ</i> ‘менять-2SG’, <i>вой-тъ</i> ‘мочь-2SG’, <i>мюо-тъ</i> ‘продавать-2SG’, <i>ота-тъ</i> ‘брать-2SG’, <i>ошиа-тъ</i> ‘покупать-2SG’, <i>пие-тъ</i> ‘держать-2SG’, <i>таго-тъ</i> ‘хотеть-2SG’, <i>тойво-тъ</i> ‘желать-2SG’ (литер. <i>vaiha-t</i> , <i>voi-t</i> , <i>työ-t</i> , <i>ota-t</i> , <i>ošša-t</i> , <i>pie-t</i> , <i>taho-t</i> , <i>toivo-t</i>); PST.IND: <i>тул-и-тъ</i> ‘приходить-PST-2SG’, <i>ша-й-тъ</i> ‘рожать-PST-2SG’ (литер. <i>tul-i-t</i> , <i>ša-i-t</i>)
3SG	-въ (108)	PRS.IND: <i>куйло-въ</i> ‘слушать-3SG’, <i>опашта-въ</i> ‘учить-3SG’, <i>рубие-въ</i> ‘начинать-3SG’, <i>юо-въ</i> ‘пить-3SG’, <i>кашкю-въ</i> ‘просить-3SG’, <i>нагю-въ</i> ‘видеть-3SG’, <i>пидя-въ</i> ‘держать-3SG’, <i>сла-въ</i> ‘живь-3SG’ (ср. литер. <i>kuilo-u</i> , <i>opästa-u</i> , <i>rubie-u</i> , <i>juo-u</i> , <i>käskö-y</i> , <i>nägö-y</i> , <i>pidä-y</i> , <i>elä-y</i>)
3SG	0 (22)	PST.IND: <i>андо-0</i> ‘давать-PST.3SG’, <i>елладю-0</i> ‘ожить-PST.3SG’, <i>луди-0</i> ‘делать-PST.3SG’, <i>когенд-ы</i> ‘исправлять-PST.3SG’, <i>куол-и</i> ‘умирать-PST.3SG’, <i>новж-и</i> ‘подниматься-PST.3SG’, <i>ол-и</i> ‘быть-PST.3SG’, <i>отт-ы</i> ‘брать-PST.3SG’, <i>рубе-й</i> ‘начинать-PST.3SG’ (литер. <i>ando</i> , <i>elädy</i> , <i>luadi</i> , <i>kohend-i</i> , <i>kuol-i</i> , <i>nouz-i</i> , <i>ol-i</i> , <i>ott-i</i> , <i>rubie-i</i>); PST.COND: <i>макто-йсь</i> ‘хотеть-COND.3SG’ (литер. <i>tahto-is</i>)
1PL	-мма / -ммл (5)	PRS.IND: <i>ни-мма</i> ‘видеть-1PL’, <i>амтала-мма</i> ‘оставлять-1PL’ (литер. <i>niä-mmä</i> , <i>jättele-mmä</i>); PST.COND: <i>ела-зи-мма</i> ‘живь-COND-1PL’, <i>руада-зи-мма</i> ‘работать-COND-1PL’, <i>тиеда-зи-мма</i> ‘знать-COND-1PL’ (литер. <i>elä-zi-mä</i> , <i>ruada-zi-ma</i> , <i>tiedä-zi-mä</i>)
3PL	-хъ (12)	PRS.IND: одноосновные глаголы: <i>кучу-та-хъ</i> ‘звать-IMPERS-3PL’, <i>юогуттуаче-та-хъ</i> ‘вспоминаться-IMPERS-3PL’, <i>кашкii-е-та-хъ</i> ‘просить-INF-MPERS-3PL’, <i>амтиече-та-хъ</i> ‘оставляться-IMPERS-3PL’ (литер. <i>kisci-ta-h</i> , <i>juohuttuače-ta-h</i> , <i>käski-e-tä-h</i> , <i>jättiäče-tä-h</i>); двуосновные глаголы: <i>вой-я-хъ</i> ‘мочь-IMPERS-3PL’, <i>кумаррел-ла-хъ</i> ‘молиться-IMPERS-3PL’, <i>ли-та-хъ</i> ‘стать-IMPERS-3PL’, <i>ол-ла-хъ</i> ‘быть-IMPERS-3PL’ (литер. <i>voi-ja-h</i> , <i>kumarrel-la-h</i> , <i>lie-tä-h</i> , <i>ol-la-h</i>); PST.IND: <i>сле-тт-и-хъ</i> ‘живь-IMPERS-PST-3PL’, <i>шиюо-д-и-хъ</i> ‘есть-IMPERS-PST-3PL’ (литер. <i>ele-tt-i-h</i> , <i>šyö-d-i-h</i>)

Лично-числовые окончания 1-го и 2-го лица присоединяются к слабой основе одноосновных глаголов или гласной основе двуосновных, а также к словоизменительной основе имперфекта индикатива или кондиционала. Образование данных форм в тексте анализируемого источника практически не отличается от современного представительства категорий в толмачевских говорах карельского языка, а следовательно, и в его нормированном варианте. Однако для возможностного наклонения в новописьменном языке принято использование в формах 1-го лица множественного числа показателей с одиночным со-

³ В скобках указано число фиксаций показателя в соответствующей глагольной форме в тексте памятника.

гласным компонентом в составе (*ruada-zi-ma* ‘работать-COND-1PL’), а не геминированным, как это представлено в переводе (*руада-зи-мма*). Диалектные данные демонстрируют, что употребление показателя с геминированным согласным характеризует главным образом северо-восточную половину толмачевских говоров (говоры Лесного и севера Максатихинского районов), а также угасшие к настоящему моменту говоры бывшего Есиновичского района⁴. Очевидно, здесь речь идет о поздней инновации, поскольку наличие двух вариантов лично-числовых показателей характеризует основную часть собственно карельских говоров. Нельзя, однако, исключать, что сама тенденция к слиянию этих вариантов может являться результатом влияния на говор будущих карелов-переселенцев со стороны древнеливвикового наречия (см. [Новак 2025б: 327]).

Лично-числовым окончанием 3-го лица единственного числа презенса индикатива в тексте памятника выступает *-въ*, следующий за сильной гласной основой глагола и вызывающий лабиализацию ее конечного гласного *e* (*лїеню-въ* ‘стать-3SG’, ср. *лїене-ть* ‘стать-2SG’). Примеры, демонстрирующие использование окончаний *-хъ* (*тїеда-хъ* ‘знать-3SG’) и *-бъ* (*туо-бъ* ‘принести-3SG’), очевидно, следует относить к ошибкам типографского набора.

В грамматике новописьменного варианта тверского карельского языка для данной формы принято окончание *-и/-у* [Gromova 2022: 215], что характеризует большую часть толмачевских говоров карельского языка [Новак 2025б: 322—323]. Формант возводится к праязыковому **-vi*, который в процессе развития утратил гласный компонент, вокализовался и получил переднерядный алломорф (**vi > *v > w > i > u/y*) [Зайков 2000: 51—57]. Материал памятника, таким образом, может расцениваться как подтверждение первоначального облика окончания.

Самый частотный глагол *olla* ‘быть’ в форме 3-го лица единственного числа презенса индикатива в переводе представлен в традиционной стяженной форме *онъ* (40 фиксаций).

В материалах источника единожды зафиксировано явление, типичное для карельского языка (см. [там же: 55—56]): использование окончания 2-го лица единственного числа *-ть* в качестве показателя 3-го лица единственного числа презенса индикатива у односложных глаголов с нисходящими дифтонгами в основе: *Кенъ оттамизешта ногє гавкутту войть олла?* ‘Кто от причащения возвращен **может** быть?’ В нормированном варианте языка для данного глагола принято употребление формы *voiссои*, демонстрирующей широкую распространенность в толмачевских говорах, за исключением отдельных периферийных идиомов, где сохранился вариант *voit*⁵.

В 3-м лице единственного числа имперфекта индикатива и кондиционала грамматическая форма представлена нулевым окончанием.

Форма 3-го лица множественного числа образуется при помощи лично-числового окончания *-хъ*. Данный формант возводится к праязыковому **-zen* (в презенсе) / *-hen* (в имперфекте). Считается, что имперфектное окончание с компонентом *h* обобщилось во всех временных формах, а затем подверглось сокращению [Hakulinen 1979: 240—241]. В презенсе индикатива двуосновных и исторически двуосновных (с односложной лексической основой, например *вой-я-хъ* ‘мочь-IMPERS-3PL’) глаголах показатель присоединяется напрямую к форме I инфинитива, совпадающей со слабоступенной формой имперсонала. В одноосновных глаголах с многосложной основой здесь используется слабоступенный аффикс имперсонала *-та-/та-*, который присоединяется к слабой гласной лексической основе слова, а за ним уже следует лично-числовое окончание (например, *кучу-та-хъ* ‘звать-IMPERS-3PL’). В тексте зафиксированы два случая, где показатель имперсонала присоединяется не к лексической основе, а к форме I инфинитива одноосновных глаголов на *ie* (например, *каши-е-та-хъ* ‘просить-INF-IMPERS-3PL’), что выделяет тверские, валдайские и кемско-беломорские говоры на фоне всех остальных собственно карельских [Новак 2025б: 330—331]. В имперфекте индикатива используются сильноступенные аффиксы имперсонала (*-д-* и *-тт-* соответственно: *илю-д-и-хъ* ‘есть-IMPERS-PST-3PL’, *сле-тт-и-хъ* ‘жить-IMPERS-PST-3PL’). Важно также обратить внимание на то, что присоединение показателя имперсонала к лексической основе одноосновных глаголов вызывает переход ее конечных гласных [a] и [ä] в [e] (ср. *сле-тт-и-хъ* ‘живь-IMPERS-PST-3PL’ и *ела-въ* ‘живь-3SG’).

На возможность выделения при глоссировании лично-числового окончания 3-го лица множественного числа *-хъ*, а не окончаний *-тахъ/-тахъ*, *-ахъ*, *-лахъ*, *-ттихъ*, *-дихъ* (т. е. в комплексе с формантами имперсонала и имперфекта) указывают примеры использования окончания *-h*, присоединяющегося к показателю имперфекта, следующему напрямую за лексической основе глагола: *käške-i-h/käske-i-h* ‘просить-PST-3PL’, *luge-i-h* ‘читать-PST-3PL’. Подобные случаи зафиксированы в говорах собственно карельского и ливвикового наречий карельского языка⁶.

⁴ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2324/map>, <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2325/map>

⁵ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1226/map>

⁶ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1277/map>, <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1276/map>

Образование формы 3-го лица множественного числа в тексте перевода полностью соответствует диалектным нормам, зафиксированным для тверских карельских говоров.

Отрицательные формы спряжения в презенсе индикатива образуются с помощью отрицательного глагола *ен/ей* ‘нет’, имеющего те же лично-числовые окончания, что и утвердительные формы, и коннегатива, представленного гласной основой глагола, например *енъ шано* ‘не скажу’, *енъ луаи* ‘не сделаю’, *емма нїа* ‘не видим’, *ей лїене* ‘не будет’, *ей клашие* ‘не велит’ (литер. *en šano*, *en luaji*, *että niä*, *ei liene*, *ei käße*), что не обнаруживает отличий по сравнению с современным состоянием языка.

2.2. Время

Для глагольной словоизменительной системы карельского языка характерно противопоставление презенса, не имеющего собственного показателя, формам прошедшего времени — имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту. Наиболее полно категория времени раскрыта в индикативе.

В анализируемом памятнике используется показатель имперфекта, имеющий три алломорфа —*-и/-й/-ы*, а также нулевой аффикс, например *тул-и-ть* ‘приходить-PST-2SG’, *куол-и* ‘умирать-PST.3SG’, *ша-й-ть* ‘рожать-PST-2SG’, *рубе-й* ‘начинать-PST.3SG’, *когенд-ы* ‘исправлять-PST.3SG’, *отт-ы* ‘брать-PST.3SG’, *андо-0* ‘давать-PST.3SG’, *славдю-0* ‘ожить-PST.3SG’, *сле-тт-и-хъ* ‘жить-IMPERS-PST-3PL’ (литер. *tul-i-t*, *kuol-i*, *ša-i-t*, *rube-i*, *kohend-i*, *ott-i*, *ando*, *eläydy*, *ele-tt-i-h*). Формант присоединяется к гласной основе глагола (в форме 3-го лица множественного числа — к основе имперсонала), после чего следует лично-числовое окончание. Показатель имперфекта отпадает в формах 3-го лица единственного числа в положении после одиночных лабиализованных гласных *о*, *ю* и гласного и лексической основы одноосновных глаголов, что свойственно всем собственно карельским говорам.

Отдельные примеры из текста демонстрируют возможные изменения конечного гласного компонента лексической основы глагола в результате присоединения аффикса имперфекта:

- *a > o* в глаголах с двусложной гласной основой на *a*-, если первый слог содержит гласный *a* или включающие его дифтонги, например *андо-0* ‘давать-PST.3SG’ (ср. *анна-нъ* ‘давать-1SG’);
- *a > 0* в остальных глаголах с гласной основой на *a*-, например *отт-ы* ‘брать-PST.3SG’ (ср. *ота-нъ* ‘брать-1SG’);
- *e > 0*, например *ол-и* ‘быть-PST.3SG’ (ср. *оле-нъ* ‘быть-1SG’);
- *VV > V*, например *рубе-й* ‘начинать-PST.3SG’ (ср. *рубиē-нъ* ‘начинать-1SG’). Использование показателя имперфекта *-й-* в словоформах стяженных глаголов, как в последнем примере, является характерной особенностью, выделяющей диалекты Центральной России на фоне остальных собственно карельских (см. [Новак 2025б: 333—335]).

Форма 3-го лица множественного числа имперфекта образуется от особой основы, содержащей сильноступенный показатель имперсонала, присоединение форманта имперфекта к которому вызывает чередование гласных *[a]/[ä]*: *0*, например *сле-тт-и-хъ* ‘жить-IMPERS-PST-3PL’ (ср. *кашик-е-та-хъ* ‘просить-INF-IPERS-3PL’ или литер. *ele-tä-h* ‘жить-IMPERS-3PL’).

Сопоставление категории с ее представительством в нормированном варианте языка не выявило каких-либо отличий. Однако диалектные материалы в сравнении с данными памятника демонстрируют использование на месте одиночного гласного показателя имперфекта (например, *тул-и-ть* ‘приходить-PST-2SG’) сужающегося дифтонга *[ij]* в большей части толмачевских говоров (кроме отдельных периферийных и центральных), например *kiän-ii-t* ‘повернуть-PST-2SG’⁷. Отсутствие фиксаций сужающегося дифтонга в анализируемой словоформе, в показателях кондиционала (см. раздел 2.3)⁸, а также в наречиях типа *гювинъ* ‘хорошо’ (ср. диалектное *hyviiп* [СКЯ: 62]), очевидно, отражает историческое состояние говора, зафиксированное в памятнике.

Использование перфекта и плюсквамперфекта, образуемых при помощи лично-числовых форм глагола *olla* ‘быть’ и II причастия актива/пассива, в современных карельских говорах Центральной России сведено к минимуму, что объясняется сильным влиянием грамматической системы русского языка [Зайков 2000: 157, 160]. В тексте перевода сложные временные формы также редки (перфект — 6 фиксаций, плюсквамперфект — 1) и представлены главным образом пассивными конструкциями, например: *...мїе кирикюшта енъ оле ेроннутъ* (перфект, отриц.)... ‘...я от церкви не разлучен...’; *Күмбане ристинъ пїалла рипутетту оли мїанъ нейчи понтийской пилатанъ айгахъ, люіодю и каткїетю* (плюсквамперфект)... ‘Распятого же за нас при Понтийском Пилате, и страдавшего, и погребенного...’; *...а же кайки лююоолди онъ кирьютетту* (перфект) *тїедлавююшешшил вїeronъ рисситтюзїенъ...* ‘...а кратко все то заключено в Символе веры нашей православной...’.

⁷ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2306/map>

⁸ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2027/map>

2.3. Наклонение

Для карельского языка в целом характерно наличие четырех наклонений: прямого — индикатива и трех косвенных — императива, кондиционала и потенциала.

Однако в тексте перевода не зафиксировано ни одного примера употребления потенциала. Нужно отметить, что семантическая близость кондиционала и потенциала, а также влияние грамматической системы русского языка привели к тому, что в современных собственно карельских говорах Центральной России условное наклонение приняло на себя функции возможностного, и потенциал, соответственно, практически вышел из употребления (см. [Зайков 2000: 174, 247]). Сейчас обнаружить примеры использования возможностного наклонения здесь уже не удается. При этом, если информант слышит предложение с формой потенциала, определение его модальной семантики не вызывает у него затруднений. Это позволяет предположить, что категория могла быть на слуху у носителей языка в детстве, т. е. в какой-то степени еще функционировала в середине XX в. Примеры употребления потенциала в объемных памятниках тверской карельской письменности 1820 г. (переводы Евангелий от Матфея и Марка) [Тверские переводные 2020] являются свидетельством того, что возможностное наклонение было живой грамматической категорией в начале XIX в., тем не менее в анализируемом источнике оно отражения не нашло.

В памятнике представлено пять примеров форм **кондиционала**, которые демонстрируют три алломорфа показателя условного наклонения, присоединяющиеся к сильной гласной основе глагола:

- **-зи-** — используется с многосложными одноосновными глаголами на любой краткий гласный, кроме *e*: *сла-зи-мма* ‘жить-COND-1PL’, *руада-зи-мма* ‘работать-COND-1PL’, *тиеда-зи-мма* ‘знать-COND-1PL’ (литер. *elä-zi-mä*, *ruada-zi-mä*, *tiedä-zi-mä*);
- **-изи-** — употребляется с глаголами остальных словоизменительных типов; при этом происходит переход *e > 0*: *ол-изи-н* ‘быть-COND-1SG’ (литер. *ol-izi-n*);
- **-йсь** — выступает как показатель кондиционала в форме 3-го лица единственного числа: *тахто-йсь* ‘хотеть-COND.3SG’ (литер. *tahto-is*).

Императив в карельском языке обладает отличными от остальных наклонений лично-числовыми окончаниями. В тексте перевода повелительное наклонение представлено исключительно формами 2-го лица единственного числа (44 фиксации), не имеющими формального показателя (нулевой формант) и совпадающими, как и в современных говорах и нормированной грамматике, со слабой основой одноосновных и гласной основой двусловных глаголов, например:

- положительные формы: *вїл-0* ‘отнеси-IMP.2SG’, *куүнделе-0* ‘слушай-IMP.2SG’, *муйса-0/муйсса-0* ‘помни-IMP.2SG’, *муйсуга-0* ‘вспоминай-IMP.2SG’, *ома-0* ‘возьми-IMP.2SG’, *пїлашиа-0* ‘отпусти-IMP.2SG’, *руа-0* ‘работай-IMP.2SG’, *лата-0* ‘оставь-IMP.2SG’ (ср. литер. *vie*, *kuundele*, *muissa*, *muissuta*, *ota*, *piässä*, *rua*, *jätä*);
- отрицательные формы: *сла анна-0* ‘не давай-IMP.2SG’, *сла гейтла-0* ‘не оставляй-IMP.2SG’, *сла кумардуча-0* ‘не кланяйся-IMP.2SG’, *сла луаи-0* ‘не делай-IMP.2SG’, *сла майниче-0* ‘не упоминай-IMP.2SG’, *сла таго-0* ‘не желай-IMP.2SG’, *сла тана-0* ‘не убивай-IMP.2SG’, *сла вїл-0* ‘не кради-IMP.2SG’ (литер. *elä anna*, *elä heitä*, *elä kumarduače*, *elä luaji*, *elä mainiče*, *elä taho*, *elä tapa*, *elä vie*).

3. Инфинитные формы глагола

Именные формы глагола карельского языка представлены инфинитивами, совмещающими признаки глагола и существительного, и причастиями, обладающими признаками глагола и прилагательного. При словоизменении инфинитивов и причастий действует формула: лексическая основа + показатель причастия/инфinitива + показатель множественного числа (у причастий, при наличии) + падежное окончание (при наличии).

3.1. Инфинитивы

В карельском языке, как и в финском, выделяют три инфинитива: I (А-инфinitив), II (Е-инфinitив) и III (МА-инфinitив) [VISK 2008, § 120—122]. Все три формы представлены в анализируемом памятнике тверской карельской письменности. Наиболее частотными (151 фиксация) являются формы **I инфинитива** (см. таблицу 2).

Выявленные в тексте перевода показатели I инфинитива в основном соответствуют современной норме. Исключение составляют лишь две словоформы возвратных глаголов, образованные с помощью широко распространенного в говорах Центральной России словообразовательного суффикса *-че-*: *вардейлїече-та* ‘остерегаться-INF’ и *ушишалдуаче-та* ‘обещаться-INF’ (ср. литер. *vardeilieči-e*, *uššalduači-e*; *авкотталїечї-е* ‘являться-INF’, *валмистуаччї-е* ‘готовиться-INF’, *нагримталїечї-е* ‘насмехаться-INF’).

Таблица 2. Образование форм I инфинитива

Показатель	Примеры
-a (38)/ -ä (40)	анду-а ‘давать-INF’, когенду-а ‘исправлять-INF’, макшу-а ‘платить-INF’, оттү-а/оттү-а ‘брать-INF’, опашту-а ‘учить-INF’, руаду-а ‘работать-INF’, маннү-а ‘убивать-INF’, юогатту-а ‘показать-INF’ (литер. <i>andu-a, kohendu-a, makšu-a, ottu-a, opraštu-a, ruadu-a, tappu-a, juohattu-a</i>); веди-а ‘вести-INF’, віетті-ä ‘проводить время-INF’, елі-а ‘живь-INF’, пейті-а ‘прятать-INF’, пиді-а ‘держать-INF’, тіеді-а ‘знать-INF’, шюотті-а ‘кормить-INF’, атті-а ‘оставить-INF’ (литер. <i>vedi-ä, vietti-ä, eli-ä, peitti-ä, pidi-ä, tiedi-ä, šyötti-ä, jätti-ä</i>)
-o (4)	гавку-о ‘ругать-INF’, качу-о ‘смотреть-INF’, киску-о ‘вырывать-INF’, шану-о ‘сказать-INF’ (ли- тер. <i>haukku-o, kačču-o, kisku-o, šanu-o</i>)
-e (14)	валмистуачі-е ‘готовиться-INF’, ваннуочі-е ‘克莱ться-INF’, вієрі-е ‘верить-INF’, лашкі-е ‘пускать- INF’, луаді-е/луаді-е ‘делать-INF’, лугі-е ‘читать-INF’, нагрattaliečі-е ‘насмехаться-INF’, сватті-е ‘освящать-INF’ (литер. <i>valmistuači-e, vannuoči-e, vieri-e, laški-e, luadi-e, lugi-e, nagrattalieči-e, sväatti-e</i>)
-в-а (1)	кав-в-а ‘ходить-INF’ (литер. <i>käy-vä</i>)
-га (2)/-га (1)	шүа-га ‘получать-INF’ (литер. <i>šua-ha</i>); на-га ‘видеть-INF’ (литер. <i>nä-hä</i>)
-й-а (4)	вій-а ‘уносить-INF’, вардей-а ‘сторожить-INF’ (литер. <i>vii-jä, vardei-ja</i>)
-ла (22)/-ла (1)	кумаррел-ла ‘молиться-INF’, күүнел-ла ‘слушать-INF’, ол-ла/ол-ла ‘быть-INF’, тул-ла ‘приходить- INF’ (литер. <i>kumarrel-la, kuuunnel-la, ol-la, tul-la</i>); тіетел-ла ‘навещать-INF’ (литер. <i>tietel-lä</i>)
-на (3)	пан-на ‘положить-INF’ (литер. <i>pan-na</i>)
-са (2)	пайс-са ‘говорить-INF’ (литер. <i>pais-sa</i>)
-ма (19)	вара-ма ‘остерегаться-INF’, еро-ма ‘расставаться-INF’, майни-ма ‘упомянуть-INF’, пако-ма ‘просить-INF’, нүя-ма ‘уйти-INF’, шүва-ма ‘любить-INF’ (литер. <i>vara-ta, ero-ta, maini-ta, pako-ta, pua-ta, šuva-ta</i>)

II инфинитив с падежным показателем инессива (-сса/-шия) представлен редкими примерами, демонстрирующими образование словоформы двумя следующими традиционными для собственно карельского наречия способами:

- путем присоединения падежного окончания напрямую к форме I инфинитива одноосновных глаголов с конечными дифтонгами: *войдү-а-сса* ‘мазать-INF-IN’, *оттү-а-сса* ‘брать-INF-IN’, *тойву-о-сса* ‘желать-INF-IN’ (литер. *voidu-a-s's'a, toivu-o-s's'a, ottu-a-s's'a*);
- с помощью показателя *-е* от глаголов с одиночным гласным в ауслауте I инфинитива: *тієт-е-шия* ‘знать-INF2-IN’ (литер. *tiet-e-ššä*). Присоединение показателя при этом влечет выпадение этого гласного.

Показатель **III инфинитива -ма-/ма-** (14 фиксаций) следует за сильной гласной основой глагола, а к нему уже присоединяются падежные окончания. Ожидаемо наиболее частотной является продуктивная форма иллатива с окончанием *-хъ*, например: *пілшита-ма-хъ* ‘спасать-INF3-ILL’, *руада-ма-хъ* ‘работать-INF3-ILL’, *суди-ма-хъ/сүүди-ма-хъ* ‘судить-INF3-ILL’, *тирпа-ма-хъ* ‘терпеть-INF3-ILL’, *шүуренда-ма-хъ* ‘увеличивать-INF3-ILL’ (литер. *piäštä-mä-h, ruada-ma-h, suudi-ma-h, tirpa-ma-h, šiurenda-ma-h*). Также зафиксированы формы абессива на *-тта*: *віаритта-ма-тта* ‘искажать-INF3-AB’, *тіеда-ма-тта* ‘знать-INF3-AB’ (литер. *viärittä-mä-ttä, tiedä-mä-ttä*). Образование данных форм соответствует современной норме.

Особого внимания заслуживает нерегулярная лабиализация конечного гласного *е* лексической основы глагола в положении перед аффиксом III инфинитива: *кумардело-ма-хъ* ‘молиться-INF3-ILL’, *куоло-ма-хъ* ‘умирать-INF3-ILL’, *кашио-ма-хъ* ‘просить-INF3-ILL’, *туло-ма-хъ* ‘приходить-INF3-ILL’ (ср. *кумарделе-нъ* ‘молиться-1SG’, *кашие-0* ‘просить-IMP.2SG’), но не в позиции после аффикаты — *туннуштуачче-ма-хъ* ‘знакомиться-INF3-ILL’ (литер. *kumardele-ma-h, kuole-ma-h, käške-mä-h, tule-ma-h, tunnuštuače-ma-h*). Двойственное распределение лабиализации может быть связано с артикуляционными особенностями смычно-взрывных фонем, однако дефицит примеров не позволяет сделать каких-либо более определенных выводов. На соответствующей карте из диалектной базы карельского языка⁹ в большей части толмачевских говоров, за исключением западных и ряда центральных, лабиализация не представлена, в отличие от основной массы говоров собственно карельского наречия.

⁹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1404/map>

3.2. Причастия

Для причастий карельского языка характерно наличие категорий залога (пассивные и активные) и времени (настоящее (I причастие) и прошедшее (II причастие)). В анализируемом источнике зафиксированы три из четырех возможных форм (см. таблицу 3).

Таблица 3. Образование форм причастий

Форма	Показатель	Примеры
I прич. актива	-<i>а</i> (34 ¹⁰)	<i>анда-а</i> ‘давать-АСТ.РТСР.PRS’, <i>оли-а</i> ‘быть-АСТ.РТСР.PRS’, <i>паренда-а</i> ‘лечить-АСТ.РТСР.PRS’, <i>тиеда-а</i> ‘знать-АСТ.РТСР.PRS’, <i>луади-а-хъ/луади-а-хъ</i> ‘делать-АСТ.РТСР.PRS-ILL’, <i>пида-а-хъ</i> ‘держать-АСТ.РТСР.PRS-ILL’, <i>шуваччи-а-на</i> ‘любить-АСТ.РТСР.PRS-ESS’, <i>тахто-а-на</i> ‘хотеть-АСТ.РТСР.PRS-ESS’ (литер. <i>anda-ja, oli-ja, parenda-ja, tiedä-jä, luadi-ja-h, pidä-jä-h, šuvačči-ja-na, tahto-ja-na</i>)
II прич. актива	-нүтъ (1)/*-нютъ¹¹, *-ннүтъ/*-ннютъ, -нъ (1)	<i>ерон-нүтъ</i> ‘расставаться-АСТ.РТСР.ПСТ’, <i>иондю-нью-хъ</i> ‘родиться-АСТ.РТСР.ПСТ-ILL’, <i>рыккуоче-нну-зи-е</i> ‘портиться-АСТ.РТСР.ПСТ-PL-PRT’, <i>оттыиче-нъ</i> ‘приниматься-АСТ.РТСР.ПСТ’ (литер. <i>eron-nut, šyndy-nnyö-h, rikkuoče-nnu-zi-e, ottieče-n</i>)
II прич. пассива	-ттю (9¹²)/-ттю (1), -ттъ (3)/*-тю, *-дтъ/-дю (1)	<i>канне-тту</i> ‘носить-PASS.РТСР.ПСТ’, <i>каткіе-ттю</i> ‘хоронить-PASS.РТСР.ПСТ’, <i>люо-дю</i> ‘бить-PASS.РТСР.ПСТ’, <i>пайс-тту</i> ‘говорить-PASS.РТСР.ПСТ’, <i>лөвве-ттю-о</i> ‘найти-PASS.РТСР.ПСТ-ПРТ’, <i>рикю-ттюо-нъ</i> ‘портить-PASS.РТСР.ПСТ-ГЕН’, <i>рессите-тю-лла</i> ‘крестить-PASS.РТСР.ПСТ-АД’, <i>свәти-ттю-лла</i> ‘освящать-PASS.РТСР.ПСТ-АД’ (литер. <i>kanne-ttu, kätkie-tty, lyö-dy, pais-tu, löyve-ttyö-ö, rikko-ttuo-n, rissite-ttyö-llä, sväti-ttyö-llä</i>)

Формы **I причастия актива** образуются путем присоединения показателя **-а** к сильной гласной основе глагола, при этом ее конечный гласный *e* переходит в *i* (например, *оли-а* ‘быть-АСТ.РТСР.PRS’ (ср. *оле* ‘будь’)). Данная модель полностью соответствует современной норме и живым говорам.

Формант полной формы **II причастия актива** восстанавливается как **-(н)нүтъ/-нютъ**. В косвенных падежах он принимает вид **-(н)нью-/-(н)нюю-**, а во множественном числе — **-(н)нузи-/-(н)нюзи-**. Показатель присоединяется к сильной гласной основе одноосновных или согласной основе двуосновных глаголов. Использование аффикса с одиночным или геминированным *n* в формах одноосновных глаголов зависит от количества слогов в лексической основе слова: после безударного (второго) слога следует показатель **-нүтъ/-нютъ** (*иондю-нью-хъ* ‘родиться-АСТ.РТСР.ПСТ-ILL’), а после слога с второстепенным ударением (третьего) — **-ннүтъ/-ннютъ** (*рыккуоче-нну-зи-е* ‘портиться-АСТ.РТСР.ПСТ-PL-PRT’). В тверских карельских говорах середины XX в., наоборот, практически повсеместно в позиции после безударного слога зафиксировано использование показателя с геминированным согласным¹³, что было принято в качестве нормы в новописьменном варианте языка (ср. литер. *šyndy-nnyup* ‘родиться-АСТ.РТСР.ПСТ’, *anda-nnup* ‘давать-АСТ.РТСР.ПСТ’). Сохранение сильноступеной лексической основы перед показателем свидетельствует в пользу того, что аффикс с одиночным согласным в составе имеет более древнее происхождение. Соответственно, представленную в источнике систему следует относить к архаизмам. На это указывает и конечная огласовка форманта в примере *ерон-нүтъ* ‘расставаться-АСТ.РТСР.ПСТ’. В современных толмачевских говорах (за исключением говоров Лесного и северной части Максатихинского районов)¹⁴, как и в литературной норме, утвердилась форма номинатива единственного числа с конечным *-n* (*tul-lun* ‘приходить-АСТ.РТСР.ПСТ’).

Широко распространенная в тверских говорах краткая форма II причастия актива с показателем **-нъ** представлена в тексте единственным примером: *оттыиче-нъ* ‘приниматься-АСТ.РТСР.ПСТ’ (< *оттыиче* ‘приниматься’).

II причастие пассива от многосложных одноосновных глаголов образуется при помощи показателя **-ттю/-ттю**, присоединяющегося к слабой основе, при этом происходит переход гласных [a] и [ä] в [e] (например, *кирюте-ттю* ‘писать-PASS.РТСР.ПСТ’, ср. литер. *kirjuta-n* ‘писать-1SG’). В остальных глагольных типах используются показатели **-тю/-тю, -дтъ/-дю**. При словоизменении причастия гласный компо-

¹⁰ Учтены также субстантивированные причастия.

¹¹ Под * отмечены восстановленные формы номинатива единственного числа.

¹² Учтены причастия, входящие в состав сложных временных форм глагола.

¹³ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1410/map>

¹⁴ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1412/map>

нент форманта переходит в расширяющийся дифтонг (например, *рикю-ттюо-нъ* ‘портить-PASS.PTCP.PST-GEN’, но *рессите-тю-лла* ‘крестить-PASS.PTCP.PST-AD’ и *свати-тю-лла* ‘освящать-PASS.PTCP.PST-AD’). Данные формы также полностью соответствуют современным диалектным материалам.

4. Выводы

Анализ системы глагольного словоизменения памятника письменности «Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращенного катехизиса на Корельскій языкъ» 1804 г. в сравнении с карельскими диалектными материалами Центральной России середины XX в. подтвердил вывод о диалектной локализации языка перевода. Сопоставление результатов исследования фонологической, морфонологической и словоизменительных систем источника позволяет уверенно относить его язык к толмачевской группе говоров южного диалекта собственно карельского наречия карельского языка двухсотлетней давности. Этот язык еще сохранял отдельные древнекарельские архаичные черты, одновременно развивая собственные диалектные особенности.

Привлечение к работе данных по исторической морфологии карельского языка, основанных в том числе на материалах более ранних памятников карельской письменности, позволяет выделить следующие очевидные архаизмы в глагольной словоизменительной системе языка анализируемого перевода:

- образование полной формы II причастия актива с использованием форманта *-(н)нуть/-(н)нютъ*. На архаичный характер показателя указывает как его конечный согласный *тъ*, так и начальный одиночный *н* в формах одноосновных глаголов с двусложной лексической основой;
- употребление аффикса имперфекта с кратким *-и/-ы*;
- использование лично-числового окончания 3-го лица единственного числа презенса индикатива *-въ*;
- выражение значения 3-го лица единственного числа презенса индикатива односложных глаголов с нисходящими дифтонгами в основе формой 2-го лица единственного числа.

К инновационным чертам относятся:

- отсутствие фиксаций в соответствующих формах показателей 1-го лица множественного числа с одиночным согласным в составе, что указывает на северо-восточный толмачевский ареал;
- лабиализация конечного гласного *е* основы глагола перед показателем III инфинитива *-ма-/ -мъ-*. По данному явлению, имеющему фонологический характер, говор-источник, напротив, тяготеет к юго-западным толмачевским говорам.

Совпадение языка перевода по выявленным редким инновациям то с современными юго-западными, то с северо-восточными группами толмачевских говоров может указывать на изменения, произошедшие в диалектной системе региона за прошедший период времени. Нельзя исключать также, что источником для перевода мог послужить некий переходный между двумя группами центральный говор, обнаруживающий диалектно-дифференцирующие черты обеих групп, что объясняло бы наблюданную вариативность.

Кроме проанализированного источника, по тверским говорам сохранилось несколько более поздних крупных памятников XIX в. Их диалектная локализация не вызывает сомнений благодаря наличию точных сведений об авторах. Восстановление детальной истории развития диалектной системы тверских карельских говоров за последние два столетия и, вероятно, уточнение сделанных в настоящей работе выводов станут возможными при привлечении этих тестов.

Сокращения

1 — 1-е лицо	IN — инессив
2 — 2-е лицо	INF — I инфинитив
3 — 3-е лицо	INF2 — II инфинитив
AB — абессив	INF3 — III инфинитив
ACT — актив	ILL — иллатив
AD — адессив	PASS — пассив
COND — кондиционал	PL — множественное число
ESS — эссив	PRS — презенс
GEN — генитив	PRT — партитив
IMP — императив	PST — имперфект
IMPERS — имперсонал	PTCP — причастие
	SG — единственное число

Л и т е р а т у р а

- Адель 1995 — *E. L. Адель*. Система глагольного словоизменения паданского говора карельского языка. Автoref. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Зайков 2000 — *П. М. Зайков*. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.
- Новак 2025a — *И. П. Новак*. Именная морфология первого печатного памятника тверской карельской письменности // Труды Института системного программирования РАН. 2025, 4. С. 199—214.
- Новак 2025b — *И. П. Новак*. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме. Петрозаводск, 2025.
- Новак 2025v — *И. П. Новак*. Фонологическая система памятника тверской карельской письменности 1804 г. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025, 4. С. 537—552.
- Перевод некоторых молитв 1804 — Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на Карельский язык. СПб., 1804.
- Программы 1957—1959 — Программы по собиранию материала дляialectологического атласа карельского языка // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. №№ 79—94, 105—141, 160—166. Петрозаводск, 1957—1959.
- СКЯ 1994 — Словарь карельского языка: тверские говоры. Петрозаводск, 1994.
- Тверские переводные 2020 — Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX века. Петрозаводск, 2020.
- Gromova 2022 — *L. Gromova*. *Terveh! Terveh!*: tverinkarielan paginakursa. Петрозаводск, 2022.
- Hakulinen 1979 — *L. Hakulinen*. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979.
- Lingvodoc 2012—2025 — Lingvodoc: лингвистическая платформа. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/>, 2012—2025.
- Murreh 2022 — Murreh: диалектная база карельского языка. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/>, 2022.
- VISK 2008 — Ison suomen kielioin verkkoversio. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>, 2008.

R e f e r e n c e s

- Adel' 1995 — E. L. Adel'. Sistema glagol'nogo slovoizmenenija padanskogo govora karel'skogo jazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1995. {E. L. Adel. The system of verbal inflection in the Padany dialect of the Karelian language. Abstract of Cand. Sci. (Philology). Moscow, 1995.}
- Gromova 2022 — L. Gromova. *Terveh! Terveh!*: tverinkarielan paginakursa. Petrozavodsk, 2022.
- Hakulinen 1979 — L. Hakulinen. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979.
- Lingvodoc 2012—2025 — Lingvodoc: lingvisticheskaya platforma. {Lingvodoc: linguistic platform.} <https://lingvodoc.ispras.ru/>, 2012—2025.
- Murreh 2022 — Murreh: dialektnaja baza karel'skogo jazyka. {Murreh: dialect database of the Karelian language.} <http://murreh.krc.karelia.ru/>, 2022.
- Novak 2025a — I. P. Novak. Imennaja morfologija pervogo pechatnogo pamjatnika tverskoj karel'skoj pis'mennosti. In: Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN. 2025, 4. S. 199—214. {I. P. Novak. Nominal morphology of the earliest printed piece of Tver Karelian written language heritage. In: Proceedings of the Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences. 2025, 4. P. 199—214.}
- Novak 2025b — I. P. Novak. Karel'skij jazykovoj landshaft v dialectometricheskoy paradigme. Petrozavodsk, 2025. {I. P. Novak. Karelian linguistic landscape in the dialectometric paradigm. Petrozavodsk, 2025.}
- Novak 2025v — I. P. Novak. Fonologicheskaja sistema pamjatnika tverskoj karel'skoj pis'mennosti 1804 g. In: Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij. 2025, 4. S. 537—552. {I. P. Novak. Phonological system of a Tver Karelian written language heritage piece dated 1804. In: Yearbook of Finno-Ugric studies. 2025, 4. P. 537—552.}
- Perevod nekotoryh molitv 1804 — Perevod nekotoryh molitv i sokrashhennogo katehizisa na Karel'skij jazyk. Sankt-Peterburg, 1804. {Translation of some prayers and an abbreviated catechism into the Karelian language. St. Petersburg, 1804.}
- Programmy 1957—1959 — Programmy po sobiraniju materiala dlja dialectologicheskogo atlasa karel'skogo jazyka. In: NA KarNC RAN. F. 1. Op. 5. №№ 79—94, 105—141, 160—166. Petrozavodsk, 1957—1959. {Programs for collecting material for a dialectological atlas of the Karelian language. In: SA KRC RAS. F. 1. I. 5. Nos. 79—94, 105—141, 160—166. Petrozavodsk, 1957—1959.}
- SKJa 1994 — Slovar' karel'skogo jazyka: tverskie govory. Petrozavodsk, 1994. {Dictionary of the Karelian language: Tver dialects. Petrozavodsk, 1994.}
- Tverskie perevodnye 2020 — Tverskie perevodnye pamjatniki karel'skoj pis'mennosti nachala XIX veka. Petrozavodsk, 2020. {Translated written language heritage of Tver Karelian of the early 19th century. Petrozavodsk, 2020.}
- VISK 2008 — Ison suomen kielioin verkkoversio. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>, 2008.
- Zajkov 2000 — P. M. Zajkov. Glagol v karel'skom jazyke. Petrozavodsk, 2000. {P. M. Zaikov. Verb in Karelian language. Petrozavodsk, 2000.}

Коми-пермяцкий перевод Евангелия от Матфея 1823 г.: особенности графики и орфографии

Öньё Лав (Степанов Вячеслав Андроникович), Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
Центр инновационных языковых технологий ГАУ РК «ДДН РК», Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения РАН (Сыктывкар); enyelav@gmail.com

Статья посвящена графическим и орфографическим особенностям рукописного перевода Евангелия от Матфея на коми-пермяцкий язык по списку из фонда Российского библейского общества 1823 г. Этот памятник письменности является первым из известных на сегодняшний день крупных текстов, отражающих особенности речи пермских коми, и ранее он не подвергался специальному изучению. Рассмотрена специфика употребления в различных позициях ряда гласных и согласных графем, употребление которых весьма нестабильно. В частности, замечено, что графемы (<э>, <е>, <ѣ>, <ѣ>) могут обозначать один и тот же гласный звук [e] с разными тенденциями их позиционного употребления. Эти же буквы могут быть использованы и для передачи специфического коми гласного [ə], где тенденции позиционного употребления будут иными. Фонема [i] также представлена тремя графическими реализациями — <и>, <ї> и <ы>, из которых <и> — позиционный вариант в духе старой русской орфографии, а <ы> может обозначать твердость предшествующего согласного. Однако буквы <и> и <ы> (наряду с <ы>) могут использоваться и для обозначения фонемы [i], в том числе при её йотации. Единственная «нерусская» графема в рукописи — уникальная лигатура <чж>, обозначающая звонкие аффрикаты, как твёрдую, так и мягкую. Обе глухие аффрикаты, в свою очередь, аналогично передаются одной буквой <ч>, в чём можно опять же усмотреть непоследовательность. Высокая степень вариативности и нестабильность в передаче одних и тех же фонем, представленные в исследуемой рукописи, вполне естественны для начального этапа становления национальной письменности. Своими решениями сложных случаев графической презентации коми произношения данный манускрипт занимает свое уникальное место в письменной традиции пермских языков.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, история литературного языка, памятники письменности, рукописи, Евангелие от Матфея, графико-орфографические особенности

KOMI-PERMYAK TRANSLATION OF THE GOSPEL OF MATTHEW 1823: FEATURES OF GRAPHICS AND SPELLING

Enye Lav (Vyacheslav A. Stepanov), Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg),
FU-Lab (Syktyvkar), Institute of Language, Literature and History at the FRC “Komi Scientific Center”
of the Ural Branch of the RAS (Syktyvkar); enyelav@gmail.com

The article is devoted to the graphic and orthographic features of the handwritten Gospel of Matthew in the Komi-Permyak language, according to the copy from the fund of the Russian Bible Society. This manuscript, dated 1823, is the first of the currently known large Komi-Permyak texts, while its linguistic aspect has not been studied before. The specifics of the use of some vowels and consonants in different positions are considered, while its inconsistency is noted. Four different letters <о>, <е>, <ѣ>, <ѣ> are used to denote one vowel [e], while some tendencies of the predominant use of these letters in the positional plan are noted. But the same letters can also be used to denote a specific Komi vowel [ə], where the tendencies of the predominant use of a particular letter will be different. In turn, the sound [i] is represented by three graphic realizations <и>, <ї> and <ы>, of which <и> is a purely positional variant in the spirit of the old Russian tradition, and <ы> can indicate a preceding hard paired consonant. At the same time, the letters <и> and <ы> can also denote the vowel [i] (along with <ы>), including cases of its iotated use. The only “non-Russian” grapheme in this manuscript is the unique ligature <чж>, which denotes both the hard and soft voiced affricate, respectively, the letter <ч> denotes both the hard and soft voiceless affricate, which can be seen as inconsistent too. The instability in the writing of identical cases and the large variability revealed in the studied monument are characteristic of the initial stage of the development of national writing. With its solutions to various problems of graphic representation of Komi pronunciation, this text occupies its own unique place in the history of the written tradition of the Permic languages.

Keywords: Komi-Permyak language, written monuments, manuscripts, the Gospel of Matthew, graphic and spelling features

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01842 «Рукописное Евангелие от Матфея на коми-пермяцком языке начала XIX века: создание текстового корпуса, лингвистический и текстологический анализ» (<https://rscf.ru/project/24-28-01842/>).

1. Введение

В 1813—1826 гг. по инициативе Российского библейского общества (РБО) были организованы перевод и публикация текстов Священного Писания на различных языках народов России. Анализу истории и текстов этих переводов на финно-угорские языки посвящены разные монографии, части книг и статьи (см., например, [Кельмаков 2007; Терюков 2008; Феоктистов 2008; Ившин 2015; Тверские переводные памятники 2020; Džunková 2024 и др.]).

Среди изданий РБО есть и текст Евангелия от Матфея на коми (зырянском) языке в переводе А. Шергина [Мілань Господълёнъ 1823], тогда как коми (пермяцкую) версию Ф. Любимова, предоставленную на публикацию в 1823 г., выпустить в свет не успели. В 1826 г. деятельность общества была приостановлена, что невозможно не увязать с политическими изменениями, имевшими место в Российской империи (подробно см. [Тихомиров 2007: 127ff.]).

Как бы то ни было, рукопись пермяцкого текста Евангелия сохранилась, причём в двух списках. Один из них (параллельно с русским текстом), так называемый «подносный» экземпляр, хранится в фонде РБО в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА, ф. 808, оп. 1, д. 196), а другой (включающий только коми текст с правкой) — в фонде А. И. Шёгрена в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН, ф. 94, оп. 1, д. 218).

Текст коми перевода ранее не становился объектом специального исследования. Он лишь упоминался в контексте истории библейских переводов на языки России в целом [Чистович 1899: 48] и на коми-пермяцкий язык в частности [Грейдан, Пономарева 2010: 206], а также в работе, посвящённой лингвистическому анализу первых печатных изданий Евангелия на коми-пермяцком языке 1866 и 1882 гг. [ÖНЬЁ Лав 2010: 212]. В рамках специального проекта по изучению этого текста на сегодняшний день представлены только археографическое описание обоих рукописных списков [Гайдамашко 2024] и очень краткая история создания перевода [Гайдамашко 2025].

Целью настоящей статьи является анализ графических и орфографических особенностей коми-пермяцкого перевода Евангелия от Матфея в списке РГИА 1823 г.

Текст в рукописи оформлен как параллельный: русский вариант расположен слева, коми-пермяцкий — справа, что даёт возможность уточнить значение коми текста в спорных случаях. Впрочем, судя по некоторым особенностям, перевод был выполнен не с того русского текста, который представлен в рукописи, а в значительной степени — и не без влияния церковнославянского «оригинала». Однако выяснение этого вопроса должно стать предметом специального исследования и в данной статье мы его не рассматриваем.

2. Материалы и методы

Обработка материала для исследования происходила в следующем порядке.

1. Прежде всего был осуществлён набор текста в текстовом редакторе LibreOffice Writer, максимально передающий особенности оригинала, при этом сохранялись нумерация страниц, деление на строки, обозначались явные ошибки переписчика и бросающиеся в глаза особенности текста.
2. Затем выполнен набор текста современной графикой с приближением к современной коми-пермяцкой орфографии в программе LibreOffice Writer. Осуществлена проверка набранного текста с помощью коми-пермяцкого спелл-чекера, выявлены формы, не соответствующие современным нормам, и ошибки набора текста.
3. Сформированы пословная разбивка набранных текстов парсером и попарное выравнивание в программе WinMerge формы в современной орфографии и оригинальной форме для каждого словоупотребления. Полученные списки перенесены в виде параллельных колонок в программу LibreOffice Calc. К каждой паре добавлена третья колонка с указанием номера листа рукописи и номера файла электронной копии изображения страницы. Результат сохранён в формате .txt.
4. С помощью Сервиса онлайн сортировки¹ произведена сортировка по алфавиту с начала строки, т. е. фактически с начала слова в форме на современной графике. Это позволило сгруппировать одинаковые и однокоренные словоформы, что облегчило обзор возможных вариантов написания основ в оригинале.
5. В LibreOffice Calc колонка с оригинальной графикой была перемещена в правую позицию. Результат снова сохранён в .txt и повторно отсортирован с помощью того же сервиса, но на этот раз —

¹ <https://sort.fu-lab.ru/>

с конца слова, что обеспечило группировку словоформ с одинаковыми суффиксами, упростив анализ вариантов написания суффиксов в оригинале.

6. Текст на современной графике в WinMerge выровнен с русскими версиями (издание 1821 г. и синодальный перевод) и церковнославянским текстом, что позволило прояснить спорные места и проанализировать характер решений, принятых при переводе в сложных случаях. Для сопоставления в таблицу также включён изданный в 1823 г. коми-зырянский перевод того же Евангелия [Міань Господълёнъ 1823]. Итоговые данные сохранены в виде wiki-таблицы на сайте «Коми лингвистика»².

При цитировании материала в статье сохранены графика и орфография рукописи (за исключением особой лигатуры, представляющей собой слитное написание «чж», которая передана обычными графическими средствами). В словах сохранены переносы «-» и «=». Новые строки обозначены символом «», новые страницы — «||». После большинства примеров в скобках приводится вариант на современной графике (при наличии расхождений) и перевод на русский (если слово не является легко опознаваемым заимствованием из русского языка). В силу ограниченного объёма статьи для каждого случая приведены не все выявленные примеры; при их многочисленности даётся отсылка «и др.».

3. Особенности графики и орфографии

Как и при рассмотрении любой рукописи раннего этапа развития языка, относительно графики и «орфографии» пермяцкого Евангелия от Матфея 1823 г. можно говорить лишь о тенденциях и вариантах, отмечая по возможности преимущественное использование того или иного способа написания.

Кроме того, следует учитывать, что реальное коми произношение начала XIX в. и его диалектное варьирование практически неизвестны. Анализ немногочисленных рукописей позволяет лишь выдвигать предположения, проверить которые явно из-за недостатка источников крайне сложно. Поэтому в данной работе мы будем рассматривать звуковое содержание, стоящее за рукописным текстом, с точки зрения современного литературного произношения пермских коми, отмечая при этом очевидные отклонения, в том числе отражающие особенности произношения в современных диалектах, которые явно прослеживаются в тексте Евангелия.

Текст написан кириллицей, характерной для русского языка того периода, с добавлением одного специального символа — лигатуры чж (о ней см. ниже).

Значение и употребление большинства букв в исследуемой рукописи соответствуют современным нормам коми письма. Это касается как согласных (<p>, <l>, <h>, <m>, <n>, <б>, <к>, <г>, <т>, <д>, <с>, <з>, <ш>, <ж>), так и гласных (<a>, <я>, <у>, <ю>, <о>).

Особого внимания требуют гласные буквы <э>, <е>, <и>, <ы>, поскольку их фонетическая составляющая часто не совпадает с современной. Это же относится к согласной букве <ч>.

Ориентация коми орфографии на русскую слоговую систему всегда требовала решения таких проблем, как написание специфического коми гласного [э], обозначение [е] в начальной позиции, передача мягкости согласного и йотации перед [i] и [э], указание на твёрдость согласного перед [i] и [е].

В тексте Евангелия 1823 г. буквы <э> и <е> (а также <ֆ> и <ε>, см. далее 3.1, 3.2, 3.5, 3.6), используются в двух значениях: как репрезентанты коми гласного среднего ряда среднего подъёма ([э], в современном письме — <ö>), так и для обозначения гласного переднего ряда среднего подъёма ([е], в современном письме в начальной позиции — <э>).

3.1. <э>

3.1.1. Буква <э> в значении среднерядной гласной [э]³ весьма регулярно употребляется в начальной позиции, например: эбъдъ (öбед ‘жертва’), эльсины (öвсыны ‘утешиться’), эчжчжись (öддзис ‘устремился’), эдденъ ~ едденъ ~ едденъ (öддьён ‘очень’), эстэмъ (öзтём ‘зажёгший’), экмысъ (öкмыс ‘девять’), эксемъезынъ ~ ексэмъ=эзинъ (öксыёммезын ‘в синагогах’), эктыны (öктыны ‘собирать’), элатэ (öлатё ‘унимаете, смущаете’), элысэ (öлісö ‘унимали’), эмъ (öм ‘рот, уста’), эны ~ ены (öнi ‘теперь’), эт (öт ‘один’), этыкъ (öткiк ‘один’), этлаэ (öтлаö ‘вместе’), этнас (öтнас ‘один, в одиночестве’), этэрэ

² https://wiki.komikyv.com/index.php/Матвей_1823_koi_kom_chu_rus

³ Здесь и далее интерпретация звукового содержания основывается на стабильном произношении соответствующих слов в современном литературном коми-пермяцком языке и коми диалектах Коми-Пермяцкого округа Пермского края (включаемых в так называемые северное и южное наречия коми-пермяцкого языка). Если в референтных диалектах зафиксирована вариативность, это будет особо отмечено.

(*öötöörö* ‘вон’), *эшис* (*ööhis* ‘заблудился, пропал’), *эшэтны* (*ööhetny* ‘повесить’), *эштыны* (*ööhtny* ‘утратить, преступить’). Однако в других словах в этой же позиции она может обозначать переднерядный гласный [e] (см. 3.1.2).

В корнях слов после твёрдых согласных употребление графемы <э> как репрезентанта среднерядной [э] также реализовано вполне последовательно: *бэбасяс* (*böbasyc* ‘снабжаться’), *бэрь* (*böör* ‘обратно, назад’), *бэрдыс* (*böördic* ‘заплакал’), *бэрии* (*böörii* ‘избрал’), *вэйны* (*vööny* ‘утопить’), *вэйпасис* (*vööppasyc* ‘совещались’), *вэлы* (*vööli* ‘был’), *вэрь* (*vöör* ‘лес, лесной’), *вэрзис* (*vöörzis* ‘пришёл в движение’), *вэтис* (*vöötis* ‘закинули, погрузили’), *вэтынъ* (*vöötyñ* ‘во сне’), *гэгэрь* (*göögör* ‘вокруг, около; окрестности’), *гэстезъ* (*gösses* ‘гости’), *гэтрасыны* (*göträssy* ‘жениться’), *дэваезлись* (*dövæzlis* ‘вдовы’), *дэмас* (*dömas* ‘заплата’), *кэдылэ* (*köödalö* ‘которому’), *кэдынъ* (*köödyn* ‘в котором’), *кэджис* (*köödzis* ‘семя’), *кэдзис* (*posseyl*), *кэчжны* (*köödzny* ‘селять’), *кэчжиль* (*köödzv* ‘звезда’), *кэчжитъ* (*köödzym* ‘холодный’), *кэдыя* (*köödya* ‘который’), *кэзаезэс* (*köözaezöc* ‘козлов’), *кэзянъ* (*köözjan* ‘хозяин’), *кэинъ* (*kööin* ‘волк’), *кэрь* (*köör* ‘когда’), *кэрталэ* (*köörtalö* ‘свяжите’), *кэсъ* (*köös* ‘сухой’), *кэсъис* (*köösis* ‘обещал’), *кэтя* (*kööt* ‘хотя’), *лэгъ* (*lög* ‘злой’), *лэзъ* (*löz* ‘синий’), *лэнъ* (*lööny* ‘тишина’), *лэсътыс* (*löössytöc* ‘приготовила’), *лэсялынъ* (*löössylin* ‘договорился’), *мэдъ* (*mööd* ‘другой’), *мэдыкъ* (*möödik* ‘второй’), *нэбал-ны* (*nööbabny* ‘носить’), *нэбэтны* (*nööbötny* ‘нести’), *пэ* (*pöö* ‘мол’), *пэль* (*pööv* ‘раз’), *пэдналь* (*pöödnav* ‘затвори’), *пэдтэ* (*pöödtö* ‘заглушает’), *пэ-жалэмъ* (*pööjaläm* ‘испечённый’), *пэимынъ* (*pöömyñ* ‘в пепле’), *пэлясемъезъс* (*pöölyssöömmes* ‘свирельщиков’), *пэнсемъезъ* (*pöönsöömmes* ‘любодяния’), *пэра* (*pööra* ‘время’), *пэрисьезъ* (*pöörisses* ‘старейшины’), *пэрэтис* (*pöörotöc* ‘привалил’), *пэртчалэ* (*pöörtchalö* ‘отвяжите’), *пэрьялны* (*pööryavny* ‘прельстить’), *пэтыс* (*pöötis* ‘насытились’), *сэпъ кэть* (*sööpööt* ‘с желчью’), *тэль* (*tööv* ‘ветер’), *тэдны* (*töödny* ‘знать’), *тэдче* (*töödchö* ‘означает; познаётся; знается’), *тэждыны* (*tööjedynny* ‘скорбеть’). Отклонений всего два: *сэстэмъ ~ сестэмъ* (*sööstöm* ‘чистый’) и *кэдъ ~ кедъ* (*kööd* ‘который’). Очевидно, это случайные написания.

Букву <э> в значении среднерядной [э] после твёрдой согласной мы регулярно видим также в непервом слоге основ, в составе суффиксов и суффиксальных комплексов.

В основах: *юэрь* (*juöör* ‘слух, весть’), *ыбэсъ* (*yböös* ‘двери, врата’), *селэмъ* (*söölöm* ‘сердце’), *паскэмъ* (*pasxööm* ‘одежда’), *дукэсъ* (*duköös* ‘кафтан’), *казмэтэсъ* (*kaazmötöc* ‘знамение’).

В суффиксах:

-лэнъ (-löö, род. пад.): *айлэнъ* (*ailöön* ‘отца’), *виръ лэнъ* (*virlöön* ‘крови’), *гортъ лэнъ* (*gortlöön* ‘дома’), *грэбълэнъ* (*gröblöön* ‘гроба’), *Енълэнъ* (*Ennöön* ‘Бога’), *Зонълэнъ* (*zonlöön* ‘сына’), *кал лэнъ* (*kallöön* ‘времени’), *келэпъ лэнъ* (*keljööplöön* ‘стада’), *кинълэнъ* (*kiinlöön* ‘чай’), *Лоль лэнъ* (*löövöön* ‘духа’), *мортълэнъ* (*möröötlöön* ‘человека’), *мулэнъ* (*muulöön* ‘земли’), *отирълэнъ* (*otiröötlöön* ‘народа’) и др.;

-лэ (-löö, дат. пад.): *верблюдлэ* (*verblöödlö* ‘верблюду’), *вичкулэ* (*vichküöö* ‘церкви’), *вълэтчисълэ* (*velötchisöö* ‘ученику’), *вонълэ* (*vonlöö* ‘брату’), *къркулэ* (*kerküöö* ‘дому’), *кърэслэ* (*kerööslö* ‘горе’), *кокътэмлэ* (*kokötöömlö* ‘хромому’), *лунлэ* (*lunlöö* ‘дню’), *матъл лэ* (*maiöövöö* ‘закваске’), *му вичжисълэ* (*muviidzisöö* ‘царю’), *мулэ* (*muulöö* ‘земле’), *нылълэ* (*nyvöövöö* ‘девице’), *отирълэ* (*otiröötlöön* ‘народу’), *туйлэ* (*tuülöö* ‘пути’), *челядълэ* (*cheljööplöön* ‘детям’) и др.;

-кэть (-kööt, соед. пад. ‘с’): *Авраамъкэть* (*Avraamkööt* ‘с Авраамом’), *миянкэт* (*miankööt* ‘с нами’), *анъкэтъ* (*anñkööt* ‘со свекровью’), *вонысъкэтъ* (*vonysskööt* ‘с братом своим’), *сэпъ кэть* (*sööpööt* ‘с желчью’), *соттэмъ кэть* (*sööttömkööt* ‘с прибылью’); *еъзъ кэть* (*jeöözkööt* ‘с людьми’), *зонъзъ кэть* (*zonñzööt* ‘с сыновьями’), *инъзъ кэть* (*inñzööt* ‘с женами’) и др.;

-тэгъ (-töög, лиш. пад.; каритив ‘без’): *айтэгъ* (*aitöög* ‘без отца’), *вужътэгъ* (*vujstöög* ‘без корня’), *прит=чатэгъ* (*prit=chatöög* ‘без притчи’), *честъ=тэгъ* (*chestöög* ‘без чести’); *узъ тэгъ* (*uzvöög* ‘бодрствуя’), *букв. ‘не спя’*, *ортэгъ* (*ortöög* ‘беспрерывно’);

-сэ (-söö, вин. пад. 3 л.): *бэдъсэ* (*bedööc* ‘посох’), *вэлдэръсэ* (*vewdöörc* ‘внешность’), *ернэсэ* (*ÿörnöössöö* ‘кафтан’), *кисэ* (*kiisöö* ‘руку’), *кульсэ* (*kuljööc* ‘дьявола’), *кыльсэ* (*kyvööc* ‘слово’), *кэсъемсэ* (*köösöömcs* ‘дар, обещанное’), *кэчжисъсэ* (*köödzissöö* ‘семя’), *ладэръсэ* (*ladöörc* ‘сторону’), *ожжестъ сэ* (*odzöössöö* ‘долг’), *чектэмъсэ* (*tiishötöömsöö* ‘заповедь’), *юръсэ* (*jurööc* ‘голову’) и др.;

-тэ (-töö, вин. пад. 2 л.): *астэ* (*asstöö* ‘себя’), *къртэ* (*kerötöö* ‘бревно’), *рожатэ* (*rojstöö* ‘лицо’), *сускэмтэ* (*susxöömmöö* ‘тайное’), *улторътэ* (*ulvöörtöö* ‘сучок, спицу’), *юръ=тэ* (*juröö=öötöö* ‘голову’);

-амэ (-amöö, гл. наст.-буд. вр. 1 л. мн. ч.): *вермамэ* (*vermamöö* ‘можем’), *вичжаламэ* (*vidzalööm* ‘постимся’), *въруйтамэ* (*verüütamöö* ‘уверуем’), *вэямэ* (*vööymöö* ‘тонем’), *имъитамэ* (*imjööttamöö* ‘имеем’), *настасямэ* (*pasxtasjamöö* ‘оденемся’), *поламэ* (*polamöö* ‘боимся’), *пырамэ* (*pyramöö* ‘входим’);

-атэ (-atöö, гл. наст.-буд. вр. 2 л. мн. ч.): *ачжилатэ* (*adzzyilatöö* ‘видите’), *бергэтатэ* (*bergötatöö* ‘обратите’), *бостататэ* (*bosstöötatöö* ‘возьмете’), *вистататэ* (*visstöötatöö* ‘скажете’), *виятэ* (*vijatöö* ‘убьете’), *върматэ* (*vermatöö* ‘можете’), *вочетатэ* (*vochtöötatöö* ‘украшаете’), *гажалатэ* (*gazhalatöö* ‘хотите’), *узятэ* (*uzyatöö* ‘спите’), *шоччисята* (*shochisjatöö* ‘почиваете’) и др.;

-асэ (-асö, гл. буд. вр. 3 л. мн. ч.): *видасэ* (*видасö* ‘будут поносить’), *пондасэ* (*пондасö* ‘станут’), *водасэ* (*водасö* ‘возлягут’), *ачжасэ* (*адззасö* ‘увидят’), *чапкасэ* (*чапкасö* ‘бросят’), *ошкасэ* (*ошкасö* ‘будут прославлять’), *висталасэ* (*висталасö* ‘скажут’), *мытчаласэ* (*мытчаласö* ‘явят’), *пырасэ* (*пырасö* ‘войдут’), *петасэ* (*петасö* ‘выйдут’), *сътасэ* (*сетасö* ‘дадут’), *эшасэ* (*ёшасö* ‘пропадут’) и др.;

-имэ (-имö, гл. прош. вр. 1 л. мн. ч.): *ачжильмэ* (*адззильмö* ‘видели’), *вашетымэ* (*вашётимö* ‘изгоняли’), *върдымэ* (*вердимö* ‘накормили’), *воимэ* (*воимö* ‘пришли’), *гажалымэ* (*гажалимö* ‘хотели’), *мунимэ* (*мунимö* ‘пошли’), *орсымэ* (*орсимö* ‘играли’), *пастэтымэ* (*пасьтётимö* ‘одели’), *сильмэ* (*сылимö* ‘пели’), *узимэ* (*узимö* ‘спали’), *учжалымэ* (*уджалимö* ‘трудились’) и др.;

-итэ (-итö, гл. прош. вр. 2 л. мн. ч.): *бостытэ* (*босьтитö* ‘взяли’), *віитэ* (*вийитö* ‘убили’), *вътлытэ* (*вятлитö* ‘ходили’), *воллытэ* (*вовлитö* ‘посещали’), *кѣримтэ* (*керитö* ‘делали’), *колитэ* (*колитö* ‘оставили’), *кылзытэ* (*кывзитö* ‘слушали’), *кылытэ* (*кыллитö* ‘слушали’), *пыртлытэ* (*пыртлитö* ‘вводили’), *сътытэ* (*сититö* ‘дали’), *тэдымтэ* (*тöдитö* ‘знали’), *чапкитэ* (*чапкитö* ‘отвергли’), *эктытэ* (*ёкитö* ‘набрали’), *юкталымтэ* (*юкталитö* ‘напоили’) и др.;

-исэ (-исö, гл. прош. вр. 3 л. мн. ч.): *арталысэ* (*арталисö* ‘почитали’), *бъртысэ* (*бертисö* ‘вернулись’), *ваетысэ* (*ваййтисö* ‘привели’), *вашетысэ* (*вашётисö* ‘гнали’), *вэисэ* (*вёйисö* ‘утонули’), *вэйпасисэ* (*вёйтасисö* ‘советовались’), *кыисэ* (*кыйисö* ‘сплели’), *мычжисэ* (*мыдзисö* ‘изнурились’), *пышшисэ* (*пышшисö* ‘разбежались’), *юрбытысэ* (*юрбитисö* ‘поклонились’) и др.;

-икэ (-икö, деепр.): *ачжикэ* ~ *ачжичжикэ* (*адззикö* ‘видя’), *гажалыкэ* (*гажаликö* ‘желая’), *кутыкэ* (*кутикö* ‘схватив’), *кэлмикэ* (*кевмикö* ‘молясь’), *петыкэ* (*петикö* ‘выходя’), *пэрьялыкэ* (*пёрьялакö* ‘искусшая’), *силькэ* (*сылакö* ‘воспев’), *съталаыкэ* (*сеталакö* ‘раздавая’), *тэдымкэ* (*тöдикö* ‘зная’), *чукляликэ* (*чуклялакö* ‘кивая’), *эксикэ* (*ёксикö* ‘собираясь’) и др.;

-эй, -скэй (соотв. рус. прил. -ий, -ый, -ский): *громкэй* (*громкой*), *щастливэй* (*счастливой*), *лукавэй* (*лукавой*), *первэй* (*первый*); *адскэй* (*адской*), *Ангельскэй* (*ангельской*), *бъсовскэй* (*бесовской*), *пророческэй* (*пророческой*), *Іудейскэй* (*иудейской*), *Галилейскэй* (*галилейской*), *Фарисейскэй* (*фарисейской*), *Понтийскэй* (*понтийской*) и др.;

-тэмъ (-тöм, отриц. прил. и прич.): *ватэмъ* (*ватом* ‘безводный’), *кылтэмъ* (*кывтом* ‘немой’), *пастыртэмъ* (*тöм* ‘не имеющий пастыря’), *пастэмъ* (*пасьтём* ‘нагой’), *сингтэмъ* (*сингтём* ‘слепой’), *сэстэмъ* (*сёстём* ‘чистый’), *челядьтэмъ* (*челядьтöм* ‘бездетный’), *шемтэмъ* (*шёмтöм* ‘опресочный’); *кусёттэмъ* (*кусёттöм* ‘неугасимый’), *туйтэмъ* (*туйтöм* ‘негодный’) и др.

Если в перечисленных выше суффиксах употребление <э> стабильно, то в суффиксах, начинающихся с [э], написание зависит от финального звука основы. Буква <э> пишется, как правило, после твёрдых согласных и гласных:

-эчжь (-ёдз, дост. пад. ‘до’): *аддэчжь* (*адёдз* ‘до ада’), *вирэчжь* (*вирёдз* ‘до крови’), *Давидэчжь* (*Давидёдз* ‘до Давида’), *Кристосэчжь* (*Христосёдз* ‘до Христа’), *кулэмэчжь* (*кулёмёдз* ‘до смерти’), *лунэчжь* (*лунёдз* ‘до дня’), *энэчжь* (*ёнёдз* ‘поныне’), *понэчжь* (*помёдз* ‘до конца’), *рыты-лэчжь* (*рытылёдз* ‘до запада’), *талунэчж* (*талунёдз* ‘до сего дня’), *улэчжь* (*улёдз* ‘донизу’) и др.;

-энъ (-ён, твор. пад.): *родегэнъ* (*родёгён* ‘беззаконием’), *подэнъ* (*подён* ‘пешком’), *тэлэнъ* (*тёлён* ‘ветром’), *лолэнъ* (*лолён* ‘духом’), *нимэнъ* (*нимён* ‘именем’), *селэмэнъ* (*сёлёмён* ‘сердцем’), *бекэрэнъ* (*бекёрон* ‘чашею’), *юрэнъ* (*юрён* ‘головой’); *ваэнъ* (*ваён* ‘водой’), *вичкуэнъ* (*вичкуён* ‘церковью’), *муэнъ* (*муён* ‘землей’), *пуэнъ* (*пуён* ‘деревом’), *шіэнъ* (*шиён* ‘копьем’) и др.;

-эсь (-ös, вин. пад.): *бъкэрэсъ* (*бекёрös* ‘чашу’), *вонэсъ* (*вонös* ‘брата’), *вотэсъ* (*вотёс* ‘подать’), *емъ* (*бурэсъ* (*эмбурёс* ‘имущество’), *есканэсъ* (*эсканös* ‘веру’), *зонэсъ* (*зонös* ‘сына’), *Бнэсъ* (*Енös* ‘Бога’), *кинэсъ* (*кинös* ‘кого’), *кэнакэсъ* (*кенакös* ‘невестку’), *айкаэсъ* (*айкаös* ‘мужа’); *балиэзэсъ* (*балиэзös* ‘овец’), *кульезэсъ* (*куллезös* ‘бесов’) и др.;

-эсь (-ös, мн. ч. предик.): *бэбэсъ* (*бёбёсъ* ‘свиrepые’), *абу лэгэсъ* (*абу лёгёсъ* ‘незлобивы’), *бычем-чжикэсъ* (*бытишёмжыкös* ‘лучшие’), *Менамэсъ* (*менамёсъ* ‘мои’), *рамэсъ* (*рамёсъ* ‘кrotкие’), *мылкыдтэмэсъ* (*мылкыдтёмёсъ* ‘глупые’), *сингтэмэсъ* (*сингтёмёсъ* ‘слепые’), *сэстэмэсъ* (*сёстёмёсъ* ‘чистые’);

-э (-ё, вступ. пад.): *Египетэ* (*Египетö* ‘в Египет’), *ваэ* (*ваё* ‘в воду’), *вичкуэ* (*вичкуён* ‘в церковь’), *бэбэтчемэ* (*бёбётчёмö* ‘в соблазн’), *гортэ* (*гортö* ‘домой’), *карэ* (*карё* ‘в город’), *кълепэ* (*кельёпö* ‘в стадо’), *пэмымтэ* (*пемытö* ‘во тьму’), *улэ* (*улё* ‘вниз’); *дозъезэ* (*доззэзö* ‘в сосуды’), *кърэсъ* (*керёссэзö* ‘в горы’), *лунъезэ* (*луннэзö* ‘во дни’), *муэзэ* (*муэзö* ‘в страны’) и др.; также в послелогах: *вылэ* (*вылё* ‘на’), *дынэ* (*дынё* ‘к’), *пычкэ* (*пытишкö* ‘внутрь’), *бердэ* (*бердё* ‘вплотную к’), *ордё* ‘в дом к’), *очже* (*одзё* ‘перед’), *коласэ* (*коласö* ‘между’);

-э (-ё, 3 л. ед. ч. наст. вр. = повел. накл. 2 л. ед. ч. = мн. ч. основы при отрицателе): *лоэ* (*лоё* ‘будет, будьте’), *шуэ* (*шиёу* ‘говорит’), *юэ* (*юё* ‘пёт, пейте’); *бергалэ* (*бергалё* ‘вращается’), *ваётэ* (*вайётö* ‘приведите’), *вермэ* (*вермö* ‘может’), *одъ* (*вермё* ‘[вы] не можете’), *колэ* (*колё* ‘надо’), *лолзэтэ* (*ловзьётö* ‘воскрешайте’), *небэ* (*небё* ‘покупает, купите’), *эдё* (*полё* ‘не бойтесь’), *рытмэ* (*рытмё* ‘вечереет’), *чужстэ* (*чужстö* ‘порождает’) и др.;

-э (-о, зват. форма сущ. из 1 л. ед. ч.): *Бнэ* (енö ‘боже’), *господинэ* (господинö ‘господи’), *Зонэ* (зонö ‘сыне’), *Иисусэ* (*Иисусö* ‘Иисусе’), *мортэ* (*мортö* ‘человече’), *Ычжитэ* (ыджытö ‘господи’), *Іосифэ* (*Іосифö* ‘Іосифе’), *Велэтысэ* (велётись ‘учителю’);

-эны (-оны, наст. вр. 3 л. мн. ч.): *арталэны* (*арталёны* ‘чтут’), *быдмэны* (*быдмёны* ‘растут’), *вочлэны* (*вочлёны* ‘чинят’), *кистэны* (*кистёны* ‘вливают’), *кусэны* (*кусёны* ‘гаснут’), *Кэрталэны* (*кёрталёны* ‘связывают’), *лэбалэны* (*лэбалёны* ‘прилетают’), *паскэтэны* (*паськётыны* ‘расширяют’), *ыждээтэны* (*ыждётёны* ‘увеличивают’), *ыстэны* (*ыстёны* ‘посылают’); *шуэны* (*шуёны* ‘говорят’) и др.;

-эма (-ома, перфект 3 л. ед. ч.): *върдэма* (*вердёма* ‘откормлено’), *висталэма* (*висталёма* ‘сказано’), *заптэма* (*заптёма* ‘уготовано’), *кърэма* (*керёма* ‘сделано’), *начылы-ма* (*начылыма* ‘заколото’), *шуэма* (*шуёма* ‘сказано’);

-эм (-ём, прич., имя действия): *шуэмь* (*шуём* ‘реченное; прозванный’), *юэмь* (*юём* ‘пир’); *бэрдэмь* (*бёрдём* ‘плач’), *вълэтэмь* (*велётём* ‘учение’), *гудыртэмь* (*гудыртём* ‘возмущение’), *домалэмь* (*домалём* ‘привязанная’), *кулэмь* (*кулём* ‘смерть; мертвый’), *мытчалэмь* (*мытчалём* ‘явленный’), *оишэмь* (*оишём* ‘хвала’), *полэмь* (*полём* ‘страх’), *силэмь* (*сывлём* ‘пение’) и др.;

-эт (-ёт, перех. пад.): *мъстаэзэть* (*местаэзёт* ‘по местам’), *муэть* (*муёт* ‘по земле’), *мупастаэттись* (*му пасьтаеттис* ‘по всей земле’), *ныдынэть* (*ны дынёт* ‘мимо них’), *емь пысэть* (*ем пысёт* ‘сквозь игольное ушко’), *сы сертэть* (*сы съёртёт* ‘итак, таким образом’), *си-танэттись* (*сітанёт* ‘через зад’);

-эт (-ёт, порядк. числ.): *витэть* (*витёт* ‘пятый’), *дасэть* (*дасёт* ‘десятый’), *куимэть* (*куимёт* ‘третий’), *кы=кэть* (*кыкёт* ‘второй’), *кэкъямысэть* (*кыкъямысёт* ‘восьмой’), *мэдыкэть* (*мёдікёт* ‘второй’), *сизимэть* (*сизимёт* ‘седьмой’), *экмысэть* (*ёкмысёт* ‘девятый’), *этыкэть* (*ётікёт* ‘первый’);

-эт (-ёт, каузат.): *бергэтны* (*бергётны* ‘обратить’), *эз бэбэть* (*эз бёбёт* ‘не прельстил’), *въскэтны* (*весъкётны* ‘исцелить’), *въсэть* (*весёт* ‘очисти’), *вътлэтны* (*ветлётны* ‘ходить’), *оз кусэть* (*оз кусёт* ‘не погасит’), *нэбэтны* (*нёбётны* ‘нести’), *пондэть* (*пондёт* ‘начни’), *оз чегэть* (*оз чегёт* ‘не преломит’), *эшэть* (*ёшёт* ‘распни’), *янсэтны* (*янсётны* ‘разделить’), *янэтъ* (*янёт* ‘обличи’) и др.

Лишь в нескольких случаях после гласных мы видим здесь <е> вместо ожидаемого <э:> *нимаэсь* ~ *нимаэсь* (*нимаёс* ‘именем’), *Варавваэсь* (*Варавваёс* ‘Варавву’), *тыраэсь* (*тыраёс* ‘полны’).

Наконец, буква <э> в значении [э] может чередоваться с графемой <е> в позиции после <ш>, <ж> и <ч> (см. 3.2).

3.1.2. Буква <э> в значении переднерядной гласной [е].

Как уже отмечалось (см. 3.1.1), в начальной позиции буква <э> может обозначать не только [э], но и [е]. Причём здесь ей конкуренцию составляют графемы <е> и <э> (ср. 3.2.1 и 12.2).

Приведём случаи с начальной <э>: *эдъ ~ Едъ* (*эд* ‘ведь’), *эдъ/эдэ ~ едъ/едэ* (*эд*, *эдё* ‘не’, в повел. накл.: *эдэ судитэ*, *эдъ пондэ*, *эдъ чапкэ*), *эзъ ~ езъ* (*эз* ‘он не’, ‘они не’: *эзъ вэлэ*, *эзъ кайтче*, *эзъ ло*), *энъ ~ енъ* (*эн* ‘ты не’: *энъ вій*), *эмъ ~ емъ* (*эм* ‘есть’), *еные ~ еные* (*энйёй* ‘этих, эти’), *есые ~ есье* (*эсийёй* ‘сие, то’), *эсканэсь ~ есканэсь* (*эсканёс* ‘веру’), *этая ~ етая* (*этая* ‘сей, этот’).

Использование буквы <э> как показателя переднерядной [е] в корне наиболее последовательно представлено после парной твёрдой согласной (что совпадает с современной практикой): *зэгэттись* (*зэгёттис* ‘потряслась’), *зэръ* (*зэр* ‘дождь’), *зэрэ* (*зэрё* ‘дождит’); *сэкъ, сэки* (*сэк*, *сэки* ‘тогда’), *сэты* (*сэти* ‘там, потому месту’), *сэтысь* (*сэтись* ‘оттуда’), *сэтэнъ* (*сэтён* ‘там’), *сэтчань* (*сэтчань* ‘там, туда’), *сэтчэ* (*сэтчё* ‘туда’), *сэтчемъ* (*сэтиём* ‘такой’); *тэ* ‘ты’ и его производные: *тэкэть*, *тэнатъ*, *тэ-ять*, *тэныть*, *тэить*, *тэнэ*, *тэнчить*, *тэсянь*; *лэбисэ* (*лэбисё* ‘полетели, подули’), *лэптысэ* (*лэптис* ‘возвели’), *лэтчи* (*лэдчы* ‘сойди’), *лэчжны* (*лэдзны* ‘отпустить, прощать’). Вариативных примеров только три: *лэбаланъ ~ лебаланъ*⁴ (*лэбалан* ‘летающий’), *сэртъ* (*сэрт* ‘мерзость’) ~ *серпалэ* (*серпалё* ‘оскверняет’), *сэсся ~ сесся* (*сэсся* ‘потом, больше’).

Количество же употреблений графемы <э> для обозначения [е] после непарной твёрдой согласной в корне относительно невелико, и такие корни, как правило, имеют вариативные написания: *кэлмикэ ~ Кълмикэ* (*кевмикё* ‘молясь’), *кэлмисись ~ кълмисись* (*кевмисис* ‘молился’), *кэлмисе* (*кевмисёй* ‘молились’) ~ *кълмися* (*кевмися* ‘помолюсь’), *кэралны* (*керавны* ‘отсечь’) ~ *къралэны* (*кералёны* ‘срубают’), *кэритъ ~ къритэ* (*керит*, *керитё* ‘сделали’), *кэрэсъезъ* (*керёссэз* ‘горы’) ~ *кърэсъэлэ* (*керёслё* ‘горе’), *пэлесъ* (*пельёс* ‘ухо (вин. пад.)’) ~ *пеле* (*пельё* ‘на ухо’), *пэмытэ* ~ *пемытэ* (*пемытёй* ‘во тьму’), *пэмытэнъ ~ пемытынъ* (*пемытын* ‘во тьме’), *скопэцъезъ ~ скопецъезъ* (*скопеццёз* ‘скопцы’). Без вариантов зафиксировано лишь три случая: *кэнакэсь* (*кенакёс* ‘невестку’), *цэнаэ* (*ценаё* ‘за цену’), *бэрсяэнъ* (*бэрсяён* ‘чем бы то ни было’).

⁴ Здесь, возможно, находит отражение «полумягкое» произношение л, зафиксированное [Кривошкова-Гантман, Ратегова 1980: 14] в нердинском диалекте, ареал которого примыкает к ныне обруссевшей территории по нижнему течению р. Нерда, откуда был родом (см. [Гайдамашко 2025: 77]) переводчик нашего Евангелия.

Как исключение мы рассматриваем употребление буквы <э> со значением [e] в суффиксе множественного числа вместо графемы <е> (см. примеры в 3.2.1), поскольку в пермяцких диалектах коми языка вариант данного суффикса с [э] не обнаружен.

3.2. <е>

Что касается буквы <е>, то, помимо факультативного употребления в начальной позиции и в отмеченных выше отклонениях (см. 3.1.2), она используется для обозначения [e] в корне после непарных твёрдых согласных, в суффиксе множественного числа, а также для репрезентации как [э], так и [e] после <ш>, <ж>, <ч> и <чж>, после мягких согласных и при йотации.

3.2.1. Использование буквы <е> в значении переднерядного гласного [e].

Употребление буквы <е> для обозначения [e] после твёрдых непарных согласных в корнях слов совпадает с современной нормой: *бекэръ* (*бекёр* ‘чаша’), *бергалэ* (*бергалёт* ‘вращается’), *вель* ‘весьма’, *вермэ* (*вермёт* ‘может’), *геенаэ* (*гееннаёт* ‘в геенну’), *гезъясъны* (*гезъясъны* ‘совокупляться’), *келэпъ* (*кельён* ‘стадо’), *ме* ‘я’, *медалны* (*медавны* ‘нанять’), *медь* (*мед* ‘плата, награда; пусть’), *пельонасъ* (*пельонас* ‘на плечи’), *перна* ‘крест’, *петны* ‘выйти’, *пешлысь* (*пешліс* ‘отведал’). В этой позиции конкурентом буквы <е> является <ъ> (см. 3.5).

При обозначении переднерядной [e] в позиции после <ш>, <ж>, <ч> и <чж> буква <е> не имеет конкурентов: *шедась* (*шедас* ‘попадётся’), *шедтыны* ‘вынутъ’, *шепъезъ* (*шептепез* ‘колосья’), *шептасъны* (*шептасъны* ‘колоситься’); *жертвеникъ* (*жертвенник*), *прока=женнэй* (*прокаженнёй*); *праведничес=кэй* (*праведнической*), *пророческэй* (*пророческой*); *чегисъ* (*чегис* ‘преломил’), *озъ чегэтъ* (*оз чегёт* ‘не переломит’), *челядъ* ‘дети’, *черь* (*чер* ‘топор, секира’), *чери* ‘рыба’, *чеччисъ* (*чечис* ‘встал’), *ковчегэ* (*ковчег* ‘в ковчег’); *чжескъезъ* (*джеккез* ‘скамьи’); *чжебны* (*дзебны* ‘хоронить, погребать’), *чжепчисъны* (*дзебисъны* ‘укрыться’), *чжескъитъ* (*дзескъит* ‘тесный’).

Принцип написания графемы <е> в значении гласной переднего ряда [e] после палатальных полностью совпадает с современной практикой: *селитчисъ* (*селитчис* ‘поселился’), *сералысэ* (*сералісօ* ‘смеялись’), *сеты* (*сети* ‘[я] дал’), *Зеведей*, *деньга*, *тернь* (*терн*), *терпитасъ* (*терпитас* ‘вытерпит’), *лекарь*, *лесть*, *легіоняезэсъ* (*легіоннэёс* ‘легионы’), *небисэ* (*небисօ* ‘[они] купили’), *не*, *небеснэй* (*небеснёй*), *небытэсъ* (*небытёс* ‘мягкие’), *нем* ‘ничего’, *нечкыны* (*нетшкыны* ‘вырвать’), *Неф-Фалимскэй* (*Неффалимской* ‘Неффалимова’).

Случай использования буквы <е> для обозначения сочетания йоты с переднерядной [e] в начальной позиции: *echa* ~ *еча* (*етша* ‘мало’), *емъ* (*ем* ‘игла, игольное’), *Ень* ~ *Ёнь* (*Ен* ‘Бог’); *ехиднаисъ* ~ *ехидна=лэнъ* (*ехиднаисъ* ~ *ехидналён* ‘ехидны (род. пад.)’), *Египетэ* (*Египетօ* ‘в Египет’), *Елеонскэынъ* (*Елеонскойын* ‘на [горе] Елеонской’), *Евангелие*, *Езекіа*, *Елазаръ*, *Елакимъ*, *Елудаэсъ* (*Елиудаօс* ‘Елиуд’), *Еммануиль*, *Еремъ*, *Еремія*, *Еромъ*.

Как указывалось в разделе 3.1.2, в этой же позиции графема <е> наряду с <э> может обозначать и гласную [e] без йотации: *егэ вѣрмэ* (*эгёт вермёт* ‘[мы] не смогли’), *едъ вѣримтэ* (*эд веритօ* ‘не верьте’), *еъзъ тэдъ* (*эз тօд* ‘[он] не знал’), *емъ* (*эм* ‘есть, имеется’), *есыя* (*эсія* ‘этот’).

Буква <е> со значением переднерядной [e] стабильно используется также в суффиксе множественного числа -*еъзъ* (-эз, единственном суффиксе коми языка, имеющем в норме такую огласовку): *кыльез*⁵ (*кыввез* ‘слова’), *челядъезъ* (*челяддез* ‘дети’), *учжъезъ* (*уджжез* ‘дела’), *кайезъ* (*кайез* ‘птицы’), *чжекъезъ* (*джеккез* ‘скамьи’), *пельезъ* (*пеллез* ‘уши’), *нимъезъ* (*ниммез* ‘имена’), *инъезъ* (*иннез* ‘жёны’), *шепъезъ* (*шептепез* ‘колосья’), *торъезъ* (*торрэз* ‘куски’), *лыдъисъезъ* (*лыддиссез* ‘книжники’), *кучъезъ* (*кутишез* ‘орлы’), *кушъезъ* (*кушишез* ‘нищие’), *эбэдъезъ* (*ёбеддэз* ‘жертвы’), *изъезэсъ* (*иззэёс* ‘камни’), *кэинъезъ* (*кёиннэз* ‘волки’), *балиезъ* (*балиэз* ‘овцы’) и многие другие. В качестве исключения в данном суффиксе может употребляться и буква <э>, но обычно как более редкий вариант: *важъэзлэ* ~ *важъезлэ* (*важжезлօ* ‘древним’), *вонъэзэсъ* ~ *вонъ=эзэсъ* (*воннэёз* ‘братьев’), *Ёнъ=вълтьэзъ* ~ *Ёнъ=вълть=еъзъ* (*енвеветтэз* ‘небеса’), *кокъэзъ=нась* (*коккезнас* ‘ногами’) ~ *кокъезъ* (*коккез* ‘ноги’), *кудокъэзъ* ~ *кудокъ-еъзъ* (*кудоккез* ‘короба’), *кулэмъэзъ* ~ *кулэмъезъ* (*кулёммез* ‘мёртвые; мерёжи’), *чужсэмъэзъ* ~ *чужсемъ=еъзъ* (*чужсоммез* ‘порождения’), *айэзълэ* (*айезлօ* ‘[пра]отцам’) ~ *айезлэнъ* (*айезлօн* ‘отцов’), *Іор-Данскэйэзъ* (*иорданскэйез* ‘иорданские’), *лок-тэмъэзъсэ* (*локтёмесօ* ‘приходящих’), *козинъэзэсъ* (*козиннэёс* ‘дары’);

⁵ Интересно, что в Евангелии 1823 г. не зафиксировано случаев, отражающих уподобление начальной йоты суффикса множественного числа последнему согласному основы, что характерно для современных диалектов Коми округа и является стандартным произношением у коми-пермяков. Употребление первичной [j] в данной позиции присутствует (как вариант) лишь в отдельных говорах северного наречия [Баталова 1975: 54—55].

ваэзъ⁶ ~ ваезъ (ваэз ‘воды; реки’), муэзэ (муэзö ‘в края, в пределы’), норазэсö (норазэсö ‘норы’), Унаэсъ (унаэс ‘многие’), Iеруса=|лимаэзъ (иерусалимаэз ‘иерусалимцы’).

3.2.2. Использование буквы <е> в значении гласной среднего ряда [э].

В позиции после палатальных:

в корнях: сектэтэмъ (съёктötöм ‘иго, бремя’) ~ съкытъ (съёкыт ‘тяжёлый’), селалысэ (съёлалисö ‘плевали’), селэмъ (съёлём ‘сердце’), серамъ (съёрам ‘за мною’), серасъ (съёрас ‘с собою’), серын (съёрын ‘за, после’), сертэтъ (съёртöt ‘по’), серты (съёртi ‘по’); кълепъ (кельötп ‘стадо’) ~ келэпъ лэн (кельötпён ‘стада’, род. пад.);

в суффиксах⁷:

-ем (-ём, прич., имя действия): колемъ (кольём ‘оставшийся’), висемъ (висьём ‘больной; болезнь’), гарысемэнъ (гарысъёмён ‘подкопом’), гэтрасемъ (гётрасъём ‘брак, брачный’), гу-|сясемэнъ (гусясъёмён ‘хищением’), киссемъ (киссъём ‘изливаема’), китцасемъ (кытсасъём ‘клик’), эксемъ (ёксъём ‘синедрион, собрание’), пэнсемъезъ (пöнсъёммез ‘любодеяния’), шотчисемъ (шоччисъём ‘покой’) и др.;

-ен (-ён, твор. пад.): куленъ (кульён ‘бесом’), иненъ (иньён ‘женою’), няненъ (няньён ‘хлебом’), чуненъ (чуньён ‘пальцем’), вътлысенъ (ветлисъён ‘страником’), вичжасисенъ (видзасисъён ‘постящимся’), гусенъ (гусянъ ‘тайно’), кърисенъ (керисъён ‘исполняющим’), олысенъ (олисъён ‘живущим’), чигъялысенъ (тишыгъялсъён ‘алчующим’), учжалысенъ (уджалисъён ‘работником’) и др.;

-е (-ё, вступ. пад.): пеле (пельё ‘в ухо’);

-е (-ё, глаг. наст. вр. 1 л. ед. ч. = повел. накл. 2 л. ед. ч. = мн. ч. основы при отрицателе): позе (позьё ‘можно’), узе (узьё ‘спить’), едэ узе (эдё узьё ‘бдите, не спите’), кэлмисе (кевмисъё ‘молитесь’), кърасе (керасъё ‘срубается’), озъ элсе (оз ёвсъё ‘не уймутся’), Ошиасе (ошиасъё ‘радуйтесь, хвалитесь’), тэждысе (тёждисъё ‘заботится’), усе (усьё ‘подлежит, выпадет’), чапкисе (чапкисъё ‘кидается’), шусе (шусъё ‘называется’);

-ены (-ёны, глаг. наст. вр. 1 л. мн. ч.): вистасены (вистасъёны ‘сказываются’), чжепчисены (дзебисъёны ‘укрываются’), кър-|сены (керсъёны ‘делаются’), лэчжасены (лэдзасъёны ‘прощаются’), мытчасены (мытчасъёны ‘кажутся’), вузасены (вузасъёны ‘продаются’), эктысены (ёктысъёны ‘собираются’), сотчисены (сотчисъёны ‘сжигаются’), лоль-|зены (ловзъёны ‘воскресают’);

-ес (-ёс, вин. пад.): пэлесь (пельёс ‘ухо’), умэлесь (умёльёс⁸ ‘худые’), инесь ~ инесъ (иньёс ‘жену’), пукалысесъ (пукалисъёс ‘сидящего’), пастыресь (пастырьёс ‘пастыря’);

-ет (-ёт, глаг. каузат.): вэрзетчасэ (вэрзьётчасö ‘поколеблются’), лолзэт (ловзьётö ‘воскрешайте’), чорзетчисъ (чорзьётчис ‘огрубело’), лэсетчи=|сэ (лёсъётчис ‘согласились’) ~ лэсъттысъ (лёсъёттис ‘приготовила’), пукстетисъ ~ пукстътисъ (пуксъёттис ‘посадил’);

-ет (-ёт, порядк. числ.): нёлеть ~ нё=|лэть (нёльёт ‘четвёртый’), кватетъ (кватьёт ‘шестой’);

-ев (-ёв, длит. вид): витчисель къръ (видзисъёв кер ‘потерпи’);

-иней (-иньёй, деминутив): аенией (айиньёй либо айбиньёй ‘батюшка’), Зониней (зониньёй ‘сыночек’);

-ей (-ёй = рус. ий): послёнднейсянъ (последнёйсян ‘с последнего’).

Примеры на йотацию со среднерядной [э]: езъ (йёз ‘люди’), маъль лэ (майёвлö ‘закваске’), маегъезъ=|кэть (майёггезкöt ‘с кольями’); Ае (айё ‘отец мой’); ое (ойё ‘в ночь’), сае (сайё ‘за’), Гергесинскэ (Гергесинскойö ‘в Гергесинскую’), кромъшное (кромешинойö ‘в кромешную’), дозъе (дозойö ‘в со- суд’); вае (вайё ‘приносит’), озъ гарье (оз гарийö ‘не подкапывают’), ваетэ (вайдётö ‘приводит’), виетны (вийётны ‘цедить’), кыет-|ны (кыйётны ‘уловить’), нольетны (новийётны ‘носить’), віемъ (вийём ‘уби- тый’), кэсъемъ (кёсийём ‘обещанное, дар’), бэрьемъезъисъ (бёрийёммезыс ‘избранные’), лыдъема (лыддёма ‘сочтены’); чигъенъ (тишыгайён ‘голодными’), Фадеенъ (Фадейён ‘Фадеем’), ассаріенъ (ассарийён ‘асса- рием’), динаріенъ (динарийён ‘динарием’); жеребейезъ (жребийёс ‘жребий’), Матфеесъ (Матфейёс

⁶ В случаях типа ваэзъ, муэзэ и т. п., возможно, отражается нейотированное произношение суффикса мн. ч. после гласных, что является нормой современного литературного языка пермских коми и имеет параллели в удмуртском языке.

⁷ В публикациях по коми-пермяцкой диалектологии встречаются только отдельные замечания о вариативности [э] ~ [е] (например, [Баталова 1975: 79—80]), причём приводятся лишь единичные примеры, что, по всей вероятности, отражает спорадичность данного явления в коми диалектах Коми-Пермского округа (за исключением периферийного мысовско-лупьинского, где варианты с [е] в непервом слоге легко объясняются непосредственным контактированием с верхневычегодским диалектом коми-зырян).

⁸ Возможно и прочтение умёльёсъ, тогда это суффикс мн. ч. прилагательных -ёсь в весьма нетипичной для него позиции определения: Озъ върмы буръ пу умэлесь плодъезъ чужстыны ‘Не может дерево доброе приносить плоды худые’.

‘Матвея’), змъесь (змейös ‘змею’), аесь (айös ‘отца’); mie (мийö ‘мы’), тые (тийö ‘вы’), етае (этайö ‘этого’); невиннæесь (невиннойöсь ‘невинные’), свободноесь (свободнöйöсь ‘свободные’).

В ряде случаев можно предположить йотацию после <и>, которая не отражается в современном написании: бie (биö ‘в огнь’), биенъ (биён ‘огнём’), виенъ (виён ‘маслом’), дориенъ (дариён ‘причастием’), зорниесь (зарниös ‘золото’), кie (киö ‘в руку’), киенъ (киён ‘рукой’).

В некоторых и-овых местоимениях представлено чередование букв <э> и <е>: кэдыэ ~ кэдые (кёдийö ‘которого (вин. пад.)’), кэдыэнъ ~ кэдыенъ (кёдийöн ‘которым (твор. пад.)’), сыэ ~ сые (сийö ‘его (вин. пад.)’), сыенъ ~ сыэнъ (сийöн, сыён ‘им (твор. пад.)’), есыэ ~ есые (эсийö ‘это (вин. пад.)’), ныэ ~ ные (нийö ‘их (вин. пад.)’), ныенъ (нийöн ‘ими’), еныэ ~ еные (энийö ‘этих (вин. пад.)’).

Как исключения можно рассматривать такие курьёзные формы, как: Ан=дреэсь (Андрейös ‘Андрея (вин. пад.)’), Иессеэсь (Ессея (вин. пад.)’), а также вариативность в мыэнъ ~ мыенъ (мыйöн ‘чём’), туэ ~ тье (туйö ‘можно’), туен (туйöн ‘путём’), сиöэ ~cioe (сёйö ‘ест’), сиоемъ (сёйöм ‘пища’), сиоены (сёйöны ‘едят’).

В значении среднерядной употребление буквы <е> в положении после <ш>, <ж>, <ч> и <чж> охватывает подавляющее большинство случаев: шемись (шёмись ‘закваски (исх. пад.)’), шеммась (шёммас ‘вскинет’), шемтэм (шёмтём ‘опресночный’), шери (шёри ‘надвое’), ой шернас (ой шёрнас ‘в полночь’), шейнанъезъсянь (шойнаннэзъсянь ‘из гробов’), ешие (эшиö ‘ещё’); вищетны (вишётыны ‘гнать, изгнать’), пышше (пышшиö ‘бегите’); даже (дажё), неже (нежё ‘нежели’), уже (ужё); вищёра (вижёра ‘мудрый, благородный, праведный’), вищертэ (вижёртё ‘разумейте’), гажетчи (гажётычи ‘радуйся’), гижемь (гижём ‘написано’), кажетэмь (кажётём ‘поругание’), чуже (чужё ‘рождается’); челтысэ (чёйтисё ‘снять, раздеть’), чельсь (чёлис ‘молчал’), учетикъ (учётик ‘маленький’); одъ бер-гэтче (од бергётчё ‘не обратитесь’), Бережитче (бережитчё ‘Берегитесь’), бэбэтче (бёбётчё ‘созлазняется’), бэбэтчемэ (бёбётчёмё ‘в соблазн’), вищетче (вишётыё ‘изгоняется’), вищэтче (вишётыё ‘научитесь’), вочетатэ (вочётатё ‘украшаете’), вэрстчемъ [sic!] (вёрётчём ‘движимый’), горэтче (горётчё ‘говорит; проповедуйте’), дивучемэнъ (дивуйтчёмён ‘дивуясь’), ідртчемэнъ (ёрдчёмён ‘клянясь’), му зэгэтчемъ (музэгётчём ‘землетрясение’), исповъдывайтчемыс (исповедывайтчомыс ‘покаяние’), казмэтчче (казьмётчё ‘кажется’), кайтче (кайтчё ‘покайтесь’), кольчче (кольччё ‘оставайтесь’), кытче (кытчё ‘куда’), кытчечжъ (кытчёдз ‘доколе’), лэтче (лэдзчё ‘пойдите [вниз]’), мичетэмъ (мичётём ‘окрашенный’), множитче (множитчё ‘увеличивается’), надъйтче (надейтчё ‘уповаёт’), Едъ подобитче (эд подобитчё ‘не уподобляйтесь’), пыртчемъ (пыртчём ‘крещение’), Сибэтчены (сибётчёны ‘приближаются’), судиччемъ (судитчём ‘суд’), умэльчемэнъ (умёльчёмён ‘исхудавшими’), ускэтичемэнъ (ускётичёмён ‘павши’), хулить=чемъ (кулитчём ‘хуление’), шотчета (шотчёта ‘успокою’).

Отметим, что после <чж> со значением [dʒ] среднерядная [э] всегда передается буквой <е>: ачжчже (адззё ‘видит, находит’), вичже (видзё ‘соблюдайте’), вичжетны (видзётны ‘смотреть’), кэдземъ (кёдзём ‘засеянный, посеянный’), лэчже (лэдзё ‘допускает’), оджестъ (одзёс ‘долг’), очжесны (одзёстыны ‘занять’), пичжесесь (пидзёс ‘колени’), очже (одзё ‘перед’).

После <ш>, <ж> и <ч> возможно чередование буквы <е> со значением среднерядной с буквой <э>: кошие ~ кошиэ (кошиö ‘ищет, ищите’), эшемъ ~ эшэмъ (шиём ‘пропавшие’), эши-|тны ~ эшэтны (шиётны ‘повесить’); же ~ жэ (жё ‘же’), гажетче (гажётчё ‘веселитесь’ ~ гажетчэм=|сянь (гажётчомсянь ‘от радости’), чужемъ (чужём ‘лицо; рождение’) ~ чужэмъезъ (чужёммез ‘порождения’), гижетъ ~ гижэтъ (гижёт ‘написание, надпись, письмо’), нюжетысь ~ нючжэтысь (нюжётис ‘протянул, простер’); сэтче ~ Сэтчэ (сэтчё ‘туда’), татче ~ татчэ (татчё ‘сюда’), тэдче ~ тэд-|чэ (тёдчё ‘значит; знается’), янсэтчемись (янсётчомись ‘разделившись’) ~ янсэтчэмъ (янсётчём ‘разводное’). Причём после [tʃ] случаев без чередования букв <е> и <э> не наблюдается: чектысь ~ чэктысь (тишёктис ‘велел, приказал, понудил, заповедал, позволил’), чечь ~ чэчъ (тишёти ‘вместе’), бычемъ (бытиём ‘хороший’) ~ бычэмика (бытиёмика ‘тщательно’), кучемъ ~ кучэмъ (кытиём, диал. кутшиём ‘какой’), сэтчемъ ~ сэтчэмъ (сэтшём ‘такой’).

Случаев же, где в рассматриваемой позиции употребляется исключительно <э>, зафиксировано лишь два: одэ сумнъвайтчэ (одё сомневайтчё ‘не усомнитесь’), важэ (важё ‘старое (в значении сущ. вин. пад.)’).

3.3. <ы>, <и>

Несколько наблюдений об употреблении букв <ы> и <и>. Каждая из них имеет два значения: переднерядного [i] и среднерядного [ɪ].

3.3.1. Помимо обычного для современного языка значения [i], буква <ы> может обозначать переднерядный гласный [ɪ] после парной твёрдой согласной.

В основах: *ныя* (нія ‘они’), *ные* (нійо ‘их’), *ныенъ* (нійон ‘ими’), *ты* (ти ‘вы’), *тые* (тийо ‘вы’), *тыянъ* (тиян ‘ваш’), *сыя* (сія ‘он’), *сые* (сійо ‘его’), *сыенъ* (сійон ‘им’), *сычжъ* (сідз ‘так’), *сыстэ* (сісътö ‘изводит’), *шонды* (шонді ‘солнце’), *шогды* (шогді ‘пшеница’), *дыды* (дуді ‘голубь’), *эны* (ёні ‘теперь’), *этыкъ* (öткі ‘один’), *мэдыкъ* (мёдік ‘второй’), *ылсыянь* (ылісянъ ‘издали’), *вылсыянь* (вылісянъ ‘сверху’), *тэ=лысь* (тёлісь ‘луна’), *масысь* (масісъ ‘свеча’); *серты* (съёрті ‘по’), *сэты* (сэти ‘по тому mestу’), *ожжты* (одзті ‘прежде’), *бэрты* (бёрті ‘напоследок’).

В суффиксах с начальным гласным:

-и (глаг. 1 л. ед. ч. прош. вр.): *вэлы* (вёлі ‘[я] был’), *тэды* (тёді ‘[я] знал’), *мэды* (мёді ‘[я] хотел’), *босты* (босъті ‘[я] взял’), *петы* (петі ‘[я] вышел’), *сеты* (сеті ‘[я] дал’), *терпиты* (терпіті ‘[я] терпел’), *милуйты* (милуйті ‘[я] помиловал’), *чекты* (тишёкті ‘[я] заповедал’), *ваетлы* (вайётлі ‘[я] приводил’), *гажалы* (гажалі ‘[я] хотел’), *пу=калы* (пукалі ‘[я] сидел’), *висьталы* (висьталі ‘[я] сказал’), *чиғъялы* (тишығъялі ‘[я] алкал’), *ваетлы* (вайётлі ‘[я] приводил’);

-ин (глаг. 2 л. ед. ч. прош. вр.): *вэлынъ* (вёлін ‘[ты] был’), *лэсялынъ* (лөсялін ‘[ты] договорился’), *сътынъ* (сетін ‘[ты] дал’), *я=витынъ* (явитін ‘[ты] открыл’), *вѣрутынъ* (веруйтін ‘[ты] веруйтін’), *ровняйтынъ* (ровняйтін ‘[ты] сравнял’);

-ис (глаг. 3 л. ед. ч. прош. вр.): *дугдысъ* (дугдіс ‘[он] прекратил, перестал’), *пондысъ* (пондіс ‘[он] стал’), *удысъ* (удіс ‘[он] подал’), *индысъ* (індіс ‘[он] указал; предал’), *окалысъ* (окаліс ‘[он] облобызал’), *юкталысъ* (юкталіс ‘[он] напоил’), *элысъ* (ёліс ‘[он] воспретил’), *челысъ* (чөліс ‘[он] молчал’), *пешлысъ* (пешіліс ‘[он] отведал’), *нюжетысъ* (нюжётіс ‘[он] протянул’), *бостысъ* (босътіс ‘[он] взял’) и др.;

-имё (глаг. 1 л. мн. ч. прош. вр.): *вѣрдымэ* (вердімё ‘[мы] накормили’), *гажалымэ* (гажалімё ‘[мы] хотели’), *учжалымэ* (уджалімё ‘[мы] трудились’), *волымэ* (вовлімё ‘[мы] посещали’), *пыртлымэ* (пыртлімё ‘[мы] принимали’), *аҷжылымэ* (адззылімё ‘[мы] видели’), *сильмэ* (сылімё ‘[мы] пели’), *орсымэ* (орсімё ‘[мы] играли’), *вашетымэ* (вашётімё ‘[мы] изгоняли’) и др.;

-итё (глаг. 2 л. мн. ч. прош. вр.): *тэдымэ* (тёдтö ‘[вы] знали’), *юкталитё* (юкталітö ‘[вы] напоили’), *волитё* (вовлітö ‘[вы] посещали’), *вѣтлымэ* (ветлітö ‘[вы] ходили’), *кылітё* (кылітö ‘[вы] слышали’), *сътытё* (сетітö ‘[вы] дали’), *думайтимэ* (думайтімё ‘[вы] помышляли’), *эктытё* (ёктітö ‘[вы] собрали’), *бостытё* (босътітö ‘[вы] получили’);

-исօ (глаг. 3 л. мн. ч. прош. вр.): *ыждысъ* (ыждіс ‘[оны] разились’), *видысъ* (видіс ‘[оны] хулили’), *кокалысъ* (кокаліс ‘[оны] поклевали’), *суналысъ* (суналіс ‘[оны] задремалі’), *олысъ* (оліс ‘[оны] жили’), *вартлысъ* (вартліс ‘[оны] били’), *мунысъ* (муніс ‘[оны] пошли’), *саймәтысъ* (саймётіс ‘[оны] разбудили’), *котэрысъ* (котёртіс ‘[оны] побежали’), *остысъ* (остытіс ‘[оны] открыли’);

-икэ (деепр.): *бостыкэ* (босътік ‘получив’), *висталыкэ* (висьталік ‘ответствуя’), *вичжалыкэ* (видзалик ‘постоялся’), *вичжетыкэ* (видзётік ‘глядя’), *вѣллтыкэ* (велётік ‘уча’), *куйлыкэ* (куйлік ‘лежа’), *кутыкэ* (кутік ‘схватив’), *оралыкэ* (оралік ‘выдергивая’), *пэрьялыкэ* (пёрьялік ‘искушая’), *силькэ* (сылік ‘воспев’), *юрбытыкэ* (юрбітік ‘кланяясь’);

-ись (прич. и имя деятеля): *жугдысъ* (жугдіс ‘разрушающий’), *видысъ* (видіс ‘злословящий’), *вузалысъ* (вузаліс ‘предатель’), *пукалысъ* (пукаліс ‘сидящий; узник’), *олысъ* (оліс ‘сущий; живущий’), *Нольетлысъ* (новіётліс ‘вождь’), *кысъялысъ* (кысъяліс ‘раб’), *бэбэтысъ* (бёбётіс ‘обманщик’), *вѣллтысъ* (велётіс ‘учитель’), *пыртысъ* (пыртіс ‘креститель’);

-исъ (исх. пад.): *горэдысъ* (городіс ‘из города’), *езысъ* (йёзіс ‘народа’), *зонысъ* (зоніс ‘сына’), *законысъ* (законіс ‘из закона’), *ашинысъ* (ашиніс ‘о завтрашнем дне’), *тыянысъ* (тияніс ‘из вас’), *анисысъ* (анисіс ‘с аниса’), *Бнъ=вѣллтысъ* (енвевтіс ‘с небес; небесный’), *гортысъ* (гортіс ‘из дома’), *кытысъ* (кытіс ‘откуда’), *сэтысъ* (сэтис ‘оттуда’); также в послелогах на -исъ: *ылсысъ* (ыліс ‘о’), *вылсысъ* (выліс ‘с’), *ды=нысъ* (дыніс ‘от’);

-лісъ (прит. пад.): *кинлысъ* (кинліс ‘с кого’), *нылысъ* (ныліс ‘их, у них’), *сылысъ* (сыліс ‘его, у него’), *тыянылышъ* (тиянліс ‘ваших, у вас’), *вонытылышъ* (вонытліс ‘брата твоего’), *гортылышъ* (гортліс ‘дома’), *завѣтлысъ* (заветліс ‘завета’), *Соломонълышъ* (Соломонліс ‘Соломона’), *вирлысъ* (вирліс ‘крови’), *Бнъ=вѣллтылышъ* (енвевтліс ‘неба, с неба’), *вдоваэлышъ* (вдоваэліс ‘вдов’);

Буква <ы> в значении [i] наиболее часто чередуется с диграфом <ыи> (см. 3.4.2).

Случаи же, когда буква <ы> в этом же значении появляется после непарной твёрдой согласной либо гласной, весьма редки: *Галилеа=ысь* (Галилеяис ‘из Галилеи’), *богатствысъ* (богатствоис ‘из сокровища’), *странысъ* (странаис ‘из страны’), *мятысъ* (мятаяис ‘с мяты’), *тминысъ* (тминіс ‘с тмина’); *грэбдысъ* ~ *грэбисъ* (гребис ‘гроба’), *этыкъысъ* (ёткіс ‘об одном’), *отирысъ* ~ *отирись* (отирись ‘народа’); *лэбисъ* (лэбіс ‘налетели’), *небысъ* (небіс ‘купили’), *чапкысъ* (чапкіс ‘кинули’), *кълмысъ* (кеюміс ‘умоляли’), *къры=мэ* (керимі ‘[мы] творили’); *Корысьлэ* (корисыл ‘просящему’), *кърысь* (керис ‘делающий’), *пырысьезъ* (пырессез ‘входящие’).

3.3.2. В свою очередь, буква <и>, помимо обычного для современного языка значения переднерядного [i], может обозначать среднерядный [i] после мягкой согласной: *нилалысъсез* (нылаліссез ‘поглощающие’), *силэмъ* (сылём ‘пение’), *силкэ* (сылік ‘воспев’), *силымэ* (сылімё ‘[мы] пели’), *силасть* (сылас ‘пропоёт’); *Израилинъ* (Израильын ‘в Израиле’); *гудъии* (гудыши ‘выковырни’); *лолзины* (ловзыны ‘воскреснуть’), *озъ лол=зи* (оз ловзы ‘не воскреснет’), *эльсины* (ёвсыны ‘утешиться’), *пуксины* (пуксыны ‘сесть’), *едъя лыдъилэ* (эд я лыдъилё ‘не читали ли вы’).

Кроме того, буква <и> почти всегда употребляется после <ш>, <ж>, <ч> и <чж> как для передачи звука [i], так и для передачи [ɪ].

Её употребление в значении [i] отклоняется от современного стандарта:

- совр. <дзы>: *ачжчжини* (адззыны ‘видеть’), *ачжильмэ* (адззылімё ‘[мы] видели’), *озъ ачжчжиси* (оз адззы ‘не находит’), *кэчжиль* (кёдзыв ‘звезда’), *очжинъ* (одзын ‘перед’), *кэчжисъ* (кёдзыс ‘семя’), *кэчжистъ* (кёдзыт ‘холодная’);
- совр. <джы>: *ычжистэнъ* (ыджытён ‘большим’), *Ычжистэ* (ыджытё ‘господи’), *ычжистъ* (ыджыт ‘великий’); также все случаи употребления суффикса компаратива: *-чжикъ* (совр. *-жык*, *диал. -джык*);
- совр. <чы>: *чишкэтэмъ* (чишкётём ‘выметенный’), *ачимъ* (ачым ‘я сам’), *чишишанэнъ* (чишиянён ‘плащикницей’), *вердчины* (вердчины ‘питаться’), *юртчины* (ёрдчины ‘клясться’), *казмэтчины* (казымётчины ‘показаться’), *лэтчи* (лэдзычи ‘сойди’), *чеччи* (чеччи ‘встань’), *эзъ тэдчи* (эз тёдчи ‘не знался’), *озъ панытъ кутчи* (оз паныт кутчи ‘не восприкословит’) и др.;
- совр. <тши>: *чигъезъ* (тишиггез ‘алчущие’), *чигъенъ* (тишигйён ‘голодными’), *чигъялы* (тишигъял ‘[я] алкал’), *чигъялысь* (тишигъяліс ‘[он] взалкал’), *чигъялысенъ* (тишигъялісён ‘алчущим’), *чи-кась* (тишикас ‘испортился, потеряет силу’);
- совр. <ши>: *ашинъ* (ашин ‘завтра’), *кошишины* (кошишины ‘искать’), *пышшины* (пышшины ‘убежать’), *въшиши* (въшиши ‘двигнись’), *шиэнъ* (шиён ‘гласом’);
- совр. <жы>: *важинъ* (важын ‘давно’), *пижинъ* (пижын ‘в лодке’), *житничасисъ* (жытничасис ‘из сокровища’).

Случаев написания с буквой <ы> в аналогичных позициях всего лишь пять, четыре из которых имеют варианты с <и>: *важынъ* (важын ‘давно’) ~ *важинъ*, *ши* (‘глас, звук’) ~ *шиенъ*, *пышшины* (‘беги’) ~ *пышшины*, *абу ачжылэмъ* (абу адззылём ‘невидано’) ~ *ачжильмэ*; *гожымъ* (гожум, *диал. гожым* ‘лето’).

В значении [i] употребление в целом соответствует современной норме:

- совр. <дзи>: *кычжи* (кыдзи ‘как’), *сычжи* (сідзи ‘так’), *ачжчжисъ* (адззис ‘увидел’), *му вичжисъ* (мувидзис ‘царь’), *кэчжисъ* (кёдзис ‘селял’), *лэчжисъ* (лэдзис ‘отпустил’), *мычжисэ* (мыдзис ‘устали’), *эчжчжисъ* (öддзис ‘устремился’), *понэтчжисъ* (помёдззис ‘до конца’), *сизимэтчжисъ* (сизимёттёдззис ‘до седьмого’) и др.;
- совр. <чи>: *гырчикайтэмъ* (гырчикайтём ‘скрежет’), *тэнчитъ* (тэнчит ‘твой’), *вълэтчисъезъ* (вёлётчисsez ‘ученики’), *бергэтчикэ* (бергётчик ‘обратившийся’), *чинтысясэ* (чинтісяс ‘сократятся’), *шоччисятэ* (шоччисятё ‘почиваете’), *лэччисэ* (лэдзис ‘сходили’), *мытчисэ* (мыччис ‘подали’), *чжагэтчисъ* (джагётчис ‘удавился’), *виччися* (видзчися ‘жду’) и др.;
- совр. <джи>: *вучжикэ* (вуджикё ‘переправляясь’), *вуджисё* (вуджисё ‘переправились’);
- совр. <ши>: *пышшиисэ* (пышшиис ‘убежали’), *эшись* (ёшис ‘заблудилась’), *кошишись* (кошишис ‘искал’) и др.;
- совр. <жи>: *чужисъ* (чужис ‘родился’); *обложитэмъ* (обложитём ‘основан’), *бережитчасэ* (бережитчас ‘сбережется’), *множитче* (множитчё ‘умножается’), *служитысь* (служитис ‘служила’) и др.

Единственное исключение с буквой <ы>: *учжисъ* (уджис ‘по делам’).

3.3.3. Ещё одним вариантом прочтения букв <и> и <ы> является [j]. Наиболее показательный пример здесь — послелог *ылысъ* ‘о’, который представлен в формах *ылысь*, *ылысъ* и *илысъ*. Варианты с начальным <ы>⁹: *Иисус=ылысъ* (*Иисус* *ылысъ* ‘об Иисусе’), *Кристос=ылысъ* (*Христос* *ылысъ* ‘о Христе’), *кэчжисъ* *ылысъ* (кёдзис *ылысъ* ‘о сеяtele’), *Лольземъ* же *ылысъ* (ловзыём же *ылысъ* ‘о воскресении же’), *вить нянылысъ* (вит нянь *ылысъ* ‘о пяти хлебах’), *учжьеъзъ* *ылысъ* (уджжез *ылысъ* ‘о делах’), *царствыалысъ* (царство *ылысъ* ‘о царствии’), *плевелалысъ* (вероятно, ошибочно вместо *плевелалысъ*, совр. *плевела* *ылысъ* ‘о плевелах’). Примеры с <ы> и <и> см. в 3.4.2.

⁹ В исследуемом Евангелии данная форма выступает также как вариант послелога *ылысъ* (*ылысъ* ‘с’), представленный в коми-пермяцких диалектах: *пернавылысъ* ‘с креста’, *езъ ылысъ* ‘с чужих’, *Би вълтъ ылысъ* ‘с неба’.

Другие случаи использования *<и>* и *<ы>* для обозначения йотированной *<ы>*: *ы-|еъзъ бердынъ* (йыэз бердын, совр. *ийэз бердын* ‘в пояс’), *пуильез* (*пуйыввез* ‘акриды’), *аискэть* (*айыскёт* ‘с отцом’), *туинъ* (*туйын* ‘в пути’), *небеснэинъ* (*небеснёйын* ‘в небесном’), *первэись* (*первойыс* ‘первый’), *саин* (*сайын* ‘за’).

Заметим, что обычно после согласной йотация перед *<и>* и *<ы>* в рукописи отмечается разделительным (мягким или — реже — твёрдым) знаком: *бэрьи* (*бёрыйи* ‘[я] выбрал’), *гарьис* (*гарийис* ‘[он] выкопал’), *гарыны* (*гарыйны* ‘подкопать’), *кэсьис* (*кёсийис* ‘[он] обещал’), *нольис* (*новийис* ‘[он] носил’).

3.4. *<i>*

Из русской азбуки старой эпохи в текст вошла десятеричная *<i>*.

3.4.1. В значении переднеязычной гласной верхнего подъёма [i] она регулярно употребляется перед гласной и перед *<й>* как в заимствованной, так и в исконной лексике. В именах собственных и заимствованиях она представлена в словах: *Иерусалимъ*, *Виффагаиаэ* (*Виффагияё* ‘в Виффагию’), *Вифаніаэ* (*Вифанияё* ‘в Вифанию’), *Гефсиманіаэ* (*Гефсиманияё* ‘в Гефсиманию’), *Сиріаынъ* (*Сирияын* ‘в Сирии’); *Авіа*, *Данишлэнъ* (*Даниилён* ‘Даниилом’), *Езекіа*, *Еліазаръ*, *Еліакимъ*, *Еремія*, *Іаковъ*, *Іеремій*, *Іехонія*, *Іусусъ*, *Ілія*, *Іоанъ*, *Іона*, *Іорамэсъ*, *Іорданъ*, *Іоафамъ*, *Іосафатъ*, *Іосіа*, *Іосій*, *Іосифъ*, *Іродіада*, *Ісаіа*, *Каіафа*, *Манасіа*, *Маріамъ*, *Марія*, *Озіа*, *Салофіиль*, *Уріа*, *Авіудъ*, *Еліудъ*, *Іуда*, *Іессей*; *Іудейскэй* (*иудейской* ‘иудейский’), *Иска=ріотскэй* (*искариотской* ‘искариотский’), *Понтийскэй* (*понтийской* ‘понтийский’), *Сіонскэй* (*сионской* ‘сионский’); *архиерейезъ* (*архиерейи* ‘архиереи’), *ассаріенъ* (*ассарийён* ‘за ассарий’), *благоволеніе*, *діаволь*, *дінарій*, *Евангеліе*, *знаменіе* ~ *знаменія*, *легіонягэсъ* (*легионнэзён* ‘легионы’).

В исконных словах в той же позиции буква *<i>* встречается в следующих словоформах: *війны* (*вийны* ‘убить’), *бія* (*біа* ‘огненный’), *біе* (*біо* ‘в огонь’), *віетны* (*війётны* ‘цедить, курить’), *віись* (*війись* ‘убивающий’), *віенъ* (*віён* ‘маслом, мирром’), *віесь* (*віэс* ‘масла’), *віясэ* (*віясё* ‘убыют’), *доріенъ* (*дариён* ‘причастием’), *зорніесъ* (*зарниёс* ‘золото (вин. пад.)’), *кіе* (*кіо* ‘в руку’), *кіезъ* (*кіэз* ‘руки’), *кія* (*кіа* ‘имеющий руку’), *кіінъ* (*кіын* ‘в руке’), *міе* (*мійо* ‘мы’), *міянъ* (*міян* ‘наш’), *піянъ* (*піян* ‘сын’), *черіезъ* (*чериэз* ‘рыбы’).

Кроме обозначения фонемы [i] в указанной позиции, графема *<i>* в рассматриваемом тексте используется как компонент двух диграфов.

3.4.2. Первым из таких диграфов является буквосочетание *<ыі>*, которое спорадически употребляется вместо буквы *<ы>*.

В некоторых случаях данный диграф произвольно заменяет букву *<ы>* в её современном значении гласной среднего ряда верхнего подъёма [i]: *быдмыіны* (*быдмыны* ‘расти’), *вичкуыінъ* ~ *вичкуынъ* (*вичкуын* ‘в церкви’), *вылыінъ* ~ *вылынъ* (*вылын* ‘вверху’), *вынэнъ* ~ *вынэнъ* (*вынён* ‘силой’), *кіінъ* (*кіын* ‘в руке’), *кэдвыінъ* (*кёдвын* ‘в котором’), *кысьяльісъ* ~ *кысьяльисъ* (*кысьяльисъ* ‘слуга’), *морідвыінъ* (*моревын* ‘в море’), *Нывыінъ* (*ныын* ‘в них’), *рытсіянь* ~ *рытъсянь* (*рытсіянь* ‘с вечера’), *царстваінъ* ~ *царстваынъ* (*царстваын* ‘в царстве’), *ы=|бэсъ* ~ *ыбэсъ* (*ыбдос* ‘дверь’), *ылынъ* ~ *ылтынъ* ~ *ылынъ* (*ылын* ‘далеко’), *ыстысъ* ~ *истысъ* ~ *ыстысъ* (*ыстыс* ‘послал’), *еъзъ лысъ* (*еъз лысът* ‘не смел’), *югытъ* ~ *югытъ* (*югыт* ‘свет, светлый, светло’).

Однако тот же диграф *<ыі>*, наряду с буквой *<ы>*, используется и для обозначения [i] после парных твёрдых согласных там, где в современном коми письме в этой функции употребляется графема *<i>*.

Такое употребление *<ыі>* наблюдается как в основах слов: *тыіе* ~ *тые* (*тийо* ‘вы’), *кэдяія* ~ *кэдяы* (*кёдяя* ‘который’), *эні* ~ *эны* (*ёни* ‘сейчас’), *дыдыіезъ* ~ *дыды* (*дуди* ‘голубь’, *дудіэз* ‘голуби’), *сысерты* ~ *сысерты* (*сы събрті* ‘согласно ему’), — так и в следующих суффиксах с и-овой огласовкой:

-ыі (-i: прош. вр. глагола): *ачжильмэ* ~ *ачжильмэ* (*адззылімё* ‘видели’), *бос=тысъ* ~ *бос-тысъ* (*босътіс* ‘взял’), *ваетьсэ* ~ *ваетьсэ* (*вайётіс* ‘привели’), *ваше-тысъ* ~ *вашетысъ* (*вашотіс* ‘изгнал’), *въскальісъ* ~ *въскальісъ* (*веськаліс* ‘исцелился’), *въскэтысъ* ~ *въскэтысъ* (*веськётіс* ‘исцелял’), *вичжетысъ* ~ *вичжетысъ* (*видзётіс* ‘взгрел’), *вистальісъ* ~ *вистальісъ* (*вистатліс* ‘сказал’), *этлаэ воштысъ* (*ётлаэ* *воштіс* ‘сочетал’), *вэлы* ~ *вэлы* (*вёлі* ‘был’), *вунда-лысъ* (*вундаліс* ‘резали’), *гажальісъ* ~ *гажальісъ* (*гажаліс* ‘возжелал, хотел’), *донэ=тысъ* (*донётіс* ‘оценили’), *дугдыісъ* ~ *дугдыісъ* (*дугдіс* ‘перестал, прекратил’), *имтій-тысъ* ~ *имтійтысъ* (*имейтіс* ‘имел’), *колоісъ* ~ *колоісъ* (*коліс* ‘надлежало, надо было’), *кэртальісъ* ~ *кэртальісъ* (*кёртталіс* ‘связал’), *куйлыісъ* (*куйліс* ‘лежал’), *кульыісъ* (*куліс* ‘умерли’), *кылыісъ* (*кыліс* ‘услышал’), *локтыісъ* ~ *локтысъ* (*локтіс* ‘подошла; пришёл’), *лэсстътысъ* (*лёсстътіс* ‘приготовила’), *лэчжальісъ* (*лэдзалаіс* ‘отпускал’), *муныімэ* (*мунімё* ‘[мы] пошли’), *му=нысъ* (*муніс* ‘пошёл, отправился, удалился’), *нуэтътысъ* ~ *нуэтътысъ* (*нуётіс* ‘увёл’), *отвъчайтысъ* ~ *отвъчайтысъ* (*отвечайтіс* ‘сказал в ответ’), *эктысъ* ~ *эктысъ* (*ёктіс* ‘собрали’), *петътысъ* ~ *петътысъ* (*петіс* ‘вышел’), *пондыісъ* ~

пондысь (пондіс ‘стал’), пондтэмтысь (понтёмтіс (?)) ‘окончил’), пэт=|тысь (пöдтіс ‘заглушило’), пукалысь ~ пукалысь (пукаліс ‘сидел’), пуксътысь ~ пуксътіс ‘посадил’), пуктысь ~ пуктысь (пуктіс ‘положил’), садитысь (садитіс ‘насадил’), сетьсь ~ сътысь (сетіс ‘дал’), сiôрнитысь (сёрнитіс ‘заговорил’), кынэмъезъ сималысэ (кынёммез сималісö ‘взялкали’), сотысь (соміс ‘сжёг’), султэтысь ~ султётіс ‘поставил’), сулалысь (сулаліс ‘стоял’), тэдысь ~ тэдысь (тöдіс ‘узнал’), чектысь ~ чектысь (тишкітіс ‘велел’), чигъялысь ~ чигъялысь (тишыгъяліс ‘взялкал’), учжальысэ (уджалісö ‘работали’), чужтысь ~ чужтысь (чужстіс ‘родил’), юкталы=|мэ (юкталімö ‘[мы] напоили’), юрбытысь ~ юрбытысь (юрбітісö ‘поклонились’);

-ыкё (-ikö, деепр.): витчылэ (ошибочно л вместо к, видчикö ‘ругаясь’), висталыкэ ~ висталыкэ (висталікö ‘говоря’), кылыкэ (кылкö ‘слыша’), сулалыкэ (сулалікö ‘стоя’);

-лысь (-lísъ, прит. пад.): сылысь ~ сылысь (сыліс ‘его’), нылысь (ныліс ‘их’), мортъ лысь (мортліс ‘человека, человеческого’), оланълысь (оланліс ‘жизни, века’), пророкъ езыльсь (пророккезліс ‘пророков’), челядь=|лысь (челядьліс ‘у детей’);

-ысь (-icsъ, исх. пад.): сэтысь ~ сэтысь (сэтіс ‘оттуда’), вурунъысь (вуруніс ‘из шерсти’), йынъ=въл=|тысь ~ тънъ-вълтысь (еневетіс ‘с небеси’); в послелогах тънъ вълтъ-|езъ вълтысь (еневеттэз вълтъс ‘с небес, в вышних’), ны ильсь (ны илтіс ‘о них’), тяяньдынысь (тіян дыніс ‘от вас’);

-ысь (-icsъ, прич. и имя деятеля): бэбэтысьезэнъ (ббёттіссезён ‘обманщиками’), еча въруйтъысь ~ еча въруйтъысь (етша веруйтіс ‘маловерный’), вузалысь ~ вузаліс ‘предающий, предатель’), имъй=|тысь ~ имъйтъысь (имейтіс ‘имеющий’), кысъялысь ~ кысъялысь (кысъяліс ‘раб’), любитысьезъ (любиттіссез ‘любящие’), олысь ~ олысь (оліс ‘сущий, живущий’), пу-|калысенъ ~ пукалысесь (пукалісъёс ‘сидящего’, пукалісъён ‘сидящий’), святитысь ~ святитысь (святитіс ‘освящающий’), сулалысьезэсэ (сулаліссезёс ‘стоящих’), чигъялысьенъ ~ чигъялысыенъ (тишыгъялісъён ‘алчущим’), учжальысьезъкетъ ~ учжальысьезъ (уджаліссезкёт ‘с работниками’), шогалы-|сенъ ~ шогалысень (шогалісъён ‘больным’).

В ряде случаев употребление <ы> не вписывается в общую тенденцию: ыжытъ (обычно: ычжитъ, совр. ыджыт ‘большой’), кърьитэ ~ къритэ (керитö ‘сделали’), лэчжы ~ лэчжи (лэдзи ‘отпустил’), чапкыисэ ~ чапкысэ (чапкисö ‘бросили’), Нольетчыисъ ~ нольетчисъ (новийдтчис ‘вождь’, новийдтчис ‘пронеслось’); пэръясысь (пöръясис ‘лукавый; искуситель’) ~ пэръясисъезъ (пöръясиссез ‘лицемеры’); тэждысысь (тöждісис ‘пекущийся’). Как показано далее, в рассматриваемом тексте обозначение мягкости согласных проводилось не всегда последовательно.

Кроме того, диграф <ы> в нескольких случаях используется для передачи звукосочетаний [ji] и [jɪ]: вълтысь ~ вълтъ=|исъ ~ велтысъны (вевттисъны, совр. орф. вевттисъны ‘покрываться’), Елеонскэынъ (Елеонскойын ‘на Елеонской’), Есылысь (эсы илтіс¹⁰ ‘в этом, об этом’), Зонъ=ыльсь (Зон илтіс ‘об отроке’), няньыльсь (нянь илтіс ‘о хлебе’), Сылысь ~ Сыилысь (сы илтіс ‘о нём’). Наряду с <ы> в данной функции встречаются также буквы <ы> и <и> (см. 3.3.3).

3.4.3. Другим диграфом, где одним из компонентов выступает <и> десятеричная, является представленное в двух вариантах сочетание <iô> ~ <io>. Закономерности в выборе того или иного варианта не наблюдается. В подавляющем большинстве случаев данный диграф соответствует карамзинской букве <ё>, которая в самом тексте Евангелия не встречается. Он обозначает либо начальную [jo], либо палatalность согласной перед [o]. Примеры: іонъезэнъ (ённэзён ‘здоровыми’) ~ іонъ (ён ‘здорова’), іонъезэлэ (ённэзлэ ‘здоровым’), іордчины (ёрдчины ‘克莱сться’) ~ іортчемъ (ёрдчём ‘克莱тва’), іортъ (ёрт ‘друг’) ~ іортэсъ (ёртöс ‘друга, товарища’), іօся (ёс ‘бодр’), ліօкъ ~ ліօкъ (лёк ‘зло; злой, жестокий’), ніօль ~ ніօль (нёль ‘четыре’), мэдъ ніօчжъ (мёднёж ‘по другому’), ciô ~ cio (сё ‘сто’), сiօйны ~ сiօйны (сёйны ‘есть’), сiօръ ~ Сiօръ (сёр ‘поздно’), сiօрнитысь (сёрнитіс ‘заговорил’); горiô (диал. горё ‘горе’), морiô ~ морiо (диал. морё ‘море’), ослiонок (ослёнок), тiօща (тёща); чiօтэмъезэсэ (чоттёммезёс ‘хромых’), чiօжачжик (чожажык ‘скорее’), чiօмъясь (чомяяс ‘в комнату’), чiօчкомэ (чочкомö ‘белым’). Изредка вместо ожидаемого <iô> ~ <io> встречается буква <ю>, и наоборот. По всей вероятности, это результат смешения близких по начертанию форм: юртчины (ёрдчины ‘克莱сться’), юрдтче (ёрдчём ‘克莱тва’), Юртъ (ёрт ‘товарищ’), юртъезъ (ёрттэз ‘товарищи’); нiօжетысь ~ нiօжетысь (нюжётіс ‘простёр’). Такое смешение — косвенное свидетельство того, что подносный экземпляр рукописи из фонда РГИА был переписан не самим автором перевода, а специальным переписчиком, не владевшим коми языком.

3.4.4. В единичных случаях <io> следовало бы читать как [jə]: іоктысь (йёктис ‘плясала’), едэ іоктэ (эдёйёкто ‘не пляшите’).

¹⁰ Здесь возможно прочтение эсыйись либо даже эсыись. Подобного рода сокращения от послелога илтіс ‘о’ зафиксированы как в Евангелии 1823 г., так и в некоторых других памятниках коми-пермяцкой письменности.

3.5. <ѣ>

Другим характерным признаком эпохи является наличие в тексте буквы <ѣ>. Она употребляется прежде всего в заимствованиях, следуя русской орфографической традиции того времени: *мъста, бъсовскѣй, вѣк, вѣнчѣць, вѣра, вѣнчнѣй, гибѣль, грѣхъ, грѣшникъ, грѣшнѣй, заповѣдь, знамѣнія, лицемѣръ, мѣдь, мѣра, мѣста, наслѣдникъ, отвѣтъ, эбѣдь, пѣтухъ, побѣда, подсвѣчникъ, прелюбодѣй-нѣй, примѣръ, проповѣдь, развѣ, свидѣтель, свирѣль, совѣтъ* и др.

Но и в ряде корней исконных слов <ѣ> тоже встречается, причём здесь он нередко чередуется с <е>, а в отдельных случаях — с <э>.

Фонетическим значением <ѣ> в таких словах чаще всего является гласный переднего ряда среднего подъёма [е]: *бѣдь* (бедь ‘посох, трость’), *бѣкѣрь* ~ *бекэрь* (бекёр ‘чаша’), *бѣргѣтысь* (*бергѣтис* ‘обратил’) ~ *бергѣтны* (*бергѣтны* ‘обратить’), *бѣртисъ* (*бертис* ‘вернулись’), *вѣлѣрь* (*вѣлѣрь* ‘поверхность, внешность’), *вѣлѣть* ~ *велѣть* (*вѣлѣть* ‘крышка’), *вѣжера* (*вѣжѣра* ‘мудрый, благородный’), *вѣжертѣ* ~ *вѣжер=тѣ* (*вѣжѣртѣ* ‘поймите, разумейте’), *туї=вѣжѣ=езъ* (*туївѣжѣз* ‘распутья’), *вѣкни* (*вѣкни* ‘узкий, тесный’), *вѣлалысь* (*вѣлалысь* ‘наученный’), *вѣлѣтысь* (*вѣлѣтис* ‘учил’) ~ *велѣтасъ* (*велѣтас* ‘научит’), *вѣлѣтчисъезъ* ~ *велѣтчисъезъ* (*велѣтчисъез* ‘ученики’), *вѣрдымѣ* (*вердим* ‘накормили’) ~ *вердны* (*вердны* ‘накормить’), *вѣрмасъ* ~ *вермасъ* (*вермас* ‘сможет’), *вѣсѣтъ* (*вѣсѣт* ‘очисти’), *вѣсь* ~ *весъ* (*весъ* ‘зря, напрасно, тщетно’), *вѣскала* (*весѣкала* ‘выздоровею’) ~ *вескала* (*весѣкалас* ‘выздоровеет’), *вѣскѣ* (*весѣкѣ* ‘даже’), *вѣскѣтысь* (*весѣкѣтис* ‘исцелил’), *вѣскытъ* ~ *весѣкытъ* (*весѣкыт* ‘правый, праведный’), *вѣстын* (*весѣстын* ‘над’), *сы вѣс=тѣ* (*сы весътѣ* ‘над тем местом’), *вѣтлѣтѣ* (*ветлѣт* ‘ходили (вы)’) ~ *ветлѣтѣны* (*ветлѣтѣны* ‘ходят’), *вѣшиши* (*вѣшиши* ‘сдвинься’), *кѣлмисисъ* ~ *кѣлмисисъ* (*кѣлмисис* ‘молился’), *кѣлѣпъ* (*кѣлѣп* ‘стадо’) ~ *келѣпъ* (*кѣлѣп* ‘стада (род. пад.)’), *кѣжны* (*кѣжны* ‘возвращаться’), *кѣраль* (*кѣраль* ‘отсеши’) ~ *кѣралны* (*кѣраль* ‘отсечь’), *кѣрны* (*кѣрны* ‘делать’) ~ *кѣрисъезъ* (*кѣрисъез* ‘делающие, строители’), *кѣрку* (*кѣрку* ‘дом’) ~ *кѣркуынъ* (*кѣркуын* ‘в доме’), *кѣрэсъ* (*кѣрэс* ‘гора’) ~ *кѣрѣсь* (*кѣрѣсь* ‘на гору’), *кѣртѣ* (*кѣртѣ* ‘бревно (вин. пад.)’), *мѣдь* ~ *медъ* (*медъ* ‘выкуп, плата, награда; путь’), *мѣдь* *бы* ~ *медъ* *бы* (*медъ* ‘чтобы’), *мѣнѣмъ* ~ *менѣмъ* (*менѣмъ* ‘мне’), *мѣямъ* ~ *мяемъ* (*мяемъ* ‘мой’), *пѣтысь* ~ *пѣтысь* (*пѣтис* ‘вышел; взошла’); *нѣльти* ~ *нельти* (*нельти* ‘даже; так что’), *нѣмъ* ~ *немъ* (*немъ* ‘ничто, ничего’), *сѣтѣ* ~ *сѣтѣ* (*сѣтѣ* ‘дайте’).

В начальной позиции <ѣ> подразумевает йотацию перед [е]: *ѣнъ* ~ *енъ* (*енъ* ‘Бог’), *ѣнъ-вѣлѣтны* (*енъ-вѣтлѣтны* ‘в небесах’).

Есть также несколько случаев, где <ѣ> обозначает гласный среднего ряда среднего подъёма [э]: *вѣлы* ~ *вѣлы* (*вѣлі* ‘был’), *магъль* *лѣ* (*магъвлѣ* ‘закваске’), *сѣлзисъ* (*сѣлзис* ‘плюнули’) ~ *селалысь* (*сѣлалис* ‘плевали’), *сѣдъ* (*сѣдъ* ‘чёрный’), *сѣкытъ* (*сѣкыт* ‘трудно; тяжёлый; беременна’) ~ *секы-тѣ* (*сѣкыт* ‘с трудом’), *еддѣнъ* ~ *едденъ* (*еддѣн* ‘очень, весьма, тяжко’). В этом же значении буква <ѣ> иногда встречается и в суффиксах, причём исключительно после буквы <с>: *лѣсѣтысь* (*лѣсѣтис* ‘приготовила’) ~ *лѣсѣтчи=сѣ* (*лѣсѣтчис* ‘согласились’), *миссѣтъ* (*миссѣт* ‘умой’), *мытчисъемъ* (*мытчисъем* ‘появление’), *норасѣмъ* ~ *норосемъ* (*норасѣм* ‘жалобный’), *пуксѣтысь* ~ *пуксѣтысь* (*пуксѣтис* ‘посадил’), *чапкисъ* ~ *чапкисе* (*чапкисъ* ‘бросается’), *юасѣны* (*юасѣн* ‘спрашивают’).

Можно обратить внимание на то, что количественно в коми основах произношение <ѣ> как передненердного [е] преобладает. Можно также отметить, что наибольшее число корней с <ѣ> имеют начальный согласный <в> или <к>, значительно реже — <б> или <м>; корни с <ѣ>, начинающиеся на другие согласные, единичны. Однако, учитывая значительную вариативность, всё это не представляется существенным. В исконной лексике однозначности в выборе именно <ѣ> для данной фонемы не прослеживается, и, если бы не русские заимствования, где в ряде слов ять обязателен, в рукописи <ѣ> можно было бы считать свободным графическим вариантом букв <э> и <е>.

3.6. <е>

К определению свободного графического варианта в большей степени подходит эпилон <е>, который также спорадически используется в рассматриваемом тексте вместо букв <е> ~ <э>. Чаще всего <е> появляется в начале слова: *еѣ* ~ *еѣ* (*еѣ* ‘я не’), *енъ* ~ *енъ* ~ *энъ* (*енъ* ‘ты не’), *едъ* ~ *эдъ* ~ *едъ* (*едъ* ‘вы не’), *езъ* ~ *езъ* (*езъ* ‘он(и) не’), *еджь* (*еджь* ‘так’), *ей* (*ей*), *емъ* ~ *емъ* ~ *эмъ* (*эмъ* ‘есть’), *еные* ~ *еные* ~ *эные* (*эній* ‘этих’), *есыя* ~ *есыя* ~ *есыя* (*есыя* ‘сей, этот’), *етая* ~ *етая* ~ *етая* (*етая* ‘тот, сей’), *ешіе* ~ *ешіе* (*ешіе* ‘ещё’); *елеонскѣйнъ* (*елеонскѣйнъ* ‘на елеонской’), *ехидна=лѣнъ* ~ *ехидна* (*ехидна* ‘ехидны’), *ечча* (*ечча* ‘мало’); *езъ* ~ *езъезъ* (*йѣзъ*, *йѣззэз* ‘люди’), *ернэссэ* (*йѣрнэсс* ‘рубашку’); *едденъ* ~ *едденъ* ~ *едденъ* (*едденъ* ‘очень, весьма’), *ексемъ* ~ *эзинъ* ~ *эксемъезынъ* (*йѣксымъмезын* ‘в сина-

гогах’), *ены* ~ *эны* (öni ‘теперь’). Как видим, в большинстве случаев значением <е> в начальной позиции является переднерядное [e], иные варианты его прочтения — [je], [jə], [ə] — встречаются намного реже.

В других позициях эпилон также встречается. При этом в основе слова он обычно передаёт [e], а в суффиксах чаще обозначает [ə]: *Иессей* (*Ессеи*), *Матфейсянь* (*Матвейсянь* ‘от Матвея’), *свидътельезъень* (*свидетеллезлён* ‘свидетелей’) ~ *свидътельезъ* (*свидетеллез* ‘свидетели’), *нε ~ не* (*не*), *петьисэ ~ петьисэ* (*петисо* ‘вышли’); *изъ-езъ сись* (*иззэзис* ‘из камней’) ~ *изъезъ* (*иззэз* ‘камни’), *инесъ ~ инесъ* (*иньös* ‘жену’), *кватеть ~ кватэть* (*кватель* ‘шестой’), *кыччечжъ ~ кыччечжъ* ~ *кытчечжъ* (*кытчöдз* ‘доколе, покуда’).

Отметим, что графические варианты в рукописи наблюдаются также для некоторых других букв. Выбор того или иного варианта в этих случаях, по-видимому, полностью произволен. Впрочем, подробное рассмотрение данного вопроса оставим для палеографического описания.

3.7. <ъ>

К старой русской традиции относится регулярное использование знака <ъ> после твёрдых согласных на конце слов. В тексте Евангелия это правило соблюдено довольно последовательно (если не обращать внимания на спорадическую путаницу в употреблении мягкого и твёрдого знаков): *буръ* (*бур* ‘хороший’), *важъ* (*важ* ‘старый’), *ажсанъ* (*адзсан* ‘видишь’), *айезъ* (*айез* ‘отцы’) и т. д.

Однако <ъ> часто появляется и в середине слова — в позиции после основы на твёрдую согласную перед суффиксом, который также начинается с согласной. К таким суффиксам относятся прежде всего падежные показатели:

-лэнъ (-лон, род. пад.): *грэбълэнъ* (*гроблон* ‘гроба’), *Давидовълэнъ* ~ *Давидовлэнъ* (*Давидлон* ‘Давидов’), *Енълэнъ* ~ *Енлэнъ* (*Енлён* ‘божий’), *zonъезълэнъ* ~ *zonъезлэнъ* (*зоннэзлён* ‘сыновей’), *игемонъ лэнъ* (*игемонлон* ‘игемоновы’), *отирълэнъ* (*отирлён* ‘народа’) и др.;

-лысь (-лісь, прит. пад.): *блидъ-езълысь* (*блиддэзлісь* ‘блуд’), *гортълысь* (*гортлісь* ‘дома’), *Бнълысь* ~ *Бнлысь* (*енлісь* ‘божия’), *Иисусълысь* (*Иисуслісь* ‘Иисусова’), *оланълысь* (*оланлісь* ‘жизни, века’), *отирълысь* (*отирлісь* ‘людских, народных’), *Соломонълысь* (*Соломонлісь* ‘соломоновой’);

-лэ (-лö, дат. пад.): *айезълэ* (*айезлö* ‘праотцам’), *быдэнысылэ* ~ *быдэныслэ* (*быдённыслö* ‘всем им’), *вонълэ* ~ *вонлэ* (*вонлö* ‘брату’), *кагаезълэ* (*кагаэзлö* ‘детям’), *кърэсълэ* ~ *кърэслэ* (*керёслö* ‘горе’), *Кри-стосъ-лэ* (*Христослö* ‘Христу’), *морть езълэ* ~ *мортьезлэ* (*морттэзлö* ‘человекам’), *нылълэ* (*нывлö* ‘девице; дщери’), *тыянълэ* ~ *тыянлэ* (*тіянлö* ‘вам’) и др.;

-кэть (-кёт, соед. пад.): *воныськэть* (*воныскёт* ‘с братом своим’), *мортькэть* (*морткёт* ‘с человеком’), *Абраамъкэть* (*Абраамкёт* ‘с Абраамом’), *Иаковъкэть* (*Иаковкёт* ‘с Иаковом’), *Иисусъкэть* (*Иисускёт* ‘с Иисусом’), *велэтчисъезъкэть* (*велётчиссезкёт* ‘с учениками’), *учжальсъезъкэть* (*уджсаліссезкёт* ‘с работниками’) и др.;

-тэгъ (-тöг, лиш. пад.): *вужътэгъ* (*вужтöг* ‘без корня’);

-сянь (отд. пад.): *асыльсянь* (*асысянь* ‘с востока’), *мамысъсянь* (*мамыссянь* ‘от матери своей’), *кыльезъсянь* (*кыввезсянь* ‘от слов’), *Лольсянь* (*Ловсянь* ‘от духа’), *Медынъсянь* (*Ме дынсянь* ‘от Меня’), *онъсянь* (*онсянь* ‘от сна’), *рытъсянь* ~ *рытсъянь* (*рытсъянь* ‘с запада’), *учетъся=нъямъ* (*учётся* ‘от юности моей’), *шайнанъезъсянь* (*шойнаннэзсянь* ‘из гробов’);

-сисъ (-сис, исх. пад. + 3 л. ед. ч.): *виноградникъсисъ* (*виноградникисис* ‘из виноградника’), *Бнъвълтъсисъ* (*енвевтисис* ‘с небеси’), *Иери-хонъсисъ* (*Иерихонисис* ‘из Иерихона’), *кулэмъсисъ* (*кулёмисис* ‘из мертвых’), *кыкъ дасъсисъ* (*кыкдассис*, ‘из двадцати’, ошибочно вместо ‘из двенадцати’), *лъддиссезисъ* (*лъддиссезис* ‘из книжников’), *эмъсисъ* (*ёмисис* ‘из уст’);

-сэ (-сö, вин. пад. + 3 л. ед. ч.): *Крис-|тосъ сэ* (*Христоссö* ‘Христа’), *вълдэръсэ* (*вевдёрсö* ‘внешность’), *zonъсэ* (*зонсö* ‘сына’), *кыльсэ* (*кывсö* ‘слово’), *ладэръсэ* (*ладорсö* ‘сторону’), *кэчжисъсэ* (*кёдзыссö* ‘семя’), *пычкъсэ* (*пытикссö* ‘внутренность’), *емъ=буръсэ* (*эмбурсö* ‘имение, имущество’), *юръсэ* ~ *юрсэ* (*юрсö* ‘голову’), *вежертэмъсэ* (*вежёртёмсö* ‘разумеющего’), *ваемъсэ* (*вайёмсö* ‘приношение’), *вэлэмъсэ* (*вёлёмсö* ‘происшедшее’), *кылэмъсэ* (*кылёмсö* ‘услышанное’), *чектэмъсэ* (*тишётёмсö* ‘заповедь’); после суффикса множественно числа: *бы-|чемъезъсэ* (*бытийммесö* ‘хороших’), *баляезъсэ* (*баляэсö* ‘овец’), *кулэмъ-|эзъсэ* ~ *кулэмъезъсэ* (*кулёммесö* ‘мертвых; мережи’);

-тэ (-тö, вин. пад. + 2 л. ед. ч.): *улторътэ* (*уvtортö* ‘сучок’).

-насъ (-нас, твор. пад. + 3 л. ед. ч.): *пельезънасъ* (*пеллезнас* ‘ушами’).

Кроме того, несколько случаев употребления <ъ> зафиксировано и перед именными словообразовательными суффиксами: *вежертъэмъ езъ* (*вежёртёммез* ‘безумные’), *мылкыдътэмъезъ* (*мылкыдтёммез* ‘безумные’), *върмэмътэмъ* (*вермётём* ‘невозможное’), *кокътэмлэ* (*коктёмлö* ‘хромому’), *быдъся* (*быдся* ‘всякий’), *кыкънанасъ* ~ *кыкнанысь* (*кыкнаннис* ‘оба’). Единичны такие случаи и перед глагольными

суффиксами: эльсины (öвсыны ‘утешиться’), лользэмъ ~ лолзэмъ (ловзъём ‘воскресение’), лользясь ~ лолзясь (ловзяс ‘воскреснет’), туртэмътысьез-լэ (туртёмтиссезлö ‘истязателям’).

Употребление <ъ> перед большинством падежных суффиксов может объясняться тем, что в русском языке им соответствуют предлоги, т. е. суффикс мог восприниматься переводчиком как отдельное слово. В связи с этим примечательно, что иногда падежные суффиксы даже пишутся отдельно от основы: Ънъ лэнъ (Енлён ‘Бога’), Іисусъ лэнъ (Иисуслён ‘Иисусовым’), Ісаакъ лэнъ (Исааклён ‘Исааков’), гортъ лэнъ (гортлён ‘дома’), мортъ лэнъ (мортлён ‘человеческий’), отиръ лэнъ (отирлён ‘народа’); госпо=динъ лысь (господинліс ‘господина’); Ънъ лэ (Енлö ‘Богу’), Петыръ лэ (Петырлö ‘Петру’), вонъ лэ (вонлö ‘брату’), зонъ лэ (зонлö ‘сыну’), езъ лэ (йöзлö ‘народу’), кэзянъ лэ (кёзянлö ‘хозяину’), мортъезъ лэ (морттэзлö ‘человекам’), отиръ лэ (отирлö ‘народу’); Іисусъ кэть (Иисускöt ‘с Иисусом’), ны кэть (ныкöt ‘с ними’), вълэтчисьезъ кэть (вэлётчиссезкöt ‘с учениками’), учжалысьезъ кэть (уджалиссезкöt ‘с работниками’); кэдъ сянь (кёдсянь ‘через которого’), мортъезъ сянь (морттэзсянь ‘от человеков’), гортъ сянь (гортсянь ‘из дома’), олэмъ сянь (олдомсянь ‘от жизни’), эмъ сянь (ёмсянь ‘из уст’); кулэмъ езъ сись (кулёммезис ‘из мертвых’).

Что же касается тех случаев, где падежному показателю в коми соответствует падежный показатель в русском, то здесь, вероятно, имело место написание <ъ> перед суффиксом по аналогии.

Вполне логичными выглядят и несколько случаев употребления <ъ> после первого компонента сложного слова: быдълунся (быдлунся ‘ежедневный, насыщенный’), мэдълапэлэ ~ мэдлапэлэ (мёдлапёлö ‘на другой берег’), медъбы ~ медбы (медбы ‘чтобы’).

Как видно из вышеприведённых списков, во всех указанных позициях, за исключением конечной позиции в слове, употребление <ъ> нередко факультативно. Написания без <ъ> здесь также весьма частотны и, более того, однозначно превалируют.

3.8. <θ>

Ещё одним экзотизмом старой русской орфографии в текстах является фита <θ>, которая используется исключительно в собственных именах и в цитате: Аримафеасянь ‘из Аримафеи’, Виффагіаэ ‘в Виффагию’, Вифлеемынъ ~ Вифлеемынь ‘в Вифлееме’, Вифсаида, Гевсиманіа, Матвейсянь ‘от Матвея’ ~ Матфей, Неф-Фалимскэй, Фамарасянь ‘от Фамари’; салах=θани.

3.9. <x>, <ф>, <ц>, <щ>

Буквы <х>, <ф>, <ц> и <щ>, которые в современном коми языке встречаются лишь в русских заимствованиях и традиционно произносятся как [k], [p], [tʃ]/[s] и [ʃ]/[ʃʃ] соответственно, в рассматриваемой рукописи чаще всего сохраняются без графической адаптации к коми произношению.

Буква <х>: Архелай, Ахазъ, Ахимъ, Варахінъ лэнъ ‘Варакина’, Захарь, Іери-хонъсись ‘из Иерихона’, Іехонія, Іехоніаэс ‘Иехонию’, Ра=хавасянь ‘от Рахавы’, Рахиль, алах=θани; гръхъ, дидрахма, храмынь ‘в храме’, сохранитчись ‘сохранился’, мъхъезъ ‘меха’, духъезъ=вылъинъ ‘над духами’, ехиднаись ‘ехидны’; вариативные написания основ: Кристосъ ~ Христосъ, архиерейезъ ‘архиереи’ ~ аркіерей ‘архиерей’, Хотя ~ кэтя ‘хотя’, хулитэ ~ кулиш ‘хулит’, Пастухъезъ ‘пастухи’ ~ пастукъ ‘пастух’; исключения единичны: паска ‘пасха’, крэкаезъ ‘крохи’.

Буква <ф> главным образом представлена в именах собственных: Алфейлэнъ ‘Алфея’, Варфоломей, Вифаніаэ ‘в Вифанию’, Вифлеемынъ ‘в Вифлееме’, Гольгофа, Іосафатэс ‘Иосафата’, Іосифъ, Іоафамъ, Каіафа, Матфанъ, Матфей, Неф-Фалимскэй, Руфасянь ‘от Руфы’, Салофіиль, Фадеенъ ‘Фадеем’, Фаресь, Филипъ, Фома; фарисейезъ ‘фарисеи’.

Буква <ц> в заимствованиях: лицемъръезъ ‘лицемеры’, скупецълэ ‘скупцу’, купецъезъ ‘купцы’, пятница, царь, царица, царскэй ‘царский’, царства ~ царствэ ~ царство, царствуйтэ ‘царствует’, ыб цвътъезъ ‘полевые лилии (букв.: цветы)’, цэнаэ ‘за цену’. Вариативные написания: багряницаезъ ~ багряничаезъ ‘багряницу’, житница ~ житничаэ ‘в житнице’. Для сравнения приведём случаи, где написание русских слов с <ц> дано исключительно в коми адаптации: вънечь ‘венец’, ослича ‘ослица’, смоковница ‘смоковница’, стеклянича ‘стекляница’. Кроме того, буква <ц> изредка используется для обозначения сочетания [ts] в исконно коми словах: быдца быдца-|ен (быдса быдсаён ‘совершенным’), быдценъ (быдсон ‘целиком’), китцаласъ (кытсалас ‘прокричит’), китцасемъ (кытсасъём ‘крик’), ордиэ (ортсö ‘мимо’), отцаль (отсав ‘помоги’), отцалысьсезэнъ (отсалиссезён ‘сообщниками’).

Буква <щ>: не-|частье / щастливэй, нищайезлэ ‘нищим’, священникъезъ ‘священники’, тioща, товарищъезъсэ ‘товарищей’; зафиксированы одна вариация: еще ~ ешие, и один случай коми адаптации: зборицкъезъ ‘сборщики’ / сборщик.

3.10. <чж>

Как уже отмечалось, единственной орфографической инновацией в тексте Евангелия является лигатура <чж>, представляющая собой слитное написание <ч> и <ж>. Её левый компонент полностью соответствует букве <ч>, штамб которой совпадает с левым штамбом второго компонента — стилизованно начертанной буквы <ж> (см. рис. 1).

В исследуемом тексте графема <чж> используется для обозначения звонких аффрикат — постальвеолярной [dʒ] и палатальной [dʒ̥].

3.10.1. Случаи обозначения данной лигатурой палатальной звонкой аффрикаты [dʒ̥] в основах: *ачжечжини* (адззыны ‘видеть; найти’), *вичжь* (видз ‘луг’; ‘соблюдай’), *вичжсалны* (видзавны ‘поститься’), *вичжны* (видзны ‘соблюдать, иметь, сберечь’), *вичжсетны* (видзётны ‘смотреть’), *гырдчжи* (гырдзза ‘локоть’), *чжебны* (дзебны ‘похоронить, погребать’), *чжепчисьны* (дзебиссыны ‘скрыться’), *чжескыть* (дзескыт ‘тесный, узкий’), *кэчжны* (кёдзны ‘сеять’), *кэчжиль* (кёдзыв ‘звезда’), *кэчжись* (кёдзис ‘посеял’ и кёдзыс ‘семя’), *кэчжисть* (кёдзит ‘холодный’), *кычжи* ~ *кычжь* (кыдзи, кыдз ‘как’), *лэчжны* (лэдзны ‘отпустить, прощать’), *Мувичжись* (мувидзись ‘царь’), *мычжисэ* (мыдзисё ‘устали, изнурились’), *некычжь* (некыдз ‘никак’), *несычжь* (не сидз ‘не так’), *очжь* (одз ‘рано’), *очжастъ* (одзат ‘перед тобой’), *очже* (одз ‘перед’), *очжинъ* (одзын ‘перед’), *очжасъ* (одзас ‘перед’), *очжты* (одзти ‘прежде’), *очжесны* (одзёстны ‘занять’), *эчжечжись* (öödzis ‘бросилось бежать’), *тичжесеъзъ* (тидзёссэз ‘колени’), *сычжь* (сидз ‘так’), *Ечжь* (эдз ‘так’).

Та же буква в значении палатальной аффрикаты [dʒ̥] в суффиксе терминатива -эчжь (-öödz ‘до’): *вирэчжь* (вирöödz ‘до крови’), *Давидэчжь* (Давидöödz ‘до Давида’), *Бнъ=вълтэчжь* (енвеевтöödz ‘до небес’), *кулэмэчжь* (кулёмдз ‘до смерти’), *энэчжь* (ёнöödz ‘доныне’), *понэчжь* (помöödz ‘до конца’), *рыты-лэчжь* (рытылöödz ‘до запада’) и др.

Она же как компонент суффикса порядкового числительного -эчжь (-öödz): *дасэчжь* (дасöödz ‘десятая’), *дасъ|этыкэчжь* (дасöткöödz ‘одинадцатая’), *куимэчжь* (куимöödz ‘третья’), *эмымсэчжь* (öкмысöödz ‘девятая’), *этыкэчжь* (öткöödz ‘первая’), *сизимэчжь* (сизимöödz ‘седьмая’).

3.10.2. Обозначение лигатурой <чж> постальвеолярной звонкой аффрикаты [dʒ] в основах: *чжагэтчись* (джагётчис ‘удавился’), *чжекъ* (джек ‘стул, седалище’), *вучжисэ* (вуджисё ‘переправились’), *учжалны* (уджавны ‘работать, служить’), *ычжистъ* (ыджыт ‘большой, великий; господин’), *мэдъ нібчжь* (мёднёж ‘по другому, иначе’), *учжь* (удж ‘дело; бремя’).

В этом же фонетическом значении лигатура <чж> представлена в суффиксе компаратива -чжик (-жык, диал. -джык): *бычемчжикъ* (бытишöмжык ‘лучше’), *вылынчжикъ* (вылынжык ‘выше’), *выначжикъ* (вынаажык ‘сильнее’), *долытчжикъ* (долытжык ‘отраднее’), *кокнитчжикъ* (кокнитжык ‘легче, лучше’), *неуначжикъ* (не унаажык ‘ненамного больше’), *очжчжикъ* (оджык ‘прежде’), *эдденчжикъ* (öддьёнжык ‘ещё больше’), *умэльчжикъ* (умёльжык ‘хуже’), *ычжистчжикъ* (ыджытжык ‘больше’) и др.

3.11. <ч>

Если для обозначения звонких аффрикат в пермяцком Евангелии была создана специальная лигатура <чж>, то для передачи их глухих вариантов использовано готовое решение из русской графики — буква <ч>. И это вполне объяснимо: звонким коми аффрикатам в русском языке соответствий нет, а одна из глухих аффрикат акустически близка русской <ч> [tʃ]. В результате в тексте графемой <ч> передаются обе глухие аффрикаты — как постальвеолярная [tʃ], так и палатальная [tʃ̥].

3.11.1. Случаи использования буквы <ч> для постальвеолярной [tʃ]: *бычемъ* (бытишöм ‘хороший’), *еча* (етша ‘мало’), *кучъезъ* (кутишез ‘орлы’), *кучемъ* (кытишöм ‘какой’), *некучэмъ* (некутишöм ‘никакой’), *пычъесэ* (пытишёс ‘внутренность’), *сучкисъ* (сutiкисъ ‘макнувший’), *нечкыны* ~ *нечь-кыны* (нечкыны ‘выдёргивать, срывать’), *сэтчемъ* ~ *сэччэмъ* ~ *сэччэмъ* (сэтишöм ‘такой’), *чэктысъ* ~ *чектысъ* (тишöкти ‘велел, приказал, понудил, заповедал, позволил’), *чэчъ* ~ *чечъ* (тишöти ‘вместе’), *чигъенъ* (тишигёй ‘не евшиими’), *чикасъ* (тишикас ‘испортился, потеряет силу’), а также в послелогах с основой *пычк-* (пытик- ‘внутр-’): *асъ пыч-кинъ* (ас пытикын ‘в себе’), *би пычкэ* (би пытикё ‘в огонь’), *ва пычкасъ* (ва пытикас ‘внутр-’), *житница пычкэ* (житница пытикё ‘в житницу’), *изъ пыч-кинъ* (из пытикын ‘в камне’), *корабъ пычкасъ* (корабль пытикас ‘в лодку’), *кэдъ пычкынъ* (кёд пытикын ‘в котором’), *кы=мэръ пычкисъ* (кымöр пытикисъ ‘из облака’), *сыпичьсянъ* (сы пытилсян ‘из неё’).

Рис. 1. <чж>

3.11.2. Случаи передачи палатальной [t̪] более многочисленны, они встречаются как в заимствованной, так и в исконной лексике.

В русских заимствованиях: *что ~ што*; *не-|чать, подсвъч=|никъ, тысяча, черта, язычникъ, въчнэй* (вечнöй ‘вечный’), *пророческэй* (пророческой ‘прореческий’), *праведничес=|кзй* (праведнической ‘праведнический’), *беззаконничайтэ* (беззаконничайтö ‘прелюбодействует’), *отвъчайтъсь* (отвечайтis ‘сказал в ответ’), *чертогъе=|зынь* (чертоггезын ‘в чертогах’), *честъ=|тэгъ* (честътöг ‘без чести’), *чудесаезъ* (чудесаэз ‘чудеса’), *чудэ* (чудо ‘чудо’), *сычасынъ* (сы часын ‘в тот самый час’); *вънечъ* (венеч ‘венец’), *ослича* ‘ослица’, *смоковница* ‘смоковница’, *стеклянича* ‘стеклянича’, *алавастровый сосуд*.

В исконных корнях: *ачимъ* (ачым ‘я сам’), *ачить* (ачыт ‘ты сам’), *ачисъ* (ачыс ‘он сам’), *вачкисэ* (вачкисö ‘ударили’), *вичку* ‘церковь’, *личалысэ* (личалисö ‘ослабели’), *озъ печкэ* (оз печкö ‘не прядут’), *ручъезъ* (руччез ‘лисицы’), *тэнчить* (тэнчит ‘твоего’), *учетъ* (учёт ‘малый’), *чанэсъ* (чаньös ‘жеребёнка, ослёнка’), *чапкысэ* (чапкисö ‘бросили’), *чегисъ* (чегис ‘переломил’), *оз чегэть* (оз чегёт ‘не переломит’), *челядъ* ‘дети’, *черь* (чер ‘топор, секира’), *чери* ‘рыба’, *чомъясъ* (чомъяс ‘в комнату’), *чорзетчъ* (чорзъётчis ‘огрубело’), *чіотысь-|езъ* (чотиссез ‘хромые’) ~ *чіотэмъезэс* (чотёммез ‘хромые’), *чочкэмъ* (чочком ‘бела’) ~ *чіочкэмъезъ* (чочкоммез ‘белыми’), *челтысэ* (чёвтисö ‘раздели, сняли’), *чужсны* ‘родиться’, *чужэмъ* (чужём ‘лицо; порождение’), *чужстыны* ‘приносить (плоды)’, *чукляликэ* (чуклялïк ‘кивая’), *чулаласъ* (чулалас ‘прейдёт’), *чуненъ* (чуньён ‘пальцем, перстом’), *чишкэтэмъ* (чишкётём ‘вымененным’), *чишианэнъ* (чишиянён ‘плащаницею’), *шуч=|кэпъ* (шучкöп ‘насквозь’), *чожса* ‘скоро, тотчас’ ~ *чіожачжисъ* (чожажсык ‘скорее’), *чукэръ=|тасэ* (чукёртасö ‘соберут’) ~ *чюкэртэ* (чукёртö ‘уберите’).

3.11.3. В связи с употреблением буквы <ч> отметим одну орфографическую особенность. Когда фонема [t̪] оказывается на стыке морфем в позиции после [t], [d] и перед гласной, то в коми языке происходит ассимиляция предшествующей согласной, в результате чего возникает удвоение [t̪t̪]. В Евангелии 1823 г. такая геминация фиксируется весьма нечасто, да и то лишь как вариант написания: *виччися* (видзчися ‘жду’) ~ *витчисель керъ* (видзисьёв кер ‘потерпи’), *соч-|чисъ* (сотчис ‘погорело’) ~ *сотчисены* (сотчисьёны ‘сжигаюся’), *судиччемъ* (судитчом ‘судный’) ~ *судитчасъ* (судитчас ‘осудится’), *тач-|че* ~ *татчэ* (татчö ‘сюда’), *чеччасъ* ~ *четчасъ* (чеччас ‘восстанет’), *шоччисяятэ* (шоччисяятö ‘почиваете’) ~ *шотчисемъ* (шоччисьём ‘покой’). Как видно, альтернативой обычно является написание с «опорным» <t>. Частично, это просто условное написание, например *мытчалэны* (мытчалёны ‘показывают’), *лэтчисъ* (лэдзчис ‘сошел’)¹¹. В подавляющем же большинстве случаев хорошо просматривается морфологическое членение, как и в современной норме: *бергэтчисъ* (бергётчis ‘обратился’), *бо=|житчины* (божитчины ‘божиться’), *бэбэтче* (бёбётчö ‘снаблазняется’), *озъ паныть кутчи* (оз паныт кутчи ‘не воспрекословит’), *палкэтчисъ* (павкётчis ‘прикоснулся’), *сэтчань* (сэтчань ‘туда’), *эдэ кайтчэ / эзъ кайтче* (эдö кайтчö ‘не раскаялись’), *янсэтчины* (янсётчины ‘развестись’) и др.

В позиции после сонорной при морфологически ожидаемом *t* удвоения не происходит, и суффикс на письме, как правило, не восстанавливается: *гажстэмчисэ* (гажстёмтчисö ‘опечалились’), *пондтэмчасъ* (пондтёмтчас ‘кончится’), *умэльчемэнъ* (умёльчёмён ‘исхудавшими’).

Для современного носителя коми языка использование единой графемы для обозначения постальвеолярной и палатальной аффрикат (<чж> для [dʒ] и [d̪z], <ч> для [tʃ] и [t̪]) может показаться необычным, поскольку позднейшая орфографическая традиция закрепила для них раздельные обозначения. Однако подход создателей текста рукописи вполне вписывается в логику русского письма, где одна буква может обозначать и твёрдый, и мягкий вариант согласного (например, *рад* ~ *ряд*, *сэр* ~ *сер*, *луб* ~ *люб*). Другое дело, что, в отличие от русского языка, где принципы обозначения мягкости/твёрдости довольно системны, в исследуемом тексте они проводятся непоследовательно. Мягкость может как обозначаться специально, так и не обозначаться, например в одной основе: *чочкэмъ* ‘белый’ и *чіочкэмъезъ* ‘белые’ (в обоих случаях [t̪eo-]), *чукэръ=|тасэ* ‘соберут’ и *чюкэртэ* ‘уберите’ (в обоих случаях [t̪eu-]). Более того, даже графический контекст порой не позволяет точно определить, твёрдая перед нами аффриката или мягкая, ср.: *сучкисъ* [sutʃkisə] ‘обмакнувший’ и *вачкисэ* [vat̪ekisə] ‘ударяли’.

3.12. Палатальность

Проблема необозначения мягкости согласных в исследуемой рукописи не ограничивается только аффрикатами. Орфография зачастую не отражает очевидную палатальность согласных как в позиции перед другой согласной, так и перед гласной.

¹¹ Интересно, что написание с <t> в этих словах было обычным в коми-пермяцких текстах даже в эпоху формирования общеноционального стандарта в 1920—30-е гг.

Примеры необозначения палатальности перед твёрдой согласной: *бостысь* (*босьтіс* ‘взял’), *висталны* (*вістлавны* ‘сказать, говорить, возвестить’), *вистасены* (*вістасьбыны* ‘говорят’), *въскыта* (*весъкыта* ‘прямо, истинно’), *казмэтчись* (*казъмётчис* ‘явился’), *кистань* (*кисстан* ‘пролитие’), *космись* (*косъмис* ‘засохла’), *мискалысь* (*мисъкаліс* ‘умыл’), *остысь* (*осътіс* ‘открыл, отверз’), *паскэмь* (*пасъкём* ‘одежда’), *пастась=лысь* (*пастасыліс* ‘одевался’), *огъ сускись* (*ог сусъкись* ‘не отрекусь’), *систэ* (*сісътö* ‘изводит’), *ускэ|тчемэнь* (*усъкётчомён* ‘павши’), *аснысь* (*асыныс* ‘они сами’), *кълмисны* (*кевмисыны* ‘помолиться’), *шептасны* (*шептасыны* ‘колоситься’), *быгылтысь* (*быгылтіс* ‘отвалил, откатил’).

Примеры необозначения палатальности перед гласной: *вилэ* (*вильö* ‘новое’), *умэлэ* (*умёльö* ‘злое’), *челядэсь* (*челядьöс* ‘детей, дитя’), *чанэсь* (*чаньöс* ‘ослёнка’), *Велэтысэ!* (*велётись!* ‘учитель!’), *памяте* (*памятьö* ‘в память’), *смертэ* (*смертьö* ‘на смерть’), *Израилэнь* (*Израильён* ‘Израилем’), *Изра=илэсь* (*Израильöс* ‘Израиля’), *Зороваве=лэсь* (*Зоровавельöс* ‘Зоровавеля’), *Салофиилэсь* (*Салофиильöс* ‘Салофииля’), *кватэтъ* (*кватъёт* ‘шестой’); *лэсалась* (*лöсялас* ‘случится’); *мытчись* (*мыччисис* ‘явился’), *пэрьясысь* (*пöръясись* ‘искуситель’); *мытчесэ* (*мыччисьö* ‘мнится’), *бостасэ* (*босьтасьö* ‘берётся’), *заптысэ* (*заптысьö* ‘готовьтесь’), *мытчасэ* (*мыччасьö* ‘кажется’), *озъ гётрасэ* (*оз гётрасьö* ‘не женятся’), *оссэ* (*оссъö* ‘отверзнется’), *шу-|сэ* (*шустьö* ‘называется’), *эдэ шусэ* (*эдö шустьö* ‘не называйтесь’), *еđъ тэж=|дысэ* (*ед тёждисьö* ‘не заботьтесь’); *пуксэтысэ* (*пуксьётисö* ‘посадили’), *ползысэ* (*позвисö* ‘устрашились’), *едэ ползэ* (*едö повзъö* ‘не ужасайтесь, не бойтесь’), *лолзэмь* (*ловзъём* ‘воскресение’); *шузтэ* (*шюётë* ‘возвестите’).

В рамках общей графической непоследовательности наблюдается также смешение букв *<ъ>* и *<ь>* в конечной позиции, что может объясняться банальной ошибкой переписчика: *бъдь* ~ *бъдъ* (*бедь* ‘трость’), *янсэтчемись* (*янсётчомись* ‘от распада’), *учжасысь* (*уджасліс* ‘трудящийся’), *вълалысь* (*велаlіс* ‘навыкнувший’), *дынысь* (*дыніс* ‘от’), *Терпитысь* (*терпітись* ‘претерпевший’), *огъ сускись* (*ог сусъкись* ‘не отрекусь’) и др.

4. Заключение

Как видно, первый известный нам крупный текст на коми-пермяцком языке демонстрирует непоследовательность в графике и орфографии. Так, для обозначения одного гласного [e] использованы четыре разные буквы: *<э>*, *<е>*, *<ѣ>*, *<ѣ>*. Хотя прослеживаются некоторые тенденции преимущественного употребления этих букв в позиционном плане (*<ѣ>* — в начале слова, *<ѣ>* — после парных твёрдых согласных, *<е>* — после мягких, *<ѣ>* — в определённых корнях), последовательного применения этих правил не наблюдается. Причём эти же самые графемы могут использоваться и для обозначения специфической коми гласной [э], где тенденции преимущественного употребления той или иной буквы будут иные.

В свою очередь, звук [i] представлен тремя графическими реализациями — *<и>*, *<ї>* и *<ы>*, из которых *<ї>* — чисто позиционный вариант в духе старой русской традиции, а *<ы>* может указывать на предшествующий парный твёрдый согласный (что отмечено и в других памятниках коми письменности дореволюционного периода, правда, в более рациональной форме *<ы>*). Парадоксальным образом в рассматриваемой рукописи буквы *<и>* и *<ы>* могут обозначать также гласную [i] (наряду с *<ы>*), в том числе в йотированных позициях.

К недостаткам можно отнести многочисленные случаи необозначения мягкости согласных. Впрочем, подобные отклонения зафиксированы также в рукописных текстах зырянской и удмуртской традиций (см. [Безенова 2022; Сажина 2023] и др.), так что невольно возникает вопрос о степени типичности данного явления.

Обозначение современной *<ё>* как *<иö>* ~ *<io>* вполне соответствует кириллической традиции и также встречается в удмуртских памятниках (см. [Ившин 2010] и др.). В русле той же традиции последовательно употребляется конечная *<ъ>*, которая в ряде случаев появляется и перед суффиксами, начинаяющимися с согласного. Последнее опять же отмечено не только в истории коми письменности, но и в старых текстах на удмуртском.

Единственной «нерусской» графемой в данной рукописи является уникальная лигатура *<чж>*, обозначающая звонкие аффрикаты. Она зафиксирована и в двух других памятниках коми-пермяцкой письменности того же периода: пермяцко-русском лексиконе, приписываемом иерею Г. К. Чечулину [Гайдамашко 2023: 361], и грамматическом очерке протоиерея Ф. Ф. Любимова 1838 г. (см. [Краткія грамматическія правила 2007]). Все эти три рукописи, как можно предположить, тесно связаны между собой. В рассматриваемом тексте *<чж>* обозначает как твёрдую, так и мягкую звонкую аффрикату, соответственно буква *<ч>* передаёт обе глухие аффрикаты, что также свидетельствует о непоследовательности.

Буквы *<ф>*, *<х>*, *<ц>*, *<щ>*, обозначающие нехарактерные для коми языка звуки, в основном сохраняются в русских заимствованиях, но спорадически заменяются на эквиваленты, соответствующие коми произношению. Буква *<ц>* зафиксирована также в ряде исконных коми слов для передачи сочетания [ts].

Таким образом, графика и орфография рукописи пермяцкого Евангелия 1823 г. полностью отвечает всем критериям рукописного текста начального этапа письменности, для которого характерны высокая вариативность и — шокирующая носителя современного литературного языка — непоследовательность употребления тех или иных форм (см. [Кельмаков 2008]). Своими вариантами решения различных проблем графического отображения коми произношения данный текст занимает уникальное место в истории письменной традиции пермских языков.

Впрочем, вполне возможно, что некоторые отклонения от современных норм, выявленные при разборе графики и «орфографии» нашего памятника, отражают особенности диалекта, положенного в основу перевода. Анализу специфических черт фонетики базового диалекта, равно как и другим лингвистическим аспектам пермяцкого Евангелия 1823 г., будут посвящены последующие работы в рамках настоящего проекта.

Сокращения

1, 2, 3 л. — 1-е, 2-е, 3-е лицо	мн. ч. — множественное число
вин. пад. — винительный падеж	наст. вр. — настоящее время
вступ. пад. — вступительный падеж	отд. пад. — отдалительный падеж
глаг. — глагол	перех. пад. — переходный падеж
дат. пад. — дательный падеж	повел. накл. — повелительное наклонение
деепр. — деепричастие	порядк. числ. — порядковое числительное
диал. — диалектный вариант	предик. — предикатив
дллит. вид — длительный вид	прил. — прилагательное
дост. пад. — достигательный падеж	прит. пад. — притяжательный падеж
ед. ч. — единственное число	прич. — причастие
зват. форма — звательная форма	прош. вр. — прошедшее время
исх. пад. — исходный падеж	род. пад. — родительный падеж
каузат. — каузатив	рус. — русское
лиш. пад. — лишительный падеж	соед. пад. — соединительный падеж
л. — лицо	сравн. ст. — сравнительная степень
	твор. пад. — творительный падеж

Литература

- Баталова 1975 — *Р. М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология*. М., 1975.
- Безенова 2022 — *М. П. Безенова. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. III: Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX – начала XX в.* М., 2022.
- Гайдамашко 2023 — *Р. В. Гайдамашко. Из истории рукописных памятников коми-пермяцкой письменности конца XVIII — начала XX веков: авторы, жанры, диалекты* // Вестник угреведения. 2023. Т. 13, № 2 (53). С. 357—366.
- Гайдамашко 2024 — *Р. В. Гайдамашко. Рукописное Евангелие от Матфея на коми-пермяцком языке начала XIX века: археографическое описание списков* // Вестник угреведения. 2024. Т. 14, № 4. С. 630—637.
- Гайдамашко 2025 — *Р. В. Гайдамашко. Из истории Евангелия от Матфея на коми-пермяцком языке начала XIX в.* // Пермистика 20: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сборник статей / [Отв. ред. О. В. Титова]. Ижевск, 2025. С. 74—82.
- Грейдан, Пономарева 2010 — *А. Грейдан, Л. Г. Пономарева. Влияние библейского перевода на развитие коми-пермяцкого языка* // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения / [Отв. ред. К. Т. Гадиля]. М., 2010. С. 202—211.
- Ившин 2010 — *Л. М. Ившин. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века*. Екатеринбург: Ижевск, 2010.
- Ившин 2015 — *Л. М. Ившин. Диалектные особенности первого Евангелия от Иоанна на удмуртском языке* // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сборник статей / [Сост., отв. ред. О. В. Титова]. Ижевск, 2015. С. 107—112.
- Кельмаков 2007 — *В. К. Кельмаков. Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка* // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2007, 5 (1). С. 17—24.
- Кельмаков 2008 — *В. К. Кельмаков. О языке первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка* // В. К. Кельмаков. Очерки истории удмуртского литературного языка. Ижевск, 2008. С. 49—105.

Краткія грамматические правила 2007 — Краткія грамматические правила принадлежація къ знанію пермяцкаго языка составленныя города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Феодоромъ Любимовыемъ 1838 года февраля 8-го дня / [Автор идеи проекта и отв. ред. А. С. Лобанова]. Пермь, 2007. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. V.)

Кривоцекова-Гантман, Ратегова 1980 — А. С. Кривоцекова-Гантман, Л. П. Ратегова. Коми-пермяцкие говоры. Пермь, 1980.

Міланъ Господълёнъ 1823 — Міланъ Господълёнъ Іисусъ Христосълёнъ святой Евангеліе Матеясланъ [Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея]. СПб., 1823.

Ӧнъё Лав 2010 — Ӧнъё Лав. Лингвистический анализ первых изданий Евангелия на коми-пермяцком языке // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения / [Отв. ред. К. Т. Гадилия]. М., 2010. С. 212—225.

Сажина 2023 — С. А. Сажина. Пермяцкий материал в рукописи «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесерменского говора»: графические и диалектные особенности // Вестник угреведения. 2023. Т. 13, № 2 (53). С. 276—284.

Тверские переводные памятники 2020 — Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX века / Сост., ред., авт. вступ. ст. Л. Г. Громова, И. П. Новак. Петрозаводск, 2020.

Терюков 2008 — А. И. Терюков. Из истории перевода Священного Писания на язык коми-зырян (П. И. Савватитов и Г. С. Лыткин) // Христианство в регионах мира. Вып. 2 / Отв. ред. Т. А. Бернштам, А. И. Терюков. СПб., 2008. С. 229—245.

Тихомиров 2007 — Б. А. Тихомиров. Начало истории русского перевода Библии и Российское библейское общество // Христианское чтение. 2007, 28. С. 111—146.

Феоктистов 2008 — А. П. Феоктистов. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008.

Чистович 1899 — И. А. Чистович. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899.

Ďžunková 2024 — K. Džunková. Vybrané problémy pravoslávneho misionárskeho prekladu do natívnych jazykov Ruského impéria (1721—1917) // Verba theologica. 2024. R. XXIII. Č. Supplementum. S. 39—63.

References

Batalova 1975 — Р. М. Баталова. Komi-permyackaya dialektologiya. Moskva, 1975. {R. M. Batalova. Komi-permyak dialectology. Moscow, 1975.}

Bezenova 2022 — М. П. Безенова. Kirillicheskie pamyatniki na ural'skih i altaiskikh yazykakh. Т. III: Pamyatniki pis'mennosti na pyati dialektakh udmurtskogo yazyka kontsa XIX — nachala XX v. Moskva, 2022. {M. P. Bezenova. Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. III: Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late 19th — early 20th centuries. Moscow, 2022.}

Chistovich 1899 — И. А. Чистович. Iстория перевода Библии на русский язык. 2-е изд. Sankt-Peterburg, 1899. {I. A. Chistovich. History of the Translation of the Bible into Russian. 2nd ed. St. Petersburg, 1899.}

Ďžunková 2024 — K. Džunková. Vybrané problémy pravoslávneho misionárskeho prekladu do natívnych jazykov Ruského impéria (1721—1917). In: Verba theologica. 2024. R. XXIII. Č. Supplementum. S. 39—63. {K. Džunková. Selected Problems of Orthodox Missionary Translation into the Native Languages of the Russian Empire (1721—1917). In: Verba theologica. 2024. Vol. XXIII. Supplementum. P. 39—63.}

Enye Lav 2010 — Enye Lav. Lingvisticheskii analiz pervykh izdanii Evangeliya na komi-permyackom yazyke. In: Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения / [Отв. ред. К. Т. Гадилия]. М., 2010. С. 212—225. {Enye Lav. Linguistic analysis of the first editions of the Gospel in the Komi-Permyak language. In: Translation of the Bible as a factor in the development and preservation of the languages of the peoples of Russia and the CIS countries: problems and solutions / [Ed. K. T. Gadiliya]. Moscow, 2010. P. 212—225.}

Feoktistov 2008 — А. П. Феоктистов. Ocherki po istorii formirovaniya mordovskikh pi'smenno-literaturnykh jazykov. Саранск, 2008. {A. P. Feoktistov. Essays on the History of the Formation of the Mordvin Written and Literary Languages. Саранск, 2008.}

Gajdamashko 2023 — Р. В. Гайдамашко. Iz istorii rukopisnykh pamyatnikov komi-permyackoi pis'mennosti konca XVIII — nachala XX vekov: avtory, zhanry, dialekty. In: Vestnik ugrovedeniya. 2023. Т. 13, № 2 (53). С. 357—366. {R. V. Gaidamashko. From the history of handwritten monuments of Komi-Permyak writing of the late 18th — early 20th centuries: authors, genres, dialects. In: Bulletin of Ugric Studies. 2023. Vol. 13, No. 2 (53). P. 357—366.}

Gajdamashko 2024 — Р. В. Гайдамашко. Rukopisnoe Evangelie ot Matfeya na komi-permyackom yazyke nachala XIX veka: arkheograficheskoe opisanie spiskov. In: Vestnik ugrovedeniya. 2024. Т. 14, № 4. С. 630—637. {R. V. Gaidamashko. Handwritten Gospel of Matthew in the Komi-Permyak language of the early 19th century: archaeographic description of the copies. In: Bulletin of Ugric Studies. 2024. Т. 14, No. 4. P. 630—637.}

Gajdamashko 2025 — R. V. Gajdamashko. Iz istorii Evangeliya ot Matfeya na komi-permyackom yazyke nachala XIX v. In: Permistica 20: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami: sbornik statei / [Otv. red. O. V. Titova]. Izhevsk, 2025. S. 74—82. {R. V. Gaidamashko. From the history of the Gospel of Matthew in the Komi-Permyak language of the early 19th century. In: Permistica 20: Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages: collection of articles / [Rep. ed. O. V. Titova]. Izhevsk, 2025. P. 74—82.}

Grejdan, Ponomareva 2010 — A. Grejdan, L. G. Ponomareva. Vliyanie biblejskogo perevoda na razvitiye komi-permyackogo yazyka. In: Perevod Biblii kak faktor razvitiya i sokhraneniya yazykov narodov Rossii i stran SNG: problemy i resheniya / [Otv. red. K. T. Gadiliya]. Moskva, 2010. S. 202—211. {A. Greydan, L. G. Ponomareva. The Influence of Biblical Translation on the Development of the Komi-Permyak. In: Translation of the Bible as a Factor in the Development and Preservation of the Languages of the Peoples of Russia and the CIS Countries: Problems and Solutions / [Ed. K. T. Gadiliya]. Moscow, 2010. P. 202—211.}

Ivshin 2010 — L. M. Ivshin. Stanovlenie i razvitiye udmurtskoi grafiki i orfografi v XVIII — pervoi polovine XIX veka. Ekaterinburg; Izhevsk, 2010. {L. M. Ivshin. Formation and Development of Udmurt Graphics and Orthography in the 18th — First Half of the 19th Century. Yekaterinburg; Izhevsk, 2010.}

Ivshin 2015 — L. M. Ivshin. Dialektnye osobennosti pervogo Evangeliya ot Ioanna na udmurtskom. In: Permistica 15: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami: Sbornik statei / [Sost., otv. red. O. V. Titova]. Izhevsk, 2015. S. 107—112. {L. M. Ivshin. Dialectal Features of the First Gospel of John in the Udmurt Language. In: Permistica 15: Dialects and History of the Permian Languages in Interaction with Other Languages: Collection of Articles / [Compiled, edited by O. V. Titova]. Izhevsk, 2015. P. 107—112.}

Kel'makov 2007 — V. K. Kel'makov. Ob “orfografi” pervopechatnogo Evangeliya ot Matfeya na “sarapul'skom narechii” udmurtskogo yazyka. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2007, 5 (1). S. 17—24. {V. K. Kel'makov. On the “spelling” of the first printed Gospel of Matthew in the “Sarapul dialect” of the Udmurt language. In: Bulletin of the Udmurt University. Philological sciences. 2007, 5 (1). P. 17—24.}

Kel'makov 2008 — V. K. Kel'makov. O yazyke pervopechatnogo Evangeliya ot Matfeya na “sarapul'skom narechii” udmurtskogo yazyka. In: V. K. Kel'makov. Ocherki istorii udmurtskogo literaturnogo yazyka. Izhevsk, 2008. S. 49—105. {V. K. Kel'makov. About the language of the first printed Gospel of Matthew in the “Sarapul dialect” of the Udmurt language. In: V. K. Kel'makov. Essays on the history of the Udmurt literary language. Izhevsk, 2008. P. 49—105.}

Kratkiya grammaticheskiya pravila 2007 — Kratkiya grammaticheskiya pravila prinadlezhashchiya k znaniyu permyatskogo yazyka sostavlenyya goroda Solikamska Svyato Troickago Sobora Protoiereem Feodorom Lyubimovym 1838 goda fevralya 8-go dnya / [Avtor idei proekta i otv. red. A. S. Lobanova]. Perm, 2007. (Trudy Instituta yazyka, istorii i tradicionnoi kul'tury komi-permyackogo naroda. Vyp. V.) {Brief grammar rules related to the knowledge of the Permian language compiled by the city of Solikamsk Holy Trinity Cathedral Archpriest Feodor Lyubimov on February 8, 1838 / [Author of the project idea and editor-in-chief A. S. Lobanova]. Perm, 2007. (Works of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Komi-Permyak People. Vol. V.)}

Krivoshchekova-Gantman 1980 — A. S. Krivoshchekova-Gantman, L. P. Rategova. Komi-permyackiye govory. Perm, 1980. {A. S. Krivoshchekova-Gantman, L. P. Rategova. Komi-Permyak dialects. Perm, 1980.}

Mijan Gospodlən 1823 — Mijan Gospodlən Iisus Xristoslən svyatəj Evangelijə Matfejşan [Gospoda nashego Iisusa Hrista svyatoe Evangelie ot Matfeya]. Sankt-Peterburg, 1823. {The Holy Gospel of our Lord Jesus Christ according to Matthew. St. Petersburg, 1823.}

Sazhina 2023 — S. A. Sazhina. Permyackii material v rukopisi “Materialy dlya sravnitel'nago slovarya zyuždinskago permyackago i glazovskago votskago narechii i besermenskago govora”: graficheskie i dialektnye osobennosti. In: Vestnik ugrovedeniya. 2023. T. 13, № 2 (53). S. 276—284. {S. A. Sazhina. Permyak material in the manuscript “Materials for a comparative dictionary of the Zyuzdin Permyak and Glazov Votyak dialects and the Besermyan dialect”: graphic and dialectal features. In: Bulletin of Ugric Studies. 2023. Vol. 13, No. 2 (53). P. 276—284.}

Teryukov 2008 — A. I. Teryukov. Iz istorii perevoda Svyashennogo Pisaniya na yazyk komi-zyryan (P. I. Savvaitov i G. S. Lytkin). In: Khristianstvo v regionakh mira. Vyp. 2 / Otv. red. T. A. Bernshtam, A. I. Teryukov. Sankt-Peterburg, 2008. S. 229—245. {A. I. Teryukov. From the history of the translation of the Holy Scripture into the language of the Komi-Zyrians (P. I. Savvaitov and G. S. Lytkin). In: Christianity in the regions of the world. Issue 2 / Ed. T. A. Bernshtam, A. I. Teryukov. St. Petersburg, 2008. P. 229—245.}

Tikhomirov 2007 — B. A. Tikhomirov. Nachalo istorii russkogo perevoda Biblii i Rossijskoe biblejskoe obshchestvo. In: Khristianskoe chtenie. 2007, 28. S. 111—146. {B. A. Tikhomirov. The Beginning of the History of the Russian Translation of the Bible and the Russian Bible Society. In: Christian Reading. 2007, 28. P. 111—146.}

Tverskie perevodnye pamyatniki 2020 — Tverskie perevodnye pamyatniki karel'skoj pišmennosti nachala XIX veka / Sost., red., avt. vstup. st. L. G. Gromova, I. P. Novak. Petrozavodsk, 2020. {Tver translated monuments of Karelian writing of the early 19th century / Compiled, edited, author of the introduction. L. G. Gromova, I. P. Novak. Petrozavodsk, 2020.}

Причинные и целевые адвербиальные клаузы в горномарийской речи

Хомченкова Ирина Андреевна,
Институт языкоznания РАН (Москва); irina.khomchenkova@yandex.ru

В статье описываются причинные и целевые полипредикативные конструкции в горномарийской речи на корпусном материале. Поскольку носители горномарийского языка владеют также русским, в их речи распространены заимствования, смешение и переключение кодов. В связи с этим особое внимание уделяется русским заимствованным союзам. Показано, что в причинных конструкциях употребляются русские союзы *потому что* и (реже) *так как*. Их использование можно объяснить «заполнением лакун», т. к. в горномарийском отсутствует исконный причинный союз. В целевых конструкциях используется постпозитивный союз *manân*, который сочетается с инфинитивом в односубъектных и с императивной/юссивной глагольными формами — в разносубъектных конструкциях. Этот союз может дублироваться препозитивным русским союзом *чтобы* («*štobə ... manân*») или полностью замещаться им («*štobə ...*»). На основе социолингвистических данных мы предполагаем, что употребление русского союза *чтобы* свидетельствует об усилении влияния русского языка. По нашему мнению, наличию русских союзов в клаузе (в том числе продублированных горномарийскими) способствует частичная конгруэнтность: в целевых клаузах используются похожие глагольные формы, но позиция союзов различается. Статистический анализ подтвердил значимое различие в использовании русского союза между односубъектными и разносубъектными конструкциями: в последних он употребляется гораздо чаще. Эта закономерность объясняется тем, что в горномарийском бессоюзный целевой инфинитив употребляется шире, чем в русском, что делает использование русского союза избыточным.

Ключевые слова: причинные конструкции, целевые конструкции, союз, горномарийский, русский, языковые контакты, заимствование

CAUSAL AND PURPOSE ADVERBIAL CLAUSES IN HILL MARI SPEECH

Irina A. Khomchenkova,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); irina.khomchenkova@yandex.ru

The paper describes causal and purpose biclausal constructions in Hill Mari (< Finno-Ugric) based on corpus data. Since Hill Mari speakers also actively use Russian, borrowings, code-mixing and code-switching are common in their speech. In this regard, special attention is paid to Russian borrowed conjunctions. It is shown that in causal constructions Russian conjunctions *potomu što* and (less often) *tak kak* ‘because’ are used, whose presence can be explained by the lack of the original Hill Mari clausal conjunction. Purpose constructions use the postpositive conjunction *manân* ‘in order to’ (“... *manân*”), which is combined with the infinitive and imperative/jussive verb forms in constructions with single subject and different subject, respectively. This conjunction can be duplicated by the prepositive Russian conjunction *štobə* ‘in order to’ (“*štobə ... manân*”) or replaced by it (“*štobə ...*”). First, I show that with regard to the use of the Russian conjunction, the difference between same-subject and different-subject constructions is statistically significant: the Russian conjunction is used more often in the latter type. This pattern can be explained by the fact that in Hill Mari, the conjunctionless purpose infinitive is used more widely than in Russian, thus, the presence of the Russian conjunction is redundant. Second, based on sociolinguistic data, I assume that the use of the Russian conjunction *štobə* is a consequence of the increasing influence of Russian. Finally, I claim that the presence of Russian conjunctions in the clause (including those duplicated by Hill Mari one) is facilitated by partial congruence: similar verb forms are used in purpose clauses, but the position of the conjunctions is different (prepositive *štobə* and postpositive *manân*).

Keywords: reason clauses, purpose clauses, conjunction, Hill Mari, Russian, language contact, borrowing

1. Введение

Значения причины и цели взаимосвязаны и в ряде языков выражаются одними и теми же средствами [Longacre 2007: 381; Thompson et al. 2007: 250; Hetterle 2015: 51—52]. Причинные и целевые конструкции бывают монопредикативными и полипредикативными, ср. *остался дома из-за болезни / потому что заболел; приехал для подписания договора / чтобы подписать договор*. Биклаузальные конструкции с синтаксической точки зрения состоят из главной и зависимой клауз, с семантической — из фокусной (focal) и вспомогательной (supporting), см. [Dixon 2009: 3]. При этом в причинных конструкциях зависимая клауза является вспомогательной, а в целевых — фокусной, ср. [SUPC *Because John has been studying German for years*], *he speaks it well* ‘Поскольку Джон изучал немецкий язык много лет, он хорошо на нем говорит’ и *John has been studying German for years*, [FOCC *in order that he should speak it well*] ‘Джон много лет изучал немецкий язык, чтобы хорошо на нем говорить’ [ibid.: 4].

В настоящей работе мы проанализируем устройство причинных и целевых финитных полипредикативных конструкций на материале корпуса горномарийского языка (< МАРИЙСКИЕ < ФИННО-УГОРСКИЕ < УРАЛЬСКИЕ). Горномарийский корпус¹ (далее — ГК) собран в с. Кузнецово и близлежащих деревнях Горномарийского района республики Марий Эл в 2016—2018 гг.; в него также включены тексты, опубликованные в [Акцорин 1991] (год записи — 1965) и [Саватеева 2005] (записи 2003 и 2005 гг.), относящиеся к тому же говору. На текущий момент объем ГК составляет около 63 500 словоупотреблений (всего 167 текстов). Основные жанры текстов, представленные в корпусе, — это рассказы из повседневной жизни, истории о селе, инструкции (правила игр, рецепты, описания маршрутов), сказки, а также эксперименты (описания визуальных стимулов). Медианный возраст носителей — 60 лет. Примерно половина из них имеет высшее образование, остальные — среднее или профессиональное. Все авторы текстов являются двуязычными и владеют как горномарийским, так и русским языком, причем для большей части людей горномарийский остается основным языком повседневного общения.

Поскольку абсолютное большинство носителей марийских языков² (98 % по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.³) — марийско-русские билингвы, в их речи распространены как заимствования (см., например, [Саваткова 1969]), так и переключение и смешение кодов (см., например, [Гаврилова 2013; Дьячков 2020]). Тем не менее марийские языки остаются достаточно сохранными. В частности, согласно [Шабыков и др. 2020; Кашкин 2023: 3—4], горномарийский язык передается детям и служит основным языком общения в повседневной жизни, особенно среди старшего и среднего поколений.

В данной статье описываются существующие стратегии кодирования полипредикативной причины и цели в горномарийском языке; особое внимание уделяется русским заимствованным союзам *потому что* и *чтобы*.

Монопредикативные (именные) причинные конструкции в горномарийском языке описаны в работе [Давидюк, Студеникина 2023], где характеризуется система конструкций с послелогами *gišän* ‘о’, *veldäk* ‘из-за’, *don(o)* ‘с’, *verc(ən)* ‘за’, *gəc(ən)* ‘EL’ и с обстоятельственным падежом *-eš* ‘LAT’. Мы же будем рассматривать только финитные полипредикативные конструкции. В [Рахман 2021] приведено описание свойства субъекта в целевых клаузах с горномарийским союзом для говора с. Микряково. Подобный анализ синтаксических свойств целевых клауз в исследуемом нами говоре с. Кузнецово выходит за рамки настоящей статьи.

Использование целевых и причинных союзов в речи марийцев отмечалось в [Гаврилова 2013] (*потому что, чтобы*), в [Саваткова 1969: 70] (*потому шты, ыштобы, ыштывы* ‘чтобы’), в [Саваткова 2002: 258] (*потомиštä, štäβä*) (см. также [Сибатрова 2016]). В [Галкин 1964: 179] и [Саваткова 2008: 209] в разных вариантах зафиксировано заимствование русского союза *потому что* (*потомушто, потому что, потомушты*); союз *чтобы* не упоминается.

В статье мы опишем, по какой модели русские союзы встраиваются в горномарийскую речь. Исследование опирается на типологические работы, в которых обсуждалось заимствование подчинительных союзов.

Будут рассмотрены следующие аспекты.

1. Существуют ли в языке-реципиенте (в горномарийском) исконные причинные и целевые союзы, которые использовались до заимствования русских союзов (далее мы будем называть их искон-

¹ <https://hillmari-exp.tilda.ws/corpus> (дата обращения: 31.01.2025).

² Некоторые авторы считают, что существует один марийский язык, внутри которого можно выделять диалекты (см., например, [Alhoniemi 1993: 13—17]). Мы рассматриваем горномарийский как отдельный язык вслед за [Лыткин, Майтинская (ред.) 1966: 221—254].

³ https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Т. 5 «Национальный состав и владение языками», Табл. 3. Население по национальной принадлежности, владению русским языком и его использованию; дата обращения: 31.05.2025).

- ными)? Если нет, то наличие соответствующего русского союза можно объяснить «заполнением лакун» [Thompson et al. 2007: 268—269].
2. Есть ли корреляция между социолингвистическими характеристиками носителей и частотой употребления ими русских союзов? Использование данных союзов может быть частью общей стратегии частого использования русской лексики, даже при наличии горномарийских аналогов.
 3. По какой модели заимствованный союз интегрируется в предложение? Какова его позиция в клаузе и как при этом кодируется глагол в языке-доноре и языке-реципиенте? Заменяет ли русский союз исконный или дублирует его? Остается ли глагольное кодирование таким же, как в языке-реципиенте, или меняется под влиянием языка-донора? Степень конгруэнтности между языком-донором и языком-реципиентом может влиять на частотность употребления союзов из языка-донора: если рассматриваемые конструкции похожи, то внедрение в эту структуру заимствованного союза оказывается более легким. О понятии конгруэнтности как о механизме регулирования структурных ограничений на контактно-обусловленные феномены см. [Harris, Campbell 1995: 123—125; Aikhenvald 2007; Sebba 2009; Besters-Dinger et al. (eds.) 2014].

2. Причинные клаузы

В горномарийском языке, по-видимому, отсутствуют исконные причинные союзы, употребляющиеся в полипредикативных конструкциях⁴.

В корпусе встретился единственный пример, переведенный с помощью союза *потому что*, но не содержащий его. В (1) используется лексема *sedändon(o)*, представляющая собой сочетание местоимения *sedä* ‘вот, тот’ [Саваткова 2008: 245] в генитиве и комитативно-инструментального послелога *dono*. На наш взгляд, при переводе этого примера более уместными были бы *поскольку* или *так как* — клауза с союзом *потому что* в русском языке не употребляется в препозиции по отношению к главной клаузе [Пекелис 2017б: 73].

- (1) *sedändon(o) ti vär-ëštä mast'er-vlä uke ðl-ën-ðt, tol-ën-ðt*
 поэтому этот место-IN мастер-PL NEG.EX быть-PRET-3PL приходить-PRET-3PL
ves vär-vlä gäc-än šukä edem cerkä-m stroj-aš.
 другой место-PL EL-FULL много человек церковь-ACC строить-INF
 (Потом уже из кирпича начали строить церковь.) ‘Потому что в этом месте мастеров не было, пришло из других мест много людей строить церковь’ [ГК: «История с. Кузнецово», 11].

Во всех остальных случаях (82 вхождения в корпусе) *sedändon(o)* указывает на следствие и переводится как ‘поэтому’, см., например, (2). А. А. Саваткова предлагает для *sedändon(o)* переводы ‘потому, потому что, поэтому, оттого что’ [Саваткова 2008: 245] и относит эту лексему к категории как причинных, так и следственных союзов [Саваткова 2002: 258—259]. Вместе с тем примеры с *sedändon(o)*, приведенные в разделе с причинными союзами в [там же: 258], выражают не причину, а следствие, как, например, в (3). Таким образом, мы считаем, что *sedändon(o)* всё же не имеет причинного значения.

⁴ Причинное значение может выражаться с помощью соположения клауз, см. пример (i) из Нового Завета на горномарийском языке (доступен по ссылке: https://finugorbib.com/bible/hill_mari/00_a_about_na.html), а также [Bradley 2025]. Таких примеров с соположением, переведенных с помощью союза *потому что*, в нашем корпусе не обнаружено.

- (i) *Легион майн-бän лäim-ем. Mä шуки-н ыл-ына.*
 легион я-GEN имя-POSS.1SG 1PL много-FULL быть-NPST.1PL
 ‘Легион имя мне, потому что нас много’ [Мк. 5:9].

Также в марийских языках засвидетельствованы коннекторы, состоящие из вопросительного слова ‘почему’, глагола речи и условного союза (ii), см. об этом [Bradley 2025]. В ГК таких единиц нет, что согласуется с наблюдениями Дж. Брэдли о том, что в горномарийском эта стратегия значительно менее распространена, чем в луговом марийском.

- (ii) *(...) дä ынгыл-ен шокты-де, малын ман-аи гäйнъ, ик-тäй-влä-жäй тидäй*
 и понимать-CVB достигать-NEG.PRET почему говорить-INF если один-FULL-PL-POSS.3SG этот
Иоанн колы-маш гäйц бäläjäc-бän ман-ын-ыт.
 Иоанн умирать-NMLZ EL оживать-PRET говорить-PRET-3PL
 ‘(Услышал Ирод четвертовластник о всем, что делал Иисус,) и недоумевал: ибо одни говорили, что это Иоанн восстал из мертвых’ [Лк. 9:7].

- (2) *sedändon tän'-än motocikäl-et a-k zavoj-alt.*
 поэтому ты-GEN мотоцикл-POSS.2SG NEG.NPST-3 заводить-MED
 (Вместо бензина налил тебе солярку.) ‘Поэтому не заводится твой мотоцикл’ [ГК: «Мотоцикл “Минск”», 130].

- (3) *piš truj-enä, sedändono jažo-n əl-enä.*
 очень трудиться-NPST.1PL поэтому хороший-ADV жить-NPST.1PL
 ‘Очень трудимся, поэтому хорошо живем’ [Саваткова 2002: 258].

В современной речи носителей используется заимствованный из русского языка союз *потому что* (4), который зафиксирован в корпусе 31 раз. Значительно реже встречается союз *так как* — всего 3 вхождения, см. (5)⁵. (Союз *так как* менее часттен, чем *потому что* и по данным НКРЯ [Пекелис 2017б: 71]; он также не характерен для русской разговорной речи [там же: 116].)

- (4) *a krol'ik juk-əm=at a-k lək potomu što tədə vosp'itannəj əl-ən.*
 а кролик звук-ACC=ADD NEG.NPST-3 извлекать потому что тот воспитанный быть-PRET
 ‘А Кролик не издает ни звука, потому что он воспитанный’ [ГК: «Пересказ мультфильма о Винни-Пухе», 83].

- (5) *sedändono, tak kak kornə-vlä xuda əl-ən-ət dä vas... vas'il'sursk do-nə sura gač*
 поэтому так как дорога-PL плохой быть-PRET-3PL и Васильсурск у-IN2 Сура через
mašinä-vlä, imn'i-vlä kängəz-əm parom dono vašt-alt-ən-ət,
 машина-PL лошадь-PL лето-ACC паром с перевозить-MED-PRET-3PL
a tel-əm i məč-kä kədal-əst-ən-ət.
 а зима-ACC лед конец-ILL2 бежать-ITER-PRET-3PL
 ‘Поэтому, так как дороги были плохими, и у Васильсурска через Суру машины, лошади летом на пароме переправлялись, а зимой по льду ездили’ [ГК: «Карта», 20].

Использование препозитивного союза *потому что* с финитными формами согласуется со стратегиями глагольного кодирования в горномарийском языке и не требует его перестройки; структура языков в данном аспекте является конгруэнтной. В частности, горномарийский допускает использование финитных форм в подчинительных клаузах. Дополнительным аргументом может служить частое употребление союза *sedändono* ‘поэтому’ с финитной клаузой, а также сама возможность выражения причинного значения с помощью соположения двух финитных клауз.

В корпусе встретился один «смешанный» пример (6), иллюстрирующий «частичный перевод» союза (‘потому’ на горномарийском, ‘что’ на русском), разделенный вводным словом (причем также заимствованным). ‘Потому’ переводится как ‘с тем’, см. похожую структуру у союза *sedändono* ‘поэтому’. Таким образом, перед нами — «расчлененный» вариант союза, аналогичный описанному для русского языка [Пекелис 2017б: 62].

- (6) *no sola-žə-n ləm-žə kod-ən*
 но деревня-POSS.3SG-GEN имя-POSS.3SG оставаться-PRET
tədə-n don=at, v'id'imo, što äpšät-šə ti-štə əl-ən.
 тот-GEN с=ADD видимо что кузнец-POSS.3SG этот-IN быть-PRET
 ‘Но название деревни осталось потому, видимо, что здесь были кузнецы’ [ГК: «Апшак-Пеляк», 16].

Помимо причинных союзов, в корпусе дважды засвидетельствован русский союз следствия *так что* (7)–(8), кратко описанный в [Эрцикова 2019]. Несмотря на то что придаточные следствия схожи как с причинными, так и с целевыми клаузами (и, например, в [Thompson et al. 2007] не выделяются в отдельный класс), мы не будем рассматривать данный союз. (Более того, наше исследование ограничивается подчинительными конструкциями, а союз *так как*, согласно [Пекелис 2013], в русском языке является сочинительным.)

⁵ Причинное значение в горномарийском языке также может выражаться с помощью заимствованной из русского лексемы *vet* ‘ведь’, см. [Bradley 2025]. Аналогичных примеров с *vet* в нашем корпусе не обнаружено.

- (i) *Tagačы ti pört-əniš ыттар-алт-маши толын,*
 Тагачы ты порт-бииш ыттар-алт-маши толын,
сегодня этот дом-ILL спасать-MED-NMLZ приходить-PRET
вəтəm ti эдəm=ət А враам-ын эргүй-жсй.
 ведь этот человек=ADD Авраам-GEN сын-POSS.3SG
 ‘Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама’ [Лк. 19:9].

- (7) *jevroatasa-vlä, jevrookn'a-vlä, vot, tak što közöt-šö ïnde pop-aš=at uke, kon'ešnä.*
 евродверь-PL евроокно-PL вот так что сейчас-POSS.3SG теперь говорить-INF=ADD NEG.EX конечно
 (Ну, говоря сегодня, теперь сравнивая, конечно, все дома строят теперь типа городских, кирпичные
 дома идут.) ‘Евродвери, евроокна, вот, так что теперь и нечего сказать, конечно’ (Жизнь уже, так на-
 зываемая, приближается к городскому уровню.) [ГК: «Хозяйство», 69].
- (8) **Так что...** *p'eträpavlåvsk'ij xram-na mänmän tidä läm-lö xram ðl-eš*
 петропавловский храм-POSS.1PL мы.GEN этот имя-ATTR храм быть-NPST.3SG
 (Хотя против церкви боролись, но наша церковь службу всегда проводила.) ‘Так что... Петропавлов-
 ский храм — это у нас именной храм’ [там же, 140].

Таким образом, использование русских союзов *потому что* и *так как* в горномарийской речи может быть объяснено «заполнением лакун» [Thompson et al. 2007: 268—269]: языки, не обладающие специализированными средствами для присоединения финитной адвербиальной клаузы, склонны заимствовать их при контакте с языками, где такие средства представлены.

Аналогичной точки зрения придерживается К. Е. Майтинская применительно к финно-угорским языкам в целом. Автор утверждает, что заимствованные союзы часто встречаются в языках, «которые развивались под особенно сильным влиянием окружающих языков и литературные варианты, а также письменность которых были слабо развиты» [Майтинская 1982: 102]. Это верно и для горномарийского языка.

3. Целевые клаузы

3.1. Союз *man-đn* ‘чтобы’

Целевые клаузы в горномарийском оформляются с помощью постпозитивного союза *man-đn*, который представляет собой застывшую форму деепричастия на *-n* от глагола *manaš* ‘говорить’ [Исанбаев 1961; Галкин 1964: 180; Толдова, Сердобольская 2014]; грамматикализация глаголов речи в целевые маркеры распространена типологически [Heine, Kuteva 2004: 265—267]). Вероятно, изначально *man-đn* сохранял семантику глагола речи в таких конструкциях. Например, предложение (9) можно перефразировать следующим образом: ‘Солому или сено сверху складывали, говоря: «Пусть снег не растает’⁶. Однако в современном языке эта семантика, по-видимому, полностью стерлась, о чем свидетельствует возможность употребления союза в конструкциях с неодушевленным участником (10). О механизме грамматикализации глагола речи в комплементайзер см., например, [Hopper, Traugott 2003: 13—14, 187].

- (9) *läm-žä ïnžö šälä man-đn, oläm-đm il'i šudä-m*
 снег-POSS.3SG NEG.JUSS таять говорить-CVB солома-ACC или трава-ACC
väl-kä-žä opt-en šänd-äät ðlän.
 верх-ILL2-POSS.3SG класть-CVB сажать-NPST.3PL RETR2
 ‘Чтобы снег не растаял, солому или сено сверху складывали’ [ГК: «Пиво», 3].
- (10) *ves kečä-n, äräkä-m n'ejtral'izuj-aš man-đn,*
 другой день-GEN алкоголь-ACC нейтрализовать-INF говорить-CVB
käp šukä vär-đm... väd-đm käč-ðlt-eš.
 тело много кровь-ACC вода-ACC держать-PUN-NPST.3SG
 ‘На следующий день, чтобы нейтрализовать алкоголь, организм использует много воды’ [ГК: «О вреде алкоголя», 24].

В односубъектных конструкциях с *man-đn* используется инфинитив (10), тогда как в разносубъектных — юссивные (9) или императивные (11) глагольные формы в случае 3-го и 2-го лица участника вложенной клаузы соответственно [Мордашова 2023: 354].

- (11) *män' rokolma-m läkt-đn-am tän' pazar-ðštä vðžalä-∅ man-đn.*
 я картошка-ACC извлекать-PRET-1SG ты базар-IN продавать-IMP говорить-CVB
 ‘Я выкопал картошку, чтобы ты продала ее на базаре’ [там же: 353].

Союз *man-đn* функционирует и за пределами целевых клауз. В частности, он употребляется в сентенциальных актантах при предикатах речи (12), глаголе *lüdäš* ‘бояться’, манипулятивных предикатах (на-

⁶ Такое употребление императива и юссива с глаголами речи для выражения цели встречается и в других языках, см. [Aikhenvald 2010: 241].

пример, *sarvalaš* ‘умолять’, *jadaš* ‘просить’ (13), *šüdäš* ‘позвать / послать сделать что-то, велеть’) и некоторых ментальных предикатах (например, *ðnänäš* ‘надеяться’) [Плешак, Сиротина 2023: 733]. Мы будем рассматривать только сентенциальные обстоятельства (см. об этом термине [Пекелис 2017а: 13—14]), представленные в примерах (9)–(11) выше, а не сентенциальные актанты, которые заполняют семантическую валентность предиката.

- (12) *tü pospej-en man-ðn ävää-m pop-en.*

мед поспевать-PRET говорить-CVB мать-POSS.1SG говорить-PRET

‘Мама сказала, что мед поспел’ [Плешак, Сиротина 2023: 733].

- (13) *tü-nð sðšer sðnzð-žð man-ðn maša tä gðc-nä jad-ðn.*

внешняя_сторона-IN2 молоко сидеть-JUSS.SG говорить-CVB Маша мы EL-POSS.1PL просить-PRET

‘Маша попросила у нас, чтобы молоко стояло снаружи’ [там же: 734].

Как отмечено в [там же: 735], при введении сентенциальных актантов клаузы с *man-ðn* обычно занимают позицию перед матричным предикатом, а обратный порядок «оценивается как неестественный». Если рассматривать конструкции с сентенциальными обстоятельствами, то это наблюдение подтверждается в случае односубъектных конструкций: целевая клауза с *man-ðn* (обозначена в таблице 1 как «*ригр*») также чаще предшествует главной клаузе, как в (11). В отличие от них, в разносубъектных конструкциях (представленных в корпусе только юссивными формами) допустимы оба варианта порядка. (Однако по точному тесту Фишера эта закономерность не является статистически значимой, $p = 0,156^7$.)

Таблица 1. Односубъектные и разносубъектные целевые конструкции с союзом *man-ðn*: порядок клауз

	Односубъектные	Разносубъектные
<i>rigr + V</i>	14 (82,4 %)	11 (57,9 %)
<i>V + riogr</i>	3 (17,6 %)	8 (42,1 %)
Всего	17	19

Согласно 15-й универсалии Дж. Гринберга, в языках с порядком VO целевая клауза следует за главным предикатом, тогда как в языках OV — предшествует ему [Greenberg 1963: 84]. В горномарийском языке порядок слов с матричным глаголом на последнем месте является основным; варьирование возможно и определяется, по-видимому, информационно-структурными характеристиками [Чхаидзе 1941: 29—30; Казыро 2005; Плешак, Кашкин 2023]. Таким образом, горномарийские данные скорее подтверждают эту универсалию.

В восьми случаях в ГК союз *man-ðn* употребляется в одной клаузе с заимствованным русским союзом *чтобы* (см. (14)). Как видно из таблицы 2, где представлены результаты с учетом этих примеров, общее распределением порядков клауз существенно не меняется, а наблюдаемая зависимость по-прежнему не является статистически значимой ($p = 0,2083$). Мы рассмотрим такие случаи в разделе 3.4, посвященном союзу *чтобы*.

- (14) *l'ezvi dono näl-ðn-nä dä l'entä-vlä-eš päčk-ed-žl-Ø*

лезвие с брать-PRET-1PL и лента-PL-LAT разрезать-ITER-SEM-CVB

šänd-en-nä, štobð ik-tä-län=ät ðnžð popazð man-ðn.

сажать-PRET-1PL чтобы один-FULL-DAT=ADD NEG.JUSS попадать говорить-CVB

‘(Пока стояли, свою одежду испортили,) взяли лезвие и нарезали на ленты, чтобы никому не досталась’ [ГК: «Рассказ об армии», 20].

Таблица 2. Односубъектные и разносубъектные целевые конструкции с союзом *man-ðn* с учетом примеров с русским союзом *чтобы*: порядок клауз

	Односубъектные	Разносубъектные
<i>rigr + V</i>	14 (77,8 %)	15 (57,7 %)
<i>V + riogr</i>	4 (22,2 %)	11 (42,3 %)
Всего	18	26

⁷ Как отмечает анонимный рецензент, нельзя исключать, что отсутствие статистической значимости может быть обусловлено относительно малым объемом рассматриваемых данных.

Согласно исследованию [Рахман 2021], некоторые носители горномарийского говора с. Микряково старше 55 лет допускают в конструкциях с *man̂* употребление форм непрошедшего времени (15), однако сам автор отмечает непродуктивность данной стратегии [там же: 23]. Аналогичное явление фиксируется в луговом марийском [Толдова, Сердобольская 2014], см. (16), где также подчеркивается его маргинальный статус среди носителей. В нашем корпусе подобные примеры отсутствуют.

(15) говор с. Микряково

- món' ke-em xala-šk&hat; kino-m anž-em man-đn.*
я идти-NPST.1SG город-ILL кино-ACC смотреть-NPST.1SG говорить-CVB
'Я еду в город, чтобы посмотреть кино (букв.: «кино посмотрю говоря»)' [Рахман 2021: 22].

(16) сернурский диалект лугового марийского

- a. [[*korem-əš kaj-em*] ***man-đn.***] *tudo kem-əm č'ij-en.*
овраг-ILL идти-NPST.1SG говорить-CVB он сапог-ACC надевать-PRET
b. [[*korem-əš kaj-əš*] ***man-đn.***] *tudo kem-əm č'ij-en.*
овраг-ILL идти-INF говорить-CVB он сапог-ACC надевать-PRET
'Он надел сапоги, чтобы пойти к оврагу' [Толдова, Сердобольская 2014: 126].

3.2. Целевой инфинитив

Как было показано в разделе 3.1, в односубъектных целевых конструкциях с союзом *man̂* употребляются инфинитивные формы. Однако в горномарийском языке инфинитив в целевых клаузах возможен и без союза *man̂*⁸. В частности, он используется при матричных глаголах целенаправленного движения (17), изменения положения в пространстве (18) и каузации движения кого-либо или чего-либо (19). В таких контекстах целевой инфинитив употребляется и в русском языке (см., например, [Градинарова 2006]).

(17) *ävä-žä kok t'et'ä dono šärgö-škä kal'avongä pog-əš ke-n.*
мать-POSS.3SG два ребенок с лес-ILL гриб собирать-INF идти-PRET
'Мать с двумя детьми пошла в лес собирать грибы' [ГК: «Лето (описание картинок)», 18].

(18) *tol-šäla-žä kän-ält-əš vaz-eš šärgö-štä.*
приходить-CVB.SIM-POSS.3SG отдохать-PUN-INF ложиться-NPST.3SG лес-IN
'Возвращаясь, лег в лесу отдохнуть' [ГК: «Сказка о богатыре», 26].

(19) *ävä-m mäm-nä-m kolt-en*
мать-POSS.1SG мы-POSS.1PL-ACC посыпать-PRET
äkä-m don kogo-n'-na-m jangđšt-əš.
старшая_сестра-POSS.1SG с два-COLL-POSS.1PL-ACC молоть-INF
'(Мама с папой... Папа был на работе,) а мама послала нас с сестрой муку молоть' [ГК: «День не в школе», 5].

Однако горномарийский инфинитив в целевых конструкциях употребляется шире, чем русский, см. примеры (20) и (21), в которых в русском, на наш взгляд, использование бессоюзного инфинитива неестественно:

(20) *karem-əm vanž-əš vurgđmla vel-kö-räk näl-mölä.*
овраг-ACC переходить-INF правый сторона-ILL2-CMPR брать-DEB
'Чтобы перейти овраг, нужно взять немного направо' [ГК: «Дорога до церкви и в Кожланангер», 14].

(21) *vot tenge arm'i-š ke-əš món' to-k&hat;-na tol-đn-am.*
вот так армия-ILL идти-INF я дом-ILL2-POSS.1PL приходить-PRET-1SG
'Вот так я добрался до дома, чтобы призваться в армию' [ГК: «Призыв в армию», 70].

Корпусный анализ показывает, что целевой инфинитив в большинстве случаев (67 %, в 197 примерах из 294) располагается перед главным предикатом.

⁸ В луговом марийском инфинитив в целевых конструкциях может присоединять дативный показатель, см. (i); в горномарийском таких примеров не зафиксировано.

(i) *Jävan mój-əm pušt-əš-lan tol'-o.*

Иван я-ACC убивать-INF-DAT приходить-AOR.3SG
'Мы сломали забор, чтобы попасть во двор' [Сердобольская и др. 2012: 393].

3.3. Юссив

В разносубъектных целевых конструкциях с союзом *tanən* употребляются юссивные глагольные формы (см. раздел 1.1).

Согласно [Мордашова 2023: 358], «[Г]орномарийский юссив имеет типичную для этой категории семантику косвенной каузации: говорящий самим фактом высказывания каузирует отсутствующего в коммуникативной ситуации участника совершить действие (...). Адресат выступает в роли посредника, который должен передать побуждение третьему лицу», см. (22).

- (22) *(nənə) jü-štə šukə-rak vəd-əm.*
 они пить-JUSS.PL много-CMPR вода-ACC
 ‘Пусть они пьют больше воды’ [там же: 358].

Юссивные формы используются и для выражения значений перформативного (23) и дезидеративного (24) оптатива [там же: 367].

- (23) *cäš-än li-žə ðlə-mäš!*
 счастье-PROP становиться-JUSS.SG жить-NMLZ2
 ‘(Что же тебе пожелать?) Пусть будет счастливой жизни!’ [ГК: «Поздравления», 7].
- (24) *edem-vlä cōgešt-en təštə-štə!*
 человек-PL лететь-CVB уметь-JUSS.PL
 ‘Вот бы люди умели летать!’ [Мордашова 2023: 367].

Кроме того, корпусные данные демонстрируют употребление юссивных форм в целевых контекстах и без союза *tanən* — мы зафиксировали 10 таких примеров. Во всех этих случаях юссивная клауза расположена после главного предиката. При интерпретации подобных клауз с юссивом возникает проблема: необходимо определить, является ли она независимым предложением или придаточным.

Если союз в юссивной клаузе эксплицитно не выражен, в некоторых случаях он может быть восстановлен из контекста как мишень эллипсиса. Например, в (25) союзы *štobə* и *tanən* присутствуют в предшествующем высказывании. Отсутствие союзов в (26), возможно, объясняется тем, что целевая клауза целиком выражена на русском языке.

- (25) *toštə təlžə-m pištə-mələ, štobə šukə pereg-ält-šə man-ən*
 старый луна-ACC класть-DEB чтобы много хранить-MED-JUSS.SG говорить-CVB
šukə ma-eš sitə-žə təlž-eš, toštə təlžə-n.
 много что-LAT быть_достаточным-JUSS.SG луна-LAT старый луна-GEN
 ‘(Если класть в подпол,) надо класть в период старой луны, чтобы подольше хранилась. Чтобы хватило на много месяцев, в период старой луны’ [ГК: «Работа», 12].

- (26) *eče post'el'-län eče šär-et, чтобы в сараике сухо было, tə-štə, kukšə li-žə, vot.*
 еще постель-DAT еще развертывать-NPST.2SG тот-IN сухой становиться-JUSS.SG вот
 ‘Еще на постель стелешь, чтобы в сарае сухо было, там, сухо было, вот’ [там же, 64].

В примерах (27) и (28) употреблен один и тот же глагол *kəlməš* ‘замерзать’, но в (27) используется союз *štobə*, а в (28) — нет. Это позволяет предположить, что наличие союза в предтексте (27) делает возможным его опущение в (28).

- (27) *vara navoz dono opt-en šənd-et, xran'itl-äš, ma,*
 потом навоз с класть-CVB сажать-NPST.2SG хранить-INF что
tel gač-eš štobə ñnžə kəlmə.
 зима через-LAT чтобы NEG.JUSS замерзать
 ‘(Опять куда-то, к весне осенью посадишь, и еще делаешь грядку, потом опять чеснок втыкаешь,) потом обкладываешь навозом, сохранить, чего, чтобы за зиму не замерз’ [ГК: «Работа», 36].

- (28) *leved-∅ šənd-et ñnžə kəlmə*
 накрывать-CVB сажать-NPST.2SG NEG.JUSS замерзать
 ‘(Вот там потом. Еще лук я иногда сажаю тоже в зиму.) Накроешь, чтобы не замерз, (потом весной выходит, прорастает)’ [там же, 39].

Однако опущение союза не всегда можно объяснить эллипсисом. Например, в (29) и (30) юссив, на первый взгляд, использован в целевом значении без союза *tanən*. При этом пример (31), несмотря на

структурное сходство, не переводится целевой клаузой. Все три случая можно интерпретировать двояко: либо как целевые ('он должен там еще немного постоять, чтобы он стал пышный', 'надо замесить тесто, как для пирога, чтобы тесто не было очень твердое', 'надо поставить возле ножки стола, чтобы там осталось примерно 5 сантиметров'), либо как «юссивные» ('он должен там еще немного постоять, пусть он станет пышным', 'надо замесить тесто, как для пирога, пусть оно не будет очень твердым', 'надо поставить возле ножки стола, пусть там останется примерно 5 сантиметров'). Таким образом, статус юссивной клаузы (является ли она независимой или подчиненной) требует дополнительных исследований⁹.

- (29) *duxofkâ-m jör-tâ-mâkâ i eče iziš šäñz-äkt-äl-mâlä, pâškâd-em-žö.*
 духовка-ACC гаснуть-CAUS-CVB.ANT и еще немного сидеть-CAUS.DIST-ATT-DEB мягкий-INCH-JUSS.SG
 'После того как выключили духовку, еще некоторое время пусть постоит там, чтобы пышным стал' [ГК: «Пирог», 28].
- (30) *nüštöл-∅ šändö-mâlä kagâl' gan'=ok pingöd... kogo-n pingödö ðnžö li.*
 месить-CVB сажать-DEB пирог как=EMPH большой-ADV твердый NEG.JUSS становится
 'Замесить тесто как для пирога, чтобы тесто не очень твердым было' [там же, 11].
- (31) *stöl jal terve-n=ok šändö-mâlä. iziš ik-tä-ik-tä vâc sant'im'etâr kod-šâ tâ-štâ.*
 стол нога к-FULL=EMPH сажать-DEB
 немного один-INDEF-один-INDEF пять сантиметр оставаться-JUSS.SG тот-IN
 'Надо поставить возле ножки стола. Немного, примерно 5 сантиметров пускай остается там' [ГК: «Игра в шляпу», 212—213].

Поскольку связь между маркированием целевых клауз и императивными/юссивными формами уже отмечалась в литературе, эволюция юссива в маркер цели в клаузах без союза *tañâp* представляется вполне возможной. Согласно [Schmidtke-Bode 2009: 163], цель и деонтическая модальность «...разделяют свойство гипотетического результирующего состояния и чьей-то воли или желания его получить»¹⁰. (О связи императива/юссива и деонтической модальности см. [Lyons 1977: 828].)

3.4. Союз *чтобы*

В горномарийском корпусе в целевых клаузах зафиксировано 44 примера с русским союзом *чтобы*¹¹ — как односубъектных конструкций с инфинитивом (32), так и разносубъектных с юссивом (33). В русском языке в первом случае обычно употребляется инфинитив, а во втором — финитная глагольная форма в прошедшем времени (см. [Добрушина 2016: 270]¹²).

- (32) *ik cëvö-žö-m kapaj-en kod-en rok lo-eš štobâ*
 один курица-POSS.3SG-ACC копать-CVB оставлять-PRET земля середина-LAT чтобы
mâškâr šižâ-mâkâ-žâ vara sär-n-äl tol-aš.
 живот голодать-CVB.ANT-POSS.3SG потом вращать-DETR-ATT-CVB приходить-INF
 'Одну курицу закопала в земле, чтобы вернуться, когда проголодается' [ГК: «Бешеные лисицы», 28].

⁹ Согласно предварительным данным Д. Д. Мордашовой (л. с., 31.10.2025), носители языка оценивают употребление юссивных глагольных форм без союза *tañâp* в целевом значении как не вполне приемлемое:

(i) *mä vannâ-škâ vâd-ëm opt-en-nä t'et'ä-vlä mâšk-âlt-âštâ ??(man-âñ).*
 мы ванна-ILL вода-ACC класть-PRET-1PL ребенок-PL мыть-MED-JUSS.PL говорить-CVB
 'Мы наполнили ванну, чтобы дети мылись' (пример Д. Д. Мордашовой).

¹⁰ «...share the property of a hypothetical result state and someone's will or desire for it to be obtained» [Schmidtke-Bode 2009: 163].

¹¹ Мы рассматривали такие случаи, когда русский союз встраивался в горномарийское предложение, как в (32) и (33), но исключали примеры, в которых русский союз был частью клаузы, полностью составленной на русском языке, как в (i).

(i) *jämdö-l-ät fs'ak'ij kaçk-âš-âm, чтобы стол был полный.*
 готовый-DENOM-NPST.3PL всякий есть-NACT-ACC
 'Готовят всякую еду, чтобы стол был полный' [ГК: «Петров день», 5].

¹² Строго говоря, в русском языке в целевых клаузах используется не прошедшее время, а сослагательное на-клонение, поскольку союз *чтобы* включает частицу *бы* [Добрушина 2016: 4—6, 16].

- (33) *vara šire dono šir-en-öt, štobâ pörcä zemlä-škë valâ-žđ.*
 потом борона с боронить-PRET-3PL чтобы зерно земля-ILL спускаться-JUSS.SG
 'Потом бороной бороновали, чтобы зерно попало в землю' [ГК: «О жатве», 4].

Восемь из 44 примеров относятся к «смешанным» случаям, поскольку содержат также союз *tañän*. В (34) представлена разносубъектная конструкция (всего таких примеров в корпусе 7), а в (35) — единственная односубъектная.

- (34) *pyl'ca-žđ štobâ ãnžđ port'-alt man-đn pyl'ca-m tüi dono jar-at.*
 пыльца-POSS.3SG чтобы NEG.JUSS портить-MED говорить-CVB пыльца-ACC мед с замешивать-NPST.3PL
 'Чтобы пыльца не испортилась, пыльцу перемешивают с медом' [ГК: «Пчеловодство», 30].
- (35) *mä stöл lo-štâ šänd-en-nä i vot ninđ zapoj-đm*
 мы стол середина-IN сажать-PRET-1PL и вот эти запой-ACC
đšt-en-öt teve texen'ë nu texen' štobâ jü-äš man-đn
 делать-PRET-3PL вот такой ну такой чтобы пить-INF говорить-CVB
 'Мы за стол посадили, и вот они сильно напились, вот так, ну так, чтобы напиться' [ГК: «Марийские свадьбы», 124].

Связь между разносубъектными и односубъектными конструкциями и выбором союза является статистически значимой ($p = 0,0162$ по точному двустороннему тесту Фишера; см. таблицу 3). Русский союз *чтобы* (включая «смешанные» примеры) чаще используется в разносубъектных конструкциях.

Таблица 3. Целевые клаузы со *чтобы* и *tañän*:
 односубъектные vs. разносубъектные

	Односубъектные	Разносубъектные
Русский (<i>чтобы</i>)	9 (32,1 %)	35 (68,6 %)
Горномарийский (<i>tañän</i>)	17 (67,9 %)	19 (31,4 %)
Всего	26	54

Можно предположить, что русский союз *чтобы* тяготеет к использованию в разносубъектных конструкциях, поскольку, как мы показали в разделе 2.2, горномарийский целевой инфинитив употребляется довольно широко и без союза *tañän*. Следовательно, в конструкциях с инфинитивом, как правило, не возникает необходимости ни в горномарийском, ни в русском союзе.

Что касается порядка клауз, то в разносубъектных конструкциях целевая клауза располагается после главного предиката чаще, чем в односубъектных, однако этот результат не является статистически значимым ($p = 0,2353$ по точному тесту Фишера; см. таблицу 4).

Таблица 4. Односубъектные и разносубъектные целевые конструкции с союзом *чтобы*:
 порядок клауз

	Односубъектные	Разносубъектные
<i>purp + V</i>	5 (55,6 %)	10 (28,6 %)
<i>V + purp</i>	4 (44,4 %)	25 (71,4 %)
Всего	9	35

Несмотря на то что русский союз *чтобы* характеризуется как препозитивный, а горномарийский *tañän* — как постпозитивный, союз *чтобы* может занимать не только начальную позицию в клаузе, но и вторую позицию, см. примеры (34) и (36).

- (36) *aga, tđ-š, šu-mâla tđ-škë, ara štob šälän-en vac-šđ.*
 ага тот-ILL бросать-DEB тот-ILL кучка чтобы разваливаться-CVB ложиться-JUSS.SG
 'Ага, туда, надо бросать туда — чтобы кучка рассыпалась' [ГК: «Игры-5», 178].

Как уже отмечалось в раздел 2.1, союз *tañän*, подобно русскому *чтобы*, возможен не только в сен-тенциальных обстоятельствах, но и в сен-тенциальных актантах. Примечательно, что в последнем случае, согласно [Плешак, Сиротина 2023], русский союз должен строго занимать первую позицию в клаузе, ср. (37a) и (37b), и не допускает дублирования горномарийским союзом, ср. (38) и (34).

- (37) a. *mõ-län-em kel-eš, štobâ tädä mõ-län-em rokolma-m šol-tâ-žâ.*
 я-DAT-POSS.1SG быть_нужным-NPST.3SG чтобы он я-DAT-POSS.1SG картошка-ACC кипеть-CAUS-JUSS.SG
 б. **mõ-län-em kel-eš, tädä štobâ mõ-län-em rokolma-m šol-tâ-žâ.*
 я-DAT-POSS.1SG быть_нужным-NPST.3SG он чтобы я-DAT-POSS.1SG картошка-ACC кипеть-CAUS-JUSS.SG
 'Мне нужно, чтобы он мне сварил картошку' [там же: 734].
- (38) **maša mä gäc-nä jad-ân štobâ tü-nä šäšer šäñzä-žâ man-ân.*
 Маша мы EL-POSS.1PL просить-PRET чтобы внешняя_сторона-IN2 молоко сидеть-JUSS.SG говорить-CVB
 Ожидаемое значение: 'Маша попросила у нас, чтобы молоко стояло снаружи' [там же].

Обратимся к вопросу о наличии закономерностей в использовании русских союзов, связанных с социолингвистическими параметрами. Мы рассмотрим данные шести носителей, в текстах которых зафиксировано наибольшее количество союзных целевых конструкций (см. нормированную гистограмму с накоплением на рис. 1). Этих данных недостаточно для полноценного статистического анализа, тем не менее мы опишем устойчивые тенденции на нашем материале.

Поскольку, как было установлено выше, зависимость наличия русского союза *чтобы* и тип конструкции (односубъектный/разносубъектный) статистически значима, на диаграмме эти случаи представлены отдельно («ти-ss» и «ти-ds» на рис. 1 соответственно). Все три случая одновременного употребления и русского, и горномарийского союзов («double») относятся к разносубъектным конструкциям. Что касается горномарийских целевых конструкций с союзом *тапâн* («hm»), то они демонстрируют примерно равномерное распределение по типам, поэтому мы не стали разделять их на две группы.

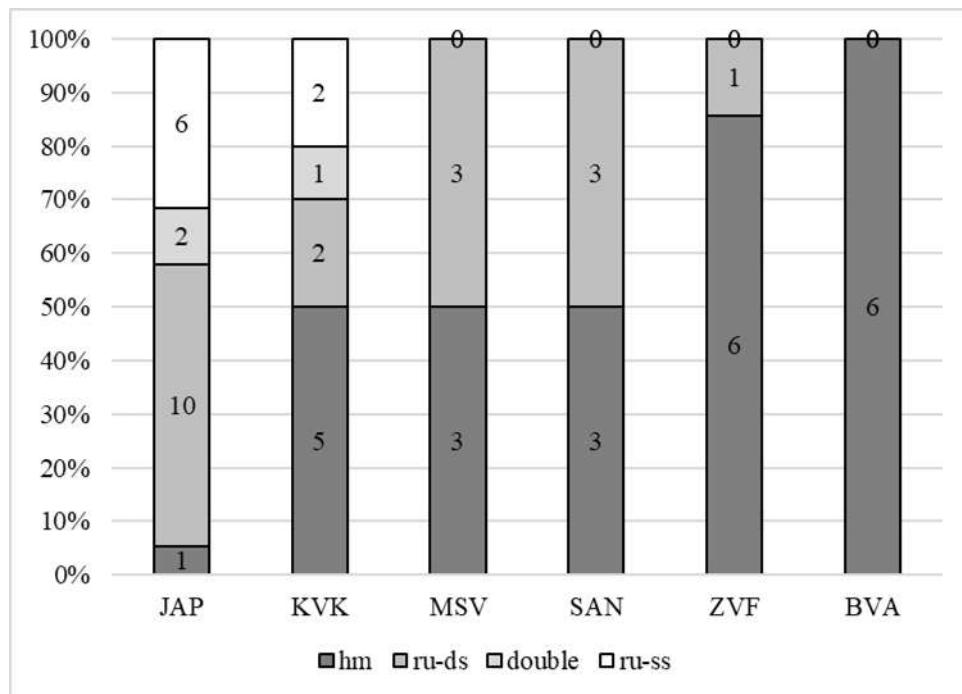

Рис. 1. Количество целевых клауз в речи конкретных носителей с горномарийским союзом (hm), русским союзом в разносубъектной конструкции (ru-ds) и русским и горномарийским союзами в разносубъектной конструкции (double), русским союзом в односубъектной конструкции (ru-ss)

На рис. 1 можно выделить три группы носителей. К первой группе относятся носители с кодами ZVF и BVA, которые практически всегда используют горномарийскую стратегию.

Вторая группа состоит из носителей с кодами MSV и SAN. Они применяют как русскую, так и горномарийскую стратегии, при этом в их речи отсутствуют случаи дублирования союзов и употребления русского союза в разносубъектной конструкции.

В третьей группе — носители с кодами JAP и KVK. Носитель JAP в подавляющем большинстве случаев использует русскую стратегию, причем в трети примеров он употребляет русский союз в односубъектных конструкциях. Носитель KVK демонстрирует сходство со второй группой, поскольку в половине целевых клауз использует горномарийскую стратегию. Вместе с тем мы относим его именно к третьей группе, поскольку в его речи также зафиксировано употребление русского союза в односубъектной конструкции.

Социолингвистическая информация о носителях и используемые ими стратегии в выборе союзов представлены в таблице 5.

Таблица 5. Социолингвистическая информация о носителях и используемые ими стратегии в выборе союзов

Код	Год рождения	Уровень образования	Длительные выезды	Язык повседневного общения	Стратегия
BVA	1957	высшее	нет	горномарийский	hm
ZVF	1953	высшее	нет	горномарийский	hm
SAN	1974	высшее	да	горномарийский	hm / ru
MSV	1960	среднее специальное	нет	горномарийский	hm / ru
KVK	1963	среднее специальное	нет	горномарийский / русский	ru / hm
JAP	1948	высшее	да	русский / горномарийский	ru

Год рождения и уровень образования не влияют на стратегию, как и длительные выезды. Повидимому, главным фактором является язык повседневного общения: русский преобладает в речи (самого старшего) носителя JAP и активно используется носителем KVK (этот фактор оценивался самими носителями при социолингвистическом опросе). Хотя можно было бы предположить, что на выбор стратегии влияет тематика текста (например, русская стратегия для рассказов об армии, а горномарийская — для описания сенокоса и пр.), в нашем материале такая зависимость не прослеживается.

Согласно [Рахман 2021], в говоре с. Микряково горномарийского языка некоторые молодые носители (до 20 лет) допускают употребление форм прошедшего времени в конструкциях с союзом *чтобы* (39). Как отмечает Д. М. Рахман, это связано с влиянием русского языка, а не с независимым развитием, поскольку использование прошедшего времени в целевых конструкциях не распространено типологически [Schmidtke-Bode 2009: 43]. В нашем корпусе подобных конструкций не встретилось.

- (39) *män' vas'a-lan oksa-m ru-en-äm štobâ tädä raj-äm näl-än.*
 я Вася-DAT деньги-ACC давать-PRET-1SG чтобы тот мясо-ACC брать-PRET
 'Я дал Васе деньги, чтобы он купил мясо' [Рахман 2021: 22].

Использование союза *чтобы* в речи горных марийцев нельзя объяснить «заполнением лакун» [Майтингская 1982: 102; Thompson et al. 2007: 268—269], поскольку в языке есть исконный союз *тапән*. Учитывая результаты краткого социолингвистического анализа, а также отсутствие упоминаний союза *чтобы* в словаре горномарийского языка [Саваткова 2008: 209], мы заключаем, что *чтобы* — это русскоязычное вкрапление, свойственное носителям, активно пользующимся русским языком.

Употребление союза *чтобы* облегчается структурным сходством русских и горномарийских целевых конструкций: в обоих языках есть целевой союз, глагол имеет форму инфинитива либо сослагательного наклонения (в русском) / юссива (в горномарийском). При этом разная позиция союзов (препозитивная в русском и постпозитивная в горномарийском) облегчает использование заимствованного союза *чтобы*. Мы предполагаем, что, если бы позиция совпадала, это затрудняло бы вставку союза для носителей. Данное утверждение можно подтвердить следующим образом: в языках, контактирующих с русским, зафиксировано заимствование временного союза *когда*, например, в нанайском (< южно-тунгусские < тунгусские) и лесном энецком (< самодийские < уральские) [Khomchenkova, Stoyanova 2023]. Важно отметить, что в этих языках отсутствовал исконный временной союз, и для выражения временных отношений использовались специализированные нефинитные формы. В горномарийском же языке есть собственный препозитивный союз *кәпәт* 'когда', который употребляется с финитными глагольными формами, полностью повторяя структуру русских временных предложений (см. пример (3) в разделе 2). При этом в ГК не зафиксировано ни одного случая использования союза *когда*.

Поскольку предложение с союзом *чтобы* перестраивается по модели русского языка, он может находиться в клаузе наряду с исконным союзом, образуя конструкцию «*чтобы* V *тапән*». Таким образом, горномарийский язык заимствует как само слово *чтобы*, так и новую конструкцию, в которой союз располагается на левой периферии клаузы (MAT(ter)-и PAT(tern)-borrowing соответственно в терминологии

[Matras, Sakel (eds.) 2007]). Сопоставление структур двух языков рассматривается в работе [Hicks 2012]; см. также [Хомченкова 2024] на материале горномарийских условных конструкций с союзами *если* и *gən'(ё)* ‘если’, где наблюдается похожая картина.

Сравним целевые конструкции с условными (по [Хомченкова 2024: 126]) в горномарийском языке (см. таблицу 6).

Таблица 6. Использование русских и горномарийских союзов в целевых и условных конструкциях

	‘чтобы’			‘если’
	односубъектная конструкция	разносубъектная конструкция	всего	
Только русский союз	8 (30,8 %)	28 (51,8 %)	36 (45 %)	52 (29,7 %)
Оба союза	1 (3,8 %)	7 (13 %)	8 (10 %)	36 (20,6 %)
Горномарийский союз	17 (65,4 %)	19 (35,2 %)	36 (45 %)	87 (49,7 %)

Данные по целевым и условным конструкциям различаются. Горномарийский союз *gən'(ё)* ‘если’ употребляется чаще всего, при этом стратегия с русским союзом *если* и смешанная стратегия с обоими союзами встречаются с приблизительно равной частотой (использование единичного русского союза чуть более распространено). В целевых конструкциях, напротив, русский и горномарийский союзы употребляются с одинаковой частотой, а смешанная конструкция не распространена. Если же рассматривать односубъектные и разносубъектные конструкции по отдельности, то тенденция меняется: в односубъектных конструкциях в основном употребляется горномарийский союз, тогда как в разносубъектных — русский. При этом смешанная стратегия остается малочастотной в обоих типах конструкций.

Такое распределение можно объяснить следующим образом. Поскольку бессоюзный целевой инфинитив в горномарийском имеет широкое употребление, он может свободно использоваться и без союза *тапән*. Соответственно, можно предположить, что и русский союз в этих конструкциях менее необходим.

Использование русского союза может также зависеть от порядка клауз. В разносубъектных конструкциях более распространен порядок «главный предикат + целевая клауза» (в нашем материале это проявляется скорее как тенденция, а не статистически значимое различие, хотя во всех бессоюзных юссиных конструкциях, где можно усмотреть целевое значение, главный предикат располагался на первом месте.) Как отмечалось в разделе 3.1, такой порядок характерен для языков с порядком VO (как в русском), а не OV (как в горномарийском). Следовательно, горномарийские конструкции с юссиом и русские целевые конструкции оказываются структурно более конгруэнтны, чем конструкции с инфинитивом, что влияет и на частоту употребления русского союза.

4. Заключение

Итак, мы рассмотрели устройство причинных и целевых адвербальных клауз в горномарийском языке, где используются заимствованные из русского причинные (*потому что*, (реже) *так как*) и целевые (*чтобы*) союзы. Поскольку исконного союза, который употреблялся бы в полипредикативных причинных конструкциях нет, наличие русских причинных союзов может объясняться «заполнением лакун» [Майтанская 1982: 102; Thompson et al. 2007: 268—269]. Такое заимствование оказалось возможным благодаря отсутствию в горномарийском ограничений на использование финитных адвербальных клауз.

Что касается целевых конструкций, то в горномарийском языке они могут вводиться исконным союзом *тапән*, который сочетается с инфинитивом в односубъектных конструкциях и юссиом — в разносубъектных. По-видимому, широкое употребление союза *чтобы* является следствием усиления влияния русского языка.

В таблице 7 представлено обобщение данных об употреблении русского и горномарийского союзов в односубъектных/разносубъектных клаузах с порядком слов «целевая клауза + главный предикат» («рирг + V») и «главный предикат + целевая клауза» («V + рирг»).

Наше исследование продемонстрировало статистически значимое различие в употреблении русского союза *чтобы* между односубъектными и разносубъектными конструкциями: в последних он используется чаще. Такая закономерность может следовать из того, что в горномарийском языке распространено употребление бессоюзного целевого инфинитива, который имеет более широкую сферу применения, чем в русском.

Таблица 7. Целевые клаузы с союзами *чтобы* и *тандып*:
порядок клауз и односубъектность vs. разносубъектность

	Односубъектные		Разносубъектные	
	purp + V	V + purp	purp + V	V + purp
Горномарийский союз	14 (73,7 %)	3 (42,85 %)	11 (52,9 %)	8 (24,2 %)
Русский союз	5 (26,3 %)	3 (42,85 %)	6 (28,8 %)	22 (66,7 %)
Оба союза	0	1 (14,3 %)	4 (19 %)	3 (9,1 %)
Всего	19	7	21	33

Возможность заимствования союза *чтобы* можно объяснить, используя понятие конгруэнтности. При полной структурной конгруэнтности между стратегиями языка-донора и языка-реципиента заимствование русского союза избегается. Этим, по-видимому, объясняется отсутствие союза *когда* в горномарийском, где временная зависимая клауза имеет структуру, идентичную русской: финитная клауза с препозитивным союзом. В случае же целевых конструкций наблюдается лишь частичная конгруэнтность: используются похожие глагольные формы при различной позиции союзов. Именно такая частичная инконгруэнтность не препятствует заимствованию, а, напротив, способствует появлению русского союза в клаузе, в том числе в дублирующей конструкции с горномарийским союзом (смешанная стратегия).

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	IMP — императив
ACC — аккузатив	IN, IN2 — инессив
ADD — аддитивная частица	INCH — инхоатив
ADV — адвербиализатор	INDEF — неопределенное местоимение
ATT — аттенуатив	INF — инфинитив
ATTR — атрибутивизатор	ITER — итератив
CAUS — каузатив	JUSS — юссив
CAUS.DIST — дистантный каузатив	LAT — латив
CMPR — компаратив	M — мужской род
COLL — собирательное числительное	MED — медиопассив
COMPL — комплектив	NACT — отглагольное имя
CVB — деепричастие	NEG — отрицание
CVB.ANT — деепричастие с семантикой предшествования	NMLZ2 — номинализация
CVB.SIM — деепричастие с семантикой одновременности	NPST — непрошедшее время
DAT — датив	OBL — косвенная форма
DEB — дебитив (показатель с семантикой долженствования)	PL — множественное число
DENOM — отыменной глагол	POSS — посессивность
DETR — детранзитивизатор	PRET — претерит
EL — элатив	PROP — проприетив
EMPH — эмфатическая частица	PUN — пунктив
EX — показатель с экзистенциальной семантикой	RETR2 — ретроспективный сдвиг
FULL — полная форма	SEM — семельфактив
GEN — генитив	SG — единственное число
ILL, ILL2 — иллатив	SS — односубъектность
	SUBJ — субъект

Литература

- Акцорин 1991 — *В. А. Акцорин*. Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991.
- Гаврилова 2013 — *В. Г. Гаврилова*. Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2013, 2. С. 16—22.
- Галкин 1964 — *И. С. Галкин*. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.

- Градинарова 2006 — *A. Градинарова*. Русский целевой бессоюзный инфинитив: условия употребления // Болгарская русистика. 2006, 3—4. С. 11—20.
- Давидюк, Студеникина 2023 — *Т. И. Давидюк, К. А. Студеникина*. Конструкции с семантикой причины // *Е. В. Кашикин* (отв. ред.), *М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова* (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 290—300.
- Добрушина 2016 — *Н. Р. Добрушина*. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.
- Дьячков 2020 — *В. В. Дьячков*. Структурные и социолингвистические характеристики горномарийско-русского переключения кодов: pilotное исследование // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020, 4. С. 273—288.
- Исанбаев 1961 — *Н. И. Исанбаев*. Употребление деепричастия *манын* «говоря» // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1961, 15. С. 96—111.
- Казыро 2005 — *А. Л. Казыро*. Выражение ремы в простом повествовательном предложении современного марийского языка. Дис ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005.
- Кашкин 2023 — *Е. В. Кашикин*. Общие сведения о горномарийском языке. Социолингвистическая ситуация // *Е. В. Кашикин* (отв. ред.), *М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова* (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 1—5.
- Лыткин, Майтинская (ред.) 1966 — *В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская* (ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966.
- Майтинская 1982 — *К. Е. Майтинская*. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.
- Мордашова 2023 — *Д. Д. Мордашова*. Средства выражения модальности // *Е. В. Кашикин* (отв. ред.), *М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова* (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 350—398.
- Пекелис 2013 — *О. Е. Пекелис*. Сочинение // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2013. URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/syntvar/coordination/> (дата обращения: 04.02.2025).
- Пекелис 2017а — *О. Е. Пекелис*. Сентенциальные обстоятельства // *В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова* (ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. М.: ИРЯ РАН, 2017. С. 13—54.
- Пекелис 2017б — *О. Е. Пекелис*. Причинные придаточные // *В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова* (ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. М.: ИРЯ РАН, 2017. С. 55—131.
- Плешак, Кашикин 2023 — *П. С. Плешак, Е. В. Кашикин*. Синтаксис клаузального уровня. Порядок слов // *Е. В. Кашикин* (отв. ред.), *М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова* (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 554—556.
- Плешак, Сиротина 2023 — *П. С. Плешак, А. Ю. Сиротина*. Конструкции с сентенциальными актантами. Страгетии оформления СА. Финитные формы // *Е. В. Кашикин* (отв. ред.), *М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова* (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2023. С. 732—735.
- Рахман 2021 — *Д. М. Рахман*. Аргументные и адъюнктные целевые клаузы в горномарийском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021, 2. С. 19—35.
- Саватеева 2005 — *Г. А. Саватеева*. Лексические особенности правобережных говоров горномарийского языка. Дис ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005.
- Саваткова 1969 — *А. А. Саваткова*. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1969.
- Саваткова 2002 — *А. А. Саваткова*. Горное наречие марийского языка. Szombathely: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Саваткова 2008 — *А. А. Саваткова*. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008.
- Сердобольская и др. 2012 — *Н. В. Сердобольская, А. А. Ильевская, С. А. Минор, П. С. Митева, А. В. Файнвейц, Н. С. Матвеева*. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках // *А. И. Кузнецова* (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания: формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 382—475.
- Сибатрова 2016 — *С. С. Сибатрова*. Русские заимствования в системе союзов марийского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016, 10 (3). С. 30—41.

- Толдова, Сердобольская 2014 — С. Ю. Толдова, Н. В. Сердобольская. Глагол речи *мана* в марийском языке: особенности грамматикализации // Вопросы языкоznания. 2014, 6. С. 109—134.
- Хомченкова 2024 — И. А. Хомченкова. Условные и уступительные конструкции с русскими союзами *если* и *хотя* в горномарийской речи // Вопросы языкоznания. 2024, 5. С. 116—134.
- Чхайдзе 1941 — М. П. Чхайдзе. Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М.: Учпедгиз, 1941.
- Шабыков и др. 2020 — В. И. Шабыков, Р. А. Кудрявцева, З. Г. Зорина. Статус горномарийского языка в современном обществе // Социодинамика. 2020, 4. С. 74—84.
- Эрцикова 2019 — Г. А. Эрцикова. О союзах следствия в современном марийском языке // Финно-угроведение. 2019, 60. С. 53—58.
- Aikhenvald 2007 — A. Aikhenvald. Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Perspective // A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1—66.
- Aikhenvald 2010 — A. Aikhenvald. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993.
- Besters-Dinger et al. (eds.) 2014 — J. Besters-Dinger, C. Dermarkar, St. Pfänder, A. Rabuset (eds.). Congruence in Contact-induced Language Change. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2014.
- Bradley 2025 — J. Bradley. “If you say why”: Causal expressions in flux in the Volga Region // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja — Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2025 (to appear).
- Dixon 2009 — R. M. W. Dixon. The semantics of clause linking in typological perspective // R. M. W. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). The semantics of clause linking: a cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 1—54.
- Greenberg 1963 — J. H. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J. H. Greenberg (ed.). Universals of Language. Cambridge MA: The MIT Press, 1963 [1966]. P. 73—113.
- Harris, Campbell 1995 — A. Harris, L. Campbell. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Hetterle 2015 — K. Hetterle. Adverbial clauses in cross-linguistic perspective. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015.
- Hicks 2012 — C. Hicks. A dual-structure analysis of morphosyntactic doubling in code switching // Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers. 2012, 37. P. 44—57.
- Hopper, Traugott 2003 — P. Hopper, E. Traugott. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Khomchenkova, Stoynova 2023 — I. Khomchenkova, N. Stoynova. Adverbial clauses with Russian conjunctions in three languages with different subordination strategies // Talk at the 56th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE, 29.08—01.09.2023, Athens, Greece).
- Longacre 2007 — R. E. Longacre. Sentences as combinations of clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 372—420.
- Lyons 1977 — J. Lyons. Semantics. Vol. I—II. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Matras, Sakel (eds.) 2007 — Y. Matras, J. Sakel (eds.). Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. A Typology of Purpose Clauses. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Sebba 2009 — M. Sebba. On the notions of congruence and convergence in code-switching // B. E. Bullock, A. Toribio (eds.). The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 40—57.
- Thompson et al. 2007 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, Sh. Ja. J. Hwang. Adverbial clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 237—299.

References

- Aikhenvald 2007 — A. Aikhenvald. Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Perspective. In: A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1—66.
- Aikhenvald 2010 — A. Aikhenvald. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Aktsorin 1991 — V. A. Aktsorin. Mariiskii fol'klor. Mify, legendy, predaniya. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. {V. A. Aktsorin. Mari folklore. Myths, legends, traditions. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991.}
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993.
- Besters-Dinger et al. (eds.) 2014 — J. Besters-Dinger, C. Dermarkar, St. Pfänder, A. Rabuset (eds.). Congruence in Contact-induced Language Change. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2014.

- Bradley 2025 — J. Bradley. “If you say why”: Causal expressions in flux in the Volga Region. In: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja — Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2025 (to appear).
- Chkhaidze 1941 — M. P. Chkhaidze. Sintaksis lugovo-vostochnogo mariiskogo yazyka. Moskva: Uchpedgiz, 1941. {M. P. Chkhaidze. Meadow Mari syntax. Moscow: Uchpedgiz, 1941.}
- Davydik, Studenikina 2023 — T. I. Davydik, K. A. Studenikina. Konstruktsii s semantikoi prichiny. In: E. V. Kashkin (otv. red.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davydik, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (red.). Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 290—300. {T. I. Davydik, K. A. Studenikina. Constructions with the semantics of cause. In: E. V. Kashkin (ch. ed.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davydik, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). Elements of Hill Mari in typological perspective. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 290—300.}
- Dixon 2009 — R. M. W. Dixon. The semantics of clause linking in typological perspective. In: R. M. W. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). The semantics of clause linking: a cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 1—54.
- Dobrushina 2016 — N. R. Dobrushina. Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoi semantiki. Praga: Animedia Company, 2016. {N. R. Dobrushina. Subjunctive mood in Russian: an experience of studying grammatical semantics. Prague: Animedia Company, 2016.}
- Dyachkov 2020 — V. V. Dyachkov. Strukturnye i sotsiolingvisticheskie kharakteristiki gornomariisko-russkogo pereklyucheniya kodov: pilotnoe issledovanie. In: Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 2020, 4. S. 273—288. {V. V. Dyachkov. Structural and sociolinguistic features of Hill Mari — Russian code switching: A pilot study. In: Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. 2020, 4. P. 273—288.}
- Ertsikova 2019 — G. A. Ertsikova. O soyuzakh sledstviya v sovremenном mariiskom yazyke. In: Finno-ugrovedenie. 2019, 60. S. 53—58. {G. A. Ertsikova. On conjunctions of consequence in modern Mari. In: Finno-ugrovedeniye. 2019, 60. P. 53—58.}
- Galkin 1964 — I. S. Galkin. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya. Ch. I. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. {I. S. Galkin. Historical grammar of Mari. Morphology. Part I. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964.}
- Gavrilova 2013 — V. G. Gavrilova. Mariisko-russkoe pereklyuchenie i smeshenie kodov. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”. 2013, 2. S. 16—22. {V. G. Gavrilova. Mari-Russian code-switching and code-mixing. In: Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2013, 2. P. 16—22.}
- Gradinarova 2006 — A. Gradinarova. Russkii tselevoi bessoyuznyi infinitiv: usloviya upotrebleniya. In: Bolgarskaya rusistika. 2006, 3—4. S. 11—20. {A. Gradinarova. Russian purpose conjunctionless infinitive: conditions of use. In: Bolgarskaya rusistika. 2006, 3—4. P. 11—20.}
- Greenberg 1963 — J. H. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. In: J. H. Greenberg (ed.). Universals of Language. Cambridge MA: The MIT Press, 1963 [1966]. P. 73—113.
- Harris, Campbell 1995 — A. Harris, L. Campbell. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Hetterle 2015 — K. Hetterle. Adverbial clauses in cross-linguistic perspective. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015.
- Hicks 2012 — C. Hicks. A dual-structure analysis of morphosyntactic doubling in code switching. In: Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers. 2012, 37. P. 44—57.
- Hopper, Traugott 2003 — P. Hopper, E. Traugott. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Isanbaev 1961 — N. I. Isanbaev. Upotreblenie deeprichastiya *manyn* “govorya”. In: Voprosy yazyka, literatury i fol'klora. Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. 1961, 15. S. 96—111. {N. I. Isanbaev. Use of the converb *manyn* “speaking”. In: Issues of Language, Literature, and Folklore. Proceedings of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History. 1961, 15. P. 96—111.}
- Kashkin 2023 — E. V. Kashkin. Obschchie svedeniya o gornomariiskom yazyke. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya. In: E. V. Kashkin (otv. red.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davydik, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (red.). Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 1—5. {E. V. Kashkin. General information about the Hill Mari language. Sociolinguistic situation. In: E. V. Kashkin (ch. ed.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davydik, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). Elements of Hill Mari in typological perspective. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 1—5.}
- Kazyro 2005 — A. L. Kazyro. Vyrazhenie remy v prostom povestvovatel'nom predlozhenii sovremennoj mariiskoj yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2005. {A. L. Kazyro. Expression of rheme in a simple declarative sentence of modern Mari. PhD thesis. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2005.}
- Khomchenkova 2024 — I. A. Khomchenkova. Uslovnye i ustupitel'nye konstruktsii s russkimi soyuzami *esli* i *khotya* v gornomariiskoi rechi. In: Voprosy yazykoznanija. 2024, 5. S. 116—134. {I. A. Khomchenkova. Conditional and concessive constructions in Hill Mari. In: Problems of linguistics. 2024, 5. P. 116—134.}

sive constructions with Russian conjunctions *esli* ‘if’ and *xočja* ‘although’ in Hill Mari speech. In: *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the Study of Language). 2024, 5. P. 116—134.}

Khomchenkova, Stoynova 2023 — I. Khomchenkova, N. Stoynova. Adverbial clauses with Russian conjunctions in three languages with different subordination strategies. Talk at the 56th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE, 29.08—01.09.2023, Athens, Greece).

Longacre 2007 — R. E. Longacre. Sentences as combinations of clauses. In: T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 372—420.

Lyons 1977 — J. Lyons. *Semantics*. Vol. I—II. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Lytkin, Maytinskaya (ed.) 1966 — V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya (red). *Yazyki narodov SSSR*. T. 3. Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki. Moskva: Nauka, 1966. {V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya (eds). *Languages of the peoples of the USSR*. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. Moscow: Nauka, 1966.}

Matras, Sakel (eds.) 2007 — Y. Matras, J. Sakel (eds.). *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.

Maytinskaya 1982 — K. E. Maytinskaya. *Sluzhebnye slova v finno-ugorskikh yazykakh*. Moskva: Nauka, 1982. {K. E. Maytinskaya. *Function words in Finno-Ugric languages*. Moscow: Nauka, 1982.}

Mordashova 2023 — D. D. Mordashova. *Sredstva vyrazheniya modal'nosti*. In: E. V. Kashkin (otv. red.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (red.). *Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii*. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 350—398. {D. D. Mordashova. Means of expressing modality. In: E. V. Kashkin (ch. ed.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). *Elements of Hill Mari in typological perspective*. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 350—398.}

Pekelis 2013 — O. E. Pekelis. *Sochinenie*. In: *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* (rusgram.ru). Na pravakh rukopisi. Moskva, 2013. URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/syntvar/coordination/> (data obrazshcheniya: 04.02.2025). {O. E. Pekelis. Coordination. In: *Materials for the Russian grammar corpus project* (rusgram.ru). Manuscript. Moscow, 2013 (accessed on 04.02.2025).}

Pekelis 2017a — O. E. Pekelis. *Sententsial'nye obstoyatel'stva*. In: V. A. Plungyan, N. M. Stoynova (red.). *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka*. Vyp. II. *Sintaksicheskie konstruktsii i grammaticheskie kategorii*. Moskva: Institut russkogo yazyka RAN, 2017. S. 13—54. {O. E. Pekelis. Sentential adverbials. In: V. A. Plungyan, N. M. Stoynova (eds.). *Materials for a Corpus Grammar of Russian. Part II. Syntactic Constructions and Grammatical Categories*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2017. P. 13—54.}

Pekelis 2017b — O. E. Pekelis. *Prichinnye pridatochnye*. In: V. A. Plungyan, N. M. Stoynova (red.). *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka*. Vyp. II. *Sintaksicheskie konstruktsii i grammaticheskie kategorii*. Moskva: Institut russkogo yazyka RAN, 2017. S. 55—131. {O. E. Pekelis. Causal dependent clauses. In: V. A. Plungyan, N. M. Stoynova (eds.). *Materials for a Corpus Grammar of Russian. Part II. Syntactic Constructions and Grammatical Categories*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2017. P. 55—131.}

Pleshak, Kashkin 2023 — P. S. Pleshak, E. V. Kashkin. *Sintaksis klauzal'nogo urovnya*. Poryadok slov. In: E. V. Kashkin (otv. red.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (red.). *Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii*. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 554—556. {P. S. Pleshak, E. V. Kashkin. Clause-level syntax. Word order. In: E. V. Kashkin (ch. ed.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). *Elements of Hill Mari in typological perspective*. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 554—556.}

Pleshak, Sirotnina 2023 — P. S. Pleshak, A. Yu. Sirotnina. *Konstruktsii s sententsial'nyimi aktantami. Strategii oformleniya SA. Finitnye formy*. In: E. V. Kashkin (otv. red.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (red.). *Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii*. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 732—735. {P. S. Pleshak, A. Yu. Sirotnina. Constructions with sentential arguments. Marking strategies of sentential arguments. Finite forms. In: E. V. Kashkin (ch. ed.), M.-Eh. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). *Elements of Hill Mari in typological perspective*. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 732—735.}

Rakhman 2021 — D. M. Rakhman. *Argumentnye i ad"yunktnye tselevye klauzy v gornomariiskom yazyke*. In: *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2021, 19 (2). S. 19—35. {D. M. Rakhman. Argument and adjunct purpose constructions in Hill Mari. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021, 19 (2). P. 19—35.}

Savateeva 2005 — G. A. Savateeva. *Leksicheskie osobennosti pravobereznykh govorov gornomariiskogo yazyka*. Dis. ... kand. filol. nauk. Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2005. {G. A. Savateeva. Lexical features of the right-bank dialects of Hill Mari. PhD thesis. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2005.}

Savatkova 1969 — A. A. Savatkova. *Russkie zaimstvovaniya v mariiskom yazyke*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. {A. A. Savatkova. Russian loanwords in Mari. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969.}

- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo yazyka. Szombathely: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. {A. A. Savatkova. Hill dialect of Mari. Szombathely: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.}
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. Slovar' gornomariiskogo yazyka. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. {A. A. Savatkova. Hill Mari dictionary. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008.}
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. A Typology of Purpose Clauses. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Sebba 2009 — M. Sebba. On the notions of congruence and convergence in code-switching. In: B. E. Bullock, A. Toribio (eds.). *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 40—57.
- Serdobolskaya et al. 2012 — N. V. Serdobolskaya, A. A. Ilyevskaya, S. A. Minor, P. S. Miteva, A. V. Faynveyts, N. S. Matveyeva. Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v finno-ugorskikh yazykakh. In: A. I. Kuznetsova (otv. red.). *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya: formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. S. 382—475. {N. V. Serdobolskaya, A. A. Ilyevskaya, S. A. Minor, P. S. Miteva, A. V. Faynveyts, N. S. Matveyeva. Constructions with sentential arguments in Finno-Ugric languages. In: A. I. Kuznetsova (ch. ed.). *Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description: formal and functional approaches*. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2012. P. 382—475.}
- Shabykov et al. 2020 — V. I. Shabykov, R. A. Kudryavtseva, Z. G. Zorina. Status gornomariiskogo yazyka v sovremenном obshchestve. In: *Sotsiodinamika*. 2020, 4. S. 74—84. {V. I. Shabykov, R. A. Kudryavtseva, Z. G. Zorina. The status of the Hill Mari language in modern society. In: *Sociodynamics*. 2020, 4. P. 74—84.}
- Sibatrova 2016 — S. S. Sibatrova. Russkie zaimstvovaniya v sisteme soyuzov mariiskogo yazyka. In: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. 2016, 10 (3). S. 30—41. {S. S. Sibatrova. Russian loanwords in the system of Mari conjunctions. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2016, 10 (3). P. 30—41.}
- Thompson et al. 2007 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, Sh. Ja. J. Hwang. Adverbial clauses. In: T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Vol. 2*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 237—299.
- Toldova, Serdobolskaya 2014 — S. Yu. Toldova, N. V. Serdobolskaya. Glagol rechi *manaš* v mariiskom yazyke: osobennosti grammatikalizatsii. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2014, 6. S. 109—134. {S. Yu. Toldova, N. V. Serdobolskaya. Verb of speech *manaš* in Mari: Grammaticalization properties. In: *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. 2014, 6. P. 109—134.}

Информация для авторов / Author guidelines

Журнал публикует оригинальные исследования, посвященные уральским, тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам и культурам. Статьи могут быть написаны на русском, английском или немецком языках.

Мы просим присыпать статьи для публикации на электронный адрес журнала jurnaluralaltai@mail.ru.

Актуальные правила оформления статьи и библиографии опубликованы на сайте <https://ural-altai.ru/>. Однако соблюдение этих правил при подаче статьи не обязательно; если статья будет принята к печати, мы попросим авторов привести текст в соответствие с ними.

Our journal accepts original papers on Uralic, Turkic, Mongolic and Tingusic languages and cultures. Papers can be written in Russian, English, or German and should be sent on the e-mail address jurnaluralaltai@mail.ru.

The actual requirements can be found on the journal's website <https://ural-altai.ru/>. On the submission, however, papers must not comply with these rules; authors of the accepted papers will be asked to bring the article into compliance with them before publication.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluralaltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
30.12.2025

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluralaltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
30.12.2025

ISSN 2079-1003

